

ОБРАЗОВАНИЕ и ЛИТЕРАТУРА
ВЪ МОСКОВСКОМЪ ГОСУДАРСТВѢ

КОН. XV—XVII ВВ.

ИЗЪ ЛЕКЦІЙ ПО ИСТОРИИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

Ординарнаго профессора Императорскаго Казанскаго
Университета,

А. С. АРХАНГЕЛЬСКАГО.

ВЫПУСКЪ II.

КАЗАНЬ.

Типо-литографія Императорскаго Университета.
1801.

0

ОБРАЗОВАНИЕ и ЛИТЕРАТУРА

ВЪ МОСКОВСКОМЪ ГОСУДАРСТВѢ

КОН. XV—XVII ВВ.

ИЗЪ ЛЕКЦІЙ ПО ИСТОРИИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

Ординарнаго профессора Императорскаго Казанскаго
Университета,

А. С. АРХАНГЕЛЬСНАГО.

ВЫПУСКЪ II.

КАЗАНЬ.

Типо-литографія Императорскаго Университета

1801.

HARVARD COLLEGE LIBRARY
GIFT OF
MEMBERS OF THE CLASS OF 1912
APR 15 1929

Печатано по опредѣленію Историко-филологическаго факультета И м-
ператорскаго Казанскаго Университета.

Деканъ А. Смирновъ

Изъ «Ученыхъ Записокъ» Императорскаго Казанскаго Университета.
за 1899—1900 гг.

Вслѣдствіе неоднократныхъ требованій Геннадія, „еретикъ“ наконецъ были подвергнуты торговой казни, и лѣтописецъ такъ извѣщаетъ объ этомъ фактѣ: „Того же года, бша новгородскихъ поповъ внутіемъ, присла же ихъ владыка Геннадій изъ Новгорода великаго, что поругали ся ибонамъ пьяны и послыша ихъ къ владыцѣ опять“...— и только. Это извѣстіе кажется намъ весьма важнымъ: изъ него видно, что другіе современники „ереси“ не видѣли въ ней того, что усматривалъ Геннадій и о чемъ онъ съ такою горячностью и настойчивостью на первыхъ же порахъ писалъ къ митрополиту, великому князю, къ еписвопамъ—и въ чемъ еще съ большей энергіей поддерживалъ его позднѣе пр. Іосифъ Волоколамскій... Какъ бы то ни было, невольно думается, что слѣдующими замѣчаніями пр. Іосифъ Волоцкій даетъ объ общемъ характерѣ ереси несравненно болѣе вѣрное представленіе, чѣмъ всѣми шестнадцатю „словами“ своего обширнаго „Просвѣтителя“: „Отступиша—пишетъ онъ къ архіепископу Нифонту въ 1493 году—мнози отъ православныя и непорочныя Христовы вѣры и жидовствуютъ въ тайнѣ. Иже преже ниже слухомъ слышася въ нашей земли ересь, отнели же возсія православія солнце,—нынѣ же и въ домѣхъ, и на путѣхъ, и на торжищихъ—иноцы и мірстіи—вси сонмятсѣ, вси о вѣрѣ пытають, и не отъ пророкъ, ни отъ апостолъ, ниже отъ св. отецъ, но—отъ еретиковъ и отступниковъ Христовыхъ... и съ ними дружатся, и піють и ядятъ, и учатся отъ нихъ жидовству“... „Тoliko—замѣчаетъ онъ въ другомъ мѣстѣ—прельстиша (еретикъ) и въ жидовство отведоша, яко не истинно мощно“... „Аще же кто, прибавляетъ онъ, и не отступи въ жидовство, то мнози научишася отъ нихъ писанія божественныя укоряти,—и на торжищахъ и въ домѣхъ о вѣрѣ любопреніе творяху и

сомнѣніе и маху“... Конечно, эта масса пулуеретиковъ, которую „не исцести мощно“, и которую „прельщали“ еретики—не доходила до тѣхъ крайностей, которыя выставляеть въ ереси „жидовствующихъ“ пр. Іосифъ; очевидно, связующимъ элементомъ между „новгородскими еретиками“ и остальной массой православныхъ (...„съ ними дружатся, и пьютъ, и ядятъ, и поучаются отъ нихъ жидовству“...) служили воевѣ не тѣ „хулы“ и мерзости, которыя разсказывали о новгородскихъ попахъ-еретикахъ архіеп. Геннадій и Іосифъ Волоколамскій, и не тѣ мнѣнія крайняго отрицанія, которыми характеризуетъ ересь жидовствующихъ послѣдній: существовала, вѣроятно, почва болѣе умѣренная, болѣе такъ сказать нейтральная, на которой сходились съ „еретиками“ православные, на которой послѣдніе „поучались“ отъ еретиковъ и дружились съ ними... „Хулы“ еретиковъ, очевидно, имѣли больше видъ общаго недовольства, общаго возбужденія, начинавшаго возникать во всей массѣ „книжныхъ людей“ и остального общества, противъ крайностей господствовавшаго направленія религиозныхъ понятій...

Пр. Іосифъ Волоцкій въ только что приведенныхъ словахъ замѣчаетъ: „аще кто и не отступи въ жидовство, то мнози научишася отъ нихъ писанія божественныя укоряти...“; въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ, что всѣ мудрствованія „еретиковъ“ произошли отъ того, что „посмѣли много веществовати умолчанная (въ св. писаніи) и истязати сокровенная“, вся погибель произошла отъ умнаго развращенія и мыслей благихъ оставленія...“ Вотъ, въ послѣднемъ-то, кажется, дѣйствительно и заключалась основная, существенная черта „ереси“. Безусловное довѣріе къ авторитету рушилось: возникъ духъ критики, критическаго отношенія ко всему строю церковной жизни, ко всему характеру современной религиозности...

Для уясненія возникшаго движенія,—чрезвычайно характерными являются и отношенія къ „еретикамъ“ такъ наз. бѣлозерскихъ старцевъ. Нельзя не остановиться мимоходомъ на характеристикѣ этихъ „старцевъ“: борьба съ ними у противниковъ ереси одно время идетъ совершенно параллельно...

Прежде чѣмъ перейти къ этой характеристикѣ, не можемъ не привести здѣсь сполна одного замѣчательнаго памятника полов. XVI в.,—вводящаго насъ непосредственно въ самый центръ борьбы тогдашняго нашего иночества. Разумѣемъ извѣстное посланіе о „нелюбкахъ“...

Спросилъ мя еси, почему Кирилова м-ря старцы Іосифовыхъ старцовъ не любятъ. И азъ вкратцѣ реку ти, съ коихъ мѣстъ нелюбка межъ ихъ.

Егда бысть соборъ при великомъ князѣ Иванѣ Васильевичѣ, всея Русіи и при Симонѣ митрополитѣ, о вдовыхъ попѣхъ и діаконыхъ въ лѣто 7012 (1503), а на томъ соборѣ были архіепископы и епископы и архимандриты и честные игумены и честные старцы изо многихъ монастырей. Да тутъ же былъ старецъ Паисея Ярославовъ, еже бысть преемникъ великаго князя Василя отъ святыхъ купели, и ученикъ его старецъ Нилъ, пореклу Майковъ. Сей Нилъ былъ въ святѣй горѣ, и князь великій держалъ ихъ въ чести въ величѣ. И егда совершися соборъ о вдовыхъ попѣхъ и діаконыхъ, и нача старецъ Нилъ глаголати, чтобы у монастырей сель не было, а жили бы чернцы по пустынямъ, а кормили бы ся руководѣлемъ,—а съ нимъ пустынники бѣлозерскіе. И сіе слышавъ игумень Іосифъ нача вопреки глаголати, приводя на свидѣтельство святаго преподобнаго Θεодосія, общему житію начальника, и святаго преподобнаго Аеанасія Аеонскаго, и святыхъ преподобныхъ отецъ Антонія и Θεодосія печерскихъ чудотворцовъ, и иныхъ многихъ монастырей,—еже у нихъ села. Тажъ и се глагола:

Аще у монастырей сель не будетъ, како честному и благородному челоуѣку постричися? И аще не будетъ честныхъ старцевъ, отколѣ взяти на митрополию или архіепископа или епископа и на всякія честныя власти? А коли не будетъ честныхъ старцовъ и благородныхъ,—ино вѣрѣ будетъ поколебаніе“... И божіими судьбами по ихъ волѣ не осталося. То—первая нелюба!

Какъ не стало старца Нила, а ученикъ его князь Вассіянь Косой, князь Ивановъ сынъ Юрьевича, и нача сей князь вельми поборати по своемъ старцѣ Нилѣ, еже бы у монастырей не было сель,—и съ нимъ сташа инше старцы, съ ними жъ святогорцы. Се же бысть при великомъ князѣ Васильѣ Ивановичѣ всея Русіи. И не попусти сему быти, и имъ мнѣніе на Іосифа же. То—вторая нелюба!

Такожь и новгородскіе еретики нача ваятися лестно, а не истинно. И старецъ князь Васяня повѣрилъ имъ и учалъ за нихъ печаловати великому князю,—а съ нимъ и отъ владыкъ и отъ старцевъ начаша печаловатися. И сіе слышавъ Іосифъ, да написалъ къ великому князю, чтобы лестному ихъ покаянію не вѣрилъ, велѣлъ бы ихъ держати неисходны отъ темницы, чтобы иныхъ людей не прельстили. И князь великій Іосифа послушалъ. То—третья нелюба! И они стали Іосифа про то укоряти великими укоризнами.

Да въ тѣхъ времена старцы звенигородской князь Деонисій да Нилъ Полевъ, Іосифовы постриженники, жили въ пустынѣхъ на Бѣлѣ-озерѣ, близе Кирилова монастыря. И старецъ князь Діонисей Звенигородскій приде въ пустыннику и узрѣ у него крестъ подъ постелею, и прилучися въ та времена съ нимъ священникъ мірской. И паки, во иное время, приде ко иному пустыннику, а тотъ священникъ съ нимъ же: аже тотъ пустынникъ дер-

жить у себя въ рукахъ книгу; а келья у него топится. И какъ зазрѣлъ старца Діонисія, и тотъ пустынный книгу вкинулъ въ печь и книга згорѣла. И ту великую ересь видѣлъ старецъ Діонисій да и священникъ. И къ Іосифу старецъ Діонисій прислалъ старца Серапіона крестечника съ грамотою, а въ ней написано, что у пустынниковъ видѣлъ ересь. Іосифъ прочетъ грамоту, да послалъ ту грамоту къ ростовскому архіепископу Васьяну, понежь въ его архіепископыи. А въ та времена Васьянъ архіепископъ на Москвѣ былъ. И Васьянъ архіепископъ ту грамоту подалъ великому князю. И великій князь ту грамоту показалъ старцу князю Васьяну Косому, и рече ему: добро ли чинятъ твои пустынники? И Васьянъ рекъ великому князю: та деи, государь, грамота писана лукавствомъ а все солгано; вступи-де, государь, попа. И князь великій велѣлъ поставити попа, да спросилъ попа. И попь сказалъ такъ, какъ въ грамотѣ писано. И старецъ Васьянъ князь попа просилъ на пытку, и попа пытали, и ногу изломали, и попь и умеръ, а не створилъ. И князь великій ополѣлся на старца на князя Діонисія да и на старца Нила, глаголюще: сами де межъ себя бранятца, и меня грѣха доставили. Да велѣлъ князь великій старца Діонисія да съ нимъ Нила старца взяти въ Кирилловъ монастырь, и пустыни ихъ велѣлъ сжечи. То—последняя вражда и до сѣхъ мѣсть!

Егда жь Діонисей старецъ князь звенигородскій и старецъ Ниль Полевъ были въ Кирилловѣ въ опалѣ, и повѣдаша намъ, яко тогда въ велицѣй нужи многи скорби претерпѣша. И повѣда намъ се старецъ Ниль Полевъ. Егда, рече, быхъ въ велицѣй нужи и молихся со слезами и вспомянухъ, яко безъ благословенія издохъ отъ отца Іосифа и обѣщанія своего постриженія, и о семъ зѣло оскорбихся, и забыхъ всю нужу свою, и быхъ въ страхъ велицѣ, и рѣхъ во сердци своемъ: что сотворихъ азъ окаянный, яко умираю

безъ прощенія. И начахъ призывать отца Іосифа въ молитвѣ своей и прощеня просити и рѣхъ: Отче господине пр. Іосифе! аще и мѣстомъ растоянія далече есмь, но сердцемъ и мыслию предъ тобою есмь, прости мя грѣшнаго,—и легахъ мало опочинучи, и видѣхъ себя въ монастырѣ отца Іосифа, и паки яко придохъ въ келью во отцу Іосифу, и егда узрѣхъ его, падохъ на носѣ ему, прощеніе прося. Онъ же объятъ мя мантією своею и рече ми: Богъ тя проститъ. Азъ же отъ радости воспрянувъ и обрѣтохъ сердце свое безъ всякія скорби. И въ малѣ времени князь великій повелѣлъ намъ ѣздити во Іосифъ монастырь.

Князь же Васьянъ старецъ враждовалъ много на Іосифа и монастырь его хотя разорити. И божіими судьбами по малѣ времени ополѣлся на него князь великій и послалъ его во Іосифовъ монастырь. Онъ же въ монастырѣ и преставися, и погребенъ бысть тамо.

О искони злоначальный врагъ роду человѣческому! Іосифъ все благочиніе и благоговѣнство снималъ съ Кирилова монастыря,—и се нынѣ діаволь мнѣніемъ не смиру вражду положи межъ такихъ свѣтилъ! Во истину сбытся, якоже святіи отци рекоша, яко мнѣніе—второе паденіе. И паки рекоша: всѣмъ страстемъ мати—мнѣніе“. [Сборн. XVI в. Моск. Син. б-ви, № 927, прежн. ва., лл. 187—190. Приб. къ тв. св. отц., X, стр. 504—508].

Важнѣйшіе представители „бѣлозерскихъ старцевъ“— Паисій Ярославовъ, Нилъ Сорскій и Вассіанъ Патрикѣевъ.

Біографическія свѣдѣнія о Паисіи Ярославовѣ крайне скудны и отрывочны. Предполагаютъ, что около половины XV в. онъ былъ инокомъ Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря; позднѣе нѣкоторое время живетъ въ Троице-Сергіевой Лаврѣ (1467—1474), и по настоятельному желанію великаго князя дѣлается здѣсь даже игуменомъ (1479—1482), но скоро уходитъ отсюда,—потому что, замѣчаетъ дѣтописецъ,

„не могъ обратитъ чернецовъ на путь Божій, на молитву, постъ, воздержаніе, они хотѣли даже убить его“... Затѣмъ мы видимъ его въ Москвѣ: въ 1484 году великій князь совѣтуется съ нимъ по дѣлу митр. Геронтія (разсорившагося съ княземъ и хотѣвшаго оставить митрополію), уговаривая Паисія быть вмѣсто него митрополитомъ, но тотъ отказался. „Князь великій—читаемъ въ Софійскомъ Временникѣ—поча думати съ Паисею, пригоже ли его (митрополита) опять взяти на митрополію, онъ-же сдума. Хотяше бо его самого на митрополію, онъ-же не хотяше“... Какъ причину отказа лѣтописецъ приводитъ упомянутый фактъ неудачнаго игуменства: „Принуди бо его (Паисія) дотолѣ князь великій у Троицы въ Сергіевомъ монастырѣ игуменомъ быти,—и не може чернецовъ превратити на Божій путь, на молитву и на постъ и на воздержаніе, и хотѣша его убити, и остави игуменство. И потому же и митрополію не восхотѣ“... Паисій присутствуетъ на соборахъ въ Москвѣ 1490 года, о новгородскихъ еретикахъ, и 1503 года, о вдовыхъ попахъ и монастырскихъ имуществвахъ. Наиболѣе частымъ мѣстопребываніемъ Паисія были повидимому монастыри Кирилло-Бѣлозерскій и Спасо-Каменный, находившіеся въ предѣлахъ ростовской епархіи, и вообще пустыни „заволжскія“. Годъ смерти неизвѣстенъ. Вмѣстѣ съ „ученикомъ“ своимъ Ниломъ Сорскимъ († 1508) Паисій Ярославовъ пользовался необыкновеннымъ уваженіемъ какъ въ средѣ современной русской іерархіи, такъ и отъ великаго князя. Въ 1489 г. новг. архіеп. Геннадій, вступая въ борьбу съ новгородскими еретиками и сообщая о нихъ ростовскому архіепископу, проситъ послѣдняго посовѣтоваться съ жившими въ предѣлахъ его епархіи, Паисіемъ Ярославовымъ и Ниломъ Сорскимъ, и привлечь ихъ въ борьбу: „Да чтобы еси послалъ по Паисія да по Нила—пишетъ Геннадій—да съ ними-бы еси о томъ (рѣчь идетъ о распространившихся въ народѣ толкахъ о близкой кончинѣ міра) посовѣтовалъ... И ты бы съ Паисіемъ да съ Ниломъ накрѣпко по-

говориль—повторяеть онъ нѣсколько ниже—чтобы и мнѣ отписаль о томъ“. Геннадій и самъ хочетъ поговорить съ авторитетными старцами, — съ этой цѣлью даже приглашаетъ ихъ къ себѣ: „Да и о томъ ми отпиши, наказываетъ онъ, мощно ли у меня побывати Паисею да Нилу, о ересяхъ тѣхъ было съ ними поговорити“... Съ еще бѣльшимъ уваженіемъ относится къ Паисію и Нилу самъ великій князь. По свидѣтельству современниковъ, оба старца „ради вѣрнѣаго жительства и добродѣтели множества имѣли великое дерзновение къ державному, и были зѣло преемлемы и почитаемы у него“... Паисій былъ близокъ и къ самому семейству велиаго князя, являясь воспреемникомъ его дѣтей. Въ 1480 г., вмѣстѣ съ митр. Геронгіемъ и архіеп. Вассіаномъ, Паисій ходатайствуетъ предъ великимъ княземъ за его брата.

Паисій Ярославовъ является духовнымъ руководителемъ другого, не менѣе знаменитаго современнаго подвижника, Нила Сорскаго, и какъ мы замѣчали, однимъ изъ старѣйшихъ представителей „бѣлозерскихъ“ или „заволжскихъ старцевъ“, — иноковъ, жившихъ по отдаленнымъ пустыннымъ монастырямъ вологодскимъ и бѣлозерскимъ, съ Кирилло-Бѣлозерскимъ монастыремъ во главѣ; старцы—назывались въ Москвѣ вообще „заволжскими“... Нила Сорскаго, главнаго представителя идей и стремленій „заволжскихъ старцевъ“, современники прямо называли „ученикомъ“ Паисія; въ письмѣ о „нелюбкахъ“: „да тутъ же (на соборѣ 1503 года) былъ старецъ Паисій Ярославовъ и ученикъ его, старецъ Нилъ Сорскій, по реку Майзковъ“... Взаимныя отношенія этихъ двухъ замѣчательнѣйшихъ представителей тогдашняго русскаго иночества были, повидимому, вообще постоянно самыя близкія и тѣсныя. Въ упоминаніяхъ современниковъ имена Паисія и Нила чаще всего встрѣчаются вмѣстѣ, рядомъ... Въ числѣ посланій Нила Сорскаго едва ли два не были написаны имъ къ Паисію: мы не знаемъ никого другого, съ которымъ могли-бы быть у

Ила столь глубокія нравственныя связи и къ которому въ тоже время онъ могъ бы относиться какъ къ своему духовному руководителю и наставнику... „Боюся, владыко мой—читаю въ одномъ изъ этихъ посланій—да не множество грѣхъ моихъ возбранитъ мнѣ насладиться твоего видѣнія..,—да утвердится ми сердце твоими словесы!. О частнѣйшій отче! свое чадо убогое не забывая, буди молитвенникъ ко Господу о моемъ окаянствѣ,—всегда быти благоволи, много молю твое преподобство, и на путь спасенія наставляти мое недостойнство, владыко, не отрицися“!... Во второмъ—прося опять молитвъ у того, „его же отъ пеленъ вожделѣхъ видѣти“,—авторъ пишетъ: „Можетъ бо, святыи владыко, еже токмо видѣти тя злонравную ми душу увѣщати, во благонравіе приложитися и во умиленіе прійти... Не могу комуждо, яко же прилучися, обнажити язвы души моея,—но тебѣ токмо, святыи владыко, яко и древняя моя цѣлившу“...

Общее направленіе „заволжскихъ“ иноковъ было строго аскетическое, но—несравненно болѣе внутренняго, духовнаго характера, чѣмъ какъ понимался аскетизмъ большинствомъ тогдашняго русскаго монашества. Общій фонъ ихъ стремленій—перевѣсъ внутренняго, духовнаго, идеальнаго, передъ виѣшнимъ, обрядовымъ. На взглядахъ и идеяхъ „старцевъ“ лежитъ общій отпечатокъ христіанской духовности; въ своихъ стремленіяхъ старцы хотять приблизиться къ первобытному евангельскому идеалу. Иночество, по ихъ мнѣнію, должно быть не тѣлеснымъ, но духовнымъ, и требуетъ не виѣшняго умерщвленія плоти, а внутренняго, духовнаго самосовершенствованія. Почва монашескихъ подвиговъ—не плоть, а мысль и сердце. Намѣренно обезсиловать, „умерщвлять“ тѣло излишне: слабость тѣла можетъ препятствовать подвигамъ нравственнаго самоулучшенія. Инокъ, напротивъ, можетъ и долженъ питать и поддерживать тѣло, „по потребѣ безъ мала“, даже—„успокоивать его въ малѣ“, снисходя физическимъ слабостямъ, болѣзни, старости... Во всякомъ случаѣ физическое пощеніе не

самое главное. О предметѣ этомъ, столь важномъ по господствовавшему взгляду того времени, Ниль Сорскій дѣлаетъ лишь общее наставленіе: „Отъ всѣхъ обрѣтающихся брашенъ, аще и сладкихъ, пріймати по малу: се есть смысленныхъ разсужденіе“, говоритъ онъ,—а не ова избирати, ова же отлагати“... Непомѣрному пощенію Ниль не сочувствуетъ: для подавленія страстей полезно уменьшать пищу, но вообще „неподобааетъ—говоритъ онъ словами Василія Великаго—брашны, ими же составляется тѣло, ратовати ѿ“... Ниль Сорскій вообще врагъ всякой внѣшности; онъ считаетъ излишнимъ имѣть въ храмахъ дорогіе сосуды, золотыя или серебряныя, и вообще украшать церкви: „еще ни одинъ человѣкъ не осужденъ Богомъ за то, что онъ не украшалъ храмовъ“... Церкви должны быть чужды всякаго великолѣпія; въ нихъ нужно имѣть только необходимое—„повсюду обрѣтаемое и удобъ покупаемое“. Чѣмъ жертвовать въ церковь,—лучше раздать нищимъ... Подвигъ нравственнаго самосовершенствованія долженъ быть разумносознательнымъ. Иноемъ долженъ проходить его не въ силу принужденій и предписаній,—а „съ разсмотрѣніемъ“,—„вся съ разсужденіемъ творити“... „Ты, какъ свѣча, говорили русскому иноку прежде,—воленъ только до церковныхъ дверей, а потомъ, не смотри, какъ и что изъ тебя сдѣлаютъ; ты, какъ одежда, знай себя до тѣхъ поръ, пока не возьмутъ тебя въ руки, а потомъ не заботься, если разорвутъ тебя и на тряпки. Имѣй свою волю только до монастыря“... Ниль Сорскій, ученикъ Паисія и глава „бѣловерскихъ старцевъ“, смотритъ на инока не такъ. Онъ требуетъ отъ инока не механическаго послушанія, а сознательности въ подвигѣ. Здѣсь, какъ вездѣ,—„самая добрая и благолѣпная дѣланія, говоритъ Ниль, съ разсужденіемъ подобаетъ творити. Вся дѣйствующаяя мудрованіемъ предваряти,—безъ мудрованія бо и добрая на злобу бываетъ“... Рѣзко возставая противъ „самочинниковъ“ и „самопретывателей“, „старцы“ не уничтожаютъ въ инокѣ, личной свободной воли.

Преподавая въ своемъ *Правилъ ученикомъ* — родъ монастырскаго устава—совѣты и наставленія, Нилъ Сорскій всегда даетъ ихъ подъ условіемъ,— „аще произволяютъ“, — „аще угодно Богу и полезно душамъ“; „аще же кто о сихъ вѣщшее и полезнѣйшее разумѣваетъ, прибавляетъ онъ въ одномъ мѣстѣ— и онъ тако да творить, и мы о семъ радуемся“... Это признаніе правъ личнаго, свободнаго разумѣнія, вмѣсто безотчетнаго, рабскаго „послушанія“ представляетъ характерную черту въ общемъ кругѣ возрѣній Нила Сорскаго и всѣхъ „бѣловерскихъ старцевъ“...

Личная воля инока (а равно и каждаго человѣка) должна подчиняться, по взгляду „старцевъ“, только одному авторитету— „божественнымъ писаніямъ“. Это—единственный источникъ къ познанію нравственныхъ и религіозныхъ обязанностей инока. „Испытую божественныя писанія“, пишетъ Нилъ къ своимъ друзьямъ, „и тѣмъ внимаю; и аще что случится творити ми,—аще не обрящу то во св. писаніяхъ, отлагаю се на время, дондеже обрящу“... „Свяжи себе законы божественныхъ писаній, пишетъ онъ одному изъ своихъ учениковъ,—и послѣдуй тѣмъ.., и безъ свидѣтельства писаній не твори что“!.. „Буди же усерденъ къ послушанію божественныхъ писаній—пишетъ онъ другому—и сихъ глаголы, яко водою духовною напаяя свою душу, тщися, елико по силѣ, по сихъ творити“... „Испытаніе“ божественныхъ писаній, изученіе ихъ—главная обязанность инока. Любовь къ этому „испытанію“, вообще книжныя занятія, были повидимому отличительною чертою „старцевъ“. „Тѣми (писаніями) поучаюся, замѣчаетъ Нилъ Сорскій, и въ томъ животъ и дыханіе мое имѣю“.. И аще кто, прибавляетъ онъ, любовію духовною прилѣпляется мнѣ,—такожде совѣтую дѣлати“.. Недостойная жизнь иноковъ и вообще человѣка исключительно зависитъ, по мнѣнію „старцевъ“, — „отъ еже не вѣдѣти намъ святая писанія“... И въ защитѣ своихъ мнѣній „старцы“ стараются исключительно стоять на этой почвѣ „писаній“, —защищая себя ссылками

„отъ святыхъ правилъ и отъ многихъ книгъ“,—на своихъ противниковъ смотря лишь, какъ на „незнающихъ писанія“ или „клеветующихъ истину евангельскую“...

Впрочемъ, по мнѣнію „старцевъ“, писанія— „не вся божественна суть“... Съ изученіемъ божественныхъ писаній должно быть соединяемо критическое отношеніе къ общей массѣ письменнаго матеріала. „Писанія многа, но не вся божественна“,— и слѣдовать нужно писаніямъ „истиннымъ, божественнымъ“... Въ этомъ отношеніи чрезвычайно любопытны книжныя занятія самого Нила Сорскаго. Переписывая книги, онъ подвергаетъ списываемый матеріалъ болѣе или менѣе тщательной критикѣ. Онъ списываетъ „съ разныхъ списковъ, тщася обрѣсти правый“,—дѣлаетъ сводъ наиболѣе вѣрнаго; сличая списки и находя въ нихъ „многа неисправлена“,—старается исправлять, „елико возможно его худому разуму“.. Въ случаѣ, если иное мѣсто кажется ему „неправымъ“, а исправить не почему, Нилъ оставляетъ въ своихъ рукописяхъ пробѣлы, съ замѣткой на поляхъ: „отъ здѣ въ спискахъ не право“, или: „аще гдѣ въ иномъ переводѣ (подлинникѣ) обрящется извѣстнѣйше сего, тамо да чтется“,— и оставляетъ таеъ пустыми иногда цѣлыя страницы. Вообще онъ списываетъ только то, что „по возможному согласно разуму и истинѣ“... То же критическое отношеніе къ „писаніямъ“ мы видимъ и у Вассіана Патрикѣева, и вообще въ сочиненіяхъ, вышедшихъ изъ шелоу „заволжцевъ“... „Бѣлозерскіе старцы“ рекомендуютъ такимъ образомъ не простое чтеніе „писаній“, „почитаніе книжное“ (о необходимости котораго у насъ говорилось съ XI вѣка), но сознательное, критическое усвоеніе читаемаго. Эта мысль о критикѣ является новой, чрезвычайно характерной чертой въ воззрѣніяхъ „старцевъ“, и для тогдашняго круга грамотниковъ особенно необычной. Въ глазахъ послѣднихъ—всякая вообще „книга“ (вромѣ тѣхъ „ихъ-же не подобало чести“, граница которыхъ однако была крайне неопредѣленна и подвижна), все написанное—носило характеръ одинаковаго

авторитета, являлось одинаково непререкаемымъ, „боговдохновеннымъ“. И книги св. Писанія въ строгомъ смыслѣ, и творенія отцовъ церкви, и житія святыхъ, и патерики, и правила св. апостоловъ и соборовъ, и толкованія на эти правила, и добавленія къ нимъ, явившіяся впоследствии, наконецъ, даже разнаго рода „градстіи законы“, т. е. указы и распоряженія византійскихъ императоровъ, и еще болѣе позднія дополнительные статьи къ нимъ, вошедшія въ Кормчюю—все это въ глазахъ древнерусскаго читателя являлось одинаково неизмѣннымъ, непривосновеннымъ, все это безразлично носило названіе „божественныхъ писаній“... Іосифъ Волоколамскій, одинъ изъ ученѣйшихъ людей своего времени, прямо доказываетъ, что напр. упомянутые „градстіи законы“—„подобны суть пророческимъ и апостольскимъ и святыхъ отецъ писаніямъ“, а сборники Никона Черногорца (простого греческаго монаха XI вѣка) смѣло называетъ „боговдохновенными писаніями“... Понятны поэтому укеры со стороны Іосифа—Нилу Сорскому и его ученикамъ, что „Ниль и ученикъ его Васьянъ похулиша въ русской землѣ чудотворцевъ, иже въ древняя лѣта... бывшихъ чудотворцевъ,—чудесемъ ихъ невѣроваша и отъ писанія измѣташа чудеса ихъ“... И Васьянъ долженъ былъ защищаться: „Сіе Іосифе, лжещи на мя и на моего старца Нила, что мы хулимъ чудотворцовъ и древнихъ и новыхъ. Чудесъ изъ ихъ святыхъ писаній ничего старецъ Ниль не выкинулъ, а наипаче исправилъ съ иныхъ, съ правыхъ списковъ“... Одна попытка скольконибудь критическаго отношенія къ списываемому матеріалу даже лучшимъ людямъ казалась ересью...

Стремясь къ евангельскому идеалу, „бѣлозерскіе старцы“ не скрываютъ своего осужденія тѣмъ „нестроеніямъ“, которыя они видѣли въ большинствѣ современнаго русскаго монашества. Паисій Ярославовъ тщетно пытается обратить подчиненныхъ ему иноковъ „на божій путь, молитву, постъ, воздержаніе“...,—и молча протестуетъ, оставляя игуменство и уходя.

изъ монастыря. Ниль Сорскій и Вассіанъ Патрикѣевъ вооружаются противъ монастырской деморализаціи открыто. „Нѣкогда святое житіе иноческое — нынѣ мертво бысть“, пишетъ Ниль. „Отягчаются вся грады и веси отъ лжемонаховъ, обходящихъ и обтекающихъ всеу. Смущаются вси домувладыки—видаще тѣхъ прошаковъ безстудно у дверей своихъ пребывающихъ“... Вассіанъ Патрикѣевъ съ еще бѣльшей рѣзвостью обличаетъ „презлыхъ осифлянъ“,—которые „не токмо яко мирстіи чловѣцы живутъ, но и горше того“...

„Бѣлозерскіе старцы“, и во главѣ ихъ Паисій Ярославъ, Ниль Сорскій и Вассіанъ Патрикѣевъ, какъ мы уже упоминали выше, выступили энергичными противниками монастырскихъ имуществъ, горячими проповѣдниками первобытной иноческой нищеты. Это вытекало непосредственно изъ общаго взгляда ихъ на сущность и цѣли иночества. Всякую собственность они считаютъ противорѣчащей иноческимъ обѣтамъ, рѣшительно несомвѣстимой съ стремленіями „инока“: инокъ отрывается отъ міра и всего, „яже въ немъ“; какъ же послѣ этого онъ можетъ тратить время на заботы о мірскихъ имуществвахъ, земляхъ, богатствахъ?.. Иноки должны питаться исключительно своими трудами; даже подаванія могутъ принимать лишь въ крайнихъ случаяхъ. Они не должны „не точію не имѣти имѣнія, но ни желати то стяжавати“... Обязательное для инока „старцы“ считаютъ обязательнымъ и для монастыря: монастырь есть лишь собраніе людей съ одинаковыми, одними и тѣми же, цѣлями и стремленіями,—предосудительное иноку поэтому предосудительно и монастырю... Вопросъ о монастырскихъ имуществвахъ имѣлъ животрепещущее значеніе, и отрицательное отношеніе къ нему „старцевъ“ естественно не могло не быть одною изъ главныхъ причинъ враждебности къ „старцамъ“ такихъ людей, какъ Іосифъ Волоцкій, а равно, съ другой стороны, открытой вражды „старцевъ“ къ „презлымъ осифлянамъ“,—причиной, „почему Кири-

лова монастыря старцы Иосифовыхъ старцевъ не любили“: по отзыву современника, — „то была межъ нихъ первая нелюба“...

Вмѣстѣ съ проповѣдью идеальной иноческой нестяжательности, — „бѣлозерскіе старцы“ явились проповѣдниками бѣльшей религіозной терпимости. Это касалось другого чрезвычайно важнаго общественнаго вопроса времени, дѣла о „новгородскихъ еретикахъ“; болѣе снисходительное отношеніе въ нимъ „старцевъ“ было, по отзыву того же современника, новой причиной вражды въ „старцамъ“ „осифлянъ“, — „второй межъ нихъ нелюбой“... „Старцы“ дѣйствительно въ этомъ случаѣ столь же рѣзко расходились съ господствовавшими взглядами, какъ и въ вопросѣ о монастырскихъ имуществахъ. Большинство духовенства смотрѣло совершенно иначе. Даже лучшіе его представители, напр. знаменитый нов. арх. Геннадій, совѣтуютъ собравшимся въ Москвѣ для суда надъ еретиками епископамъ — „только того-для учинити соборъ, что ихъ (еретиковъ) казнити, жечи да вѣшати“.. Другой современникъ, Иосифъ Волоцкій, доказываетъ въ особомъ посланіи, что еретика и отступника подобаетъ „не только осуждати, но и проклинати..., и въ заточеніе послати и казнямъ лютымъ предавати, — а всѣмъ, Христа любящимъ, подобаетъ всяко тщаніе и подвигъ и богомудростная коварства (!) показати, еже крющаяся еретики испытовати и искати и истязати“...; что вообще — „еретика или грѣшника руками убити или молитвою — подвергнуть тѣлесной, гражданской казни или духовной, церковной — едино есть“.. Бѣлозерскіе старцы выступаютъ рѣшительными противниками этого суроваго взгляда, и въ коллективномъ посланіи, стоя на почвѣ евангельской любви и прощенія — по пунетамъ разбиваютъ приводимые доводы Иосифа. Приводимъ это амѣчательное посланіе слово, — оно фактически характеризуетъ возрѣнія „старцевъ“:

Кирилова монастыря старцы и вси заволожстїи старцы положили тому посланію старца Иосифа (настоящее посланіе „старцевъ“ слѣдуетъ въ рукописи непосредственно за

„посланиемъ старца Іосифа на Волокъ... о Касьянѣ архимандритѣ и о прочихъ еретицѣхъ“,—отвѣтомъ на которое и служить) *свидѣтельства отъ божественнаго писанія сопротивно*, что некающихся еретиковъ и непокоряющихся велить заточити, а кающихся еретиковъ и свою ересь проклинающихъ церковь Божію приѣмлетъ простертыма дланьма. Грѣшныхъ ради Сынъ Божій воплотися, приде взыскати и спасти погибшая. А что, господине старецъ Іосифъ, Моисей скривали разбилъ, тако есть, но егда Богъ хотя погубити Израиля поклоншася тельцу, тогда Моисей ста вопреки Господеву и рече: Господи, аще сихъ погубиши, то и мене прежде сихъ. И Богъ не погуби Израиля Моисея ради. Видиши-ли, господине, яже любовь Моисеева и согрѣшающа зло превозможе и утоли гнѣвъ Божій. Такоже, господине, и Ілья пророкъ, ревнуя по Господѣ Вседержителю, закла чотыреста жрецъ вааловыхъ понеже не каются; а иже отъ нихъ покашася, сихъ пріять на покашаніе. Отъ сихъ же бысть Авдей пророкъ, и пророческаго дара сподобленъ бысть. А Финеесъ, господине, проболь оружіемъ братана, блудяща съ мадіамлянынею, понеже на всемъ тогда Израили грѣхъ той бысть. Намъ же въ новѣй благодати яви Владыко Христосъ любовный союзъ, еже не осуждати брату о томъ, но единому Богу судити согрѣшенія человѣческая, рече: не судите, не осуждени будете. И егда приведоша къ нему жену въ прелюбодѣяннію, тогда Премилостивый Судія рече: иже не имать грѣха, да вержетъ на ню первіе камень. Потомъ самъ главу преклонь, и писа коегождо ихъ согрѣшенія. Тако возрази убійственную руку жидовскую, вождо по своимъ дѣломъ пріиметь отъ Бога въ день судный. Аще же ты повелѣваеши брату брата согрѣшша убити, то вскорѣ суботство будетъ и вся ветхая закона, ихъ же Богъ ненавидитъ. И Петръ апостоль Симона волхва молитвою разби, понеже прозвася прелудавый злодѣй Сыномъ Божіимъ, при Неронѣ цари, и того ради достойный судъ пріять отъ Бога за превеликую лость и злобу.

И ты, господине Іосифе, сотвори молитву да иже недостойніи еретицы то земля ихъ пожретъ. Аще ли приѣмлетъ Богъ еретика на покааніе, то не услышенъ будешь отъ Бога. Разумѣи бо разбойника исповѣданіемъ спасена, и мытаря милостію очищена, и блудницу плачущую предъ нимъ прощени, и дщерію ея Владыка прозва. И Павелъ апостоль Елиму волхва молитвою ослѣпи, понеже искаше антипата развратити отъ вѣры. А самъ ап. Павелъ пиша: авъ быхъ былъ анафема отъ Христа моего, сирѣчь проклятъ, токмо братія моя спасайся израильтяне. Видиши ли, господине, душу свою полагаетъ за соблазвившуюся братію, дабы спастися, а не рекъ имъ, дабы ихъ огонь пожегъ или земля пожерла,—а могли отъ Бога сія вся пріяти. А Левъ, господине, Катанскій епископъ, Леодора волхва патрахилью связа и сожже, и другаго волхва Исидора такожде молитвою сожже при гречествѣмъ цари; и ты, господине Іосифе, почто не испытаешь своей святости, не связа Касьяна архимандрита своею манатією, донели же бы онъ згорѣлъ, а ты бы въ пламени его держалъ связана,—и мы быта яко единого отъ трехъ отровъ изъ пламени изшедша пріями. Поразумѣй, господине Іосифе, яко много разньство промежъ Моисея и Іліи и Петра апостола и Павла,—да и те отъ нихъ. Ктобы, господине, вѣдалъ многое Божіе милосердіе, аще не бы самъ показалъ чловѣкомъ, приѣмля грѣшныи кающася, яко же и блудницу и мытаря, якоже онаго Манасію сквернаго, иже пятьдесятъ лѣтъ и два лѣта идоломъ служилъ, и весь Израиль беззаконѣствовати сотвори и во единъ часъ покася, прощеніе получи. Видиши ли, господине, колико душъ израильскихъ людей въ пятьдесятъ лѣтъ и въ два лѣта погубе, имже повиненъ бысть Манасія царь. Но одолѣ чловѣколюбіе Божіе злу Манасіиню. Затворенъ бывъ въ мѣди въ Вавилонѣ и тако покася Господеву. Ангель Господень развергль мѣдь и прінесе его во Іерусалимъ и поживѣ прочее лѣто въ покааніи. И апостолу Петру воспросившу Господа и рече: Господи! аще братъ въ мя согрѣшитъ до седмижды ли прощу его днемъ?

И рече Господь: не глаголю ти до седмижды, но и до сѣдмидесять седмерицею прости его. Оле милости твоея, человѣколюбче! Слава неизреченнымъ твоимъ щедротамъ, Господи. Ино и истиннымъ судомъ милостивъ и долготерпѣливъ о злобахъ человѣческихъ наречеса, — праведныхъ бо любиши, а грѣшныхъ милуеши, нынѣ и въ безконечныя вѣки. аминь. [Памятникъ этотъ напечатанъ въ „Древн. Росс. Вивліюеиѣ“, Новикова, ч. XVI, изд. 2-ое, М., 1791, стр. 423—424; здѣсь помѣщается нами сполна, по Сборнику XVII в. Моск. Синод. б-ви, № 623, стар. кат., л. 209—209 об.]

Стоя на различныхъ точкахъ зрѣнія, бѣлозерскіе иноки нерѣдко расходились съ большинствомъ современнаго духовенства и по другимъ, болѣе частнымъ, церковнымъ вопросамъ. Такимъ былъ напр. вопросъ о „вдовыхъ попахъ“. Извѣстно, что на соборѣ 1503 года всѣ вдовы священники и дѣяконы были лишены права священнослуженія. „Бѣлозерскіе старцы“, во главѣ съ Паисіемъ Ярославовымъ и Ниломъ Сорскимъ, присутствовавшими на соборѣ, высказались противъ соборнаго опредѣленія. Взгляды „старцевъ“ поддерживались и нѣкоторыми отдѣльными лицами; протестъ противъ соборнаго рѣшенія, подалъ напр. ростовскій священникъ Георгій Скрипица, и также тщетно... Извѣстно, что взгляды бѣлозерскихъ иноковъ впоследствии, на московскомъ соборѣ 1666—1627 гг., восторжествовали.

Таковы были въ общихъ чертахъ идеи направленія, во главѣ котораго стоялъ Паисій Ярославовъ и „ученикъ“ его, Нилъ Сорскій. Идеи „старцевъ“ вызвали большую полемику, — но въ ней не участвовалъ ни Паисій, ни его „ученикъ“: она всецѣло была предоставлена ими болѣе молодому и энергичному преемнику, кн.-ин. Вассіану Патрикѣеву; ему, вѣроятно, и принадлежала бѣольшая часть всего написаннаго отъ имени „заволжцевъ“. И Паисій и Нилъ держали себя въ сторонѣ. О Паисіи Ярославовѣ въ этомъ отношеніи имѣется даже еще менѣе прямыхъ извѣстій, чѣмъ о Нилѣ Сорскомъ, — хотя и

дошедшія, при всей ихъ краткости и отрывочности, довольно опредѣленно указываютъ симпатіи знаменитаго старца, солидарность его взглядовъ съ взглядами и симпатіями позднѣйшаго энергичнаго ученика... На соборѣ 1503 года Паисій Ярославовъ вмѣстѣ съ Ниломъ Сорскимъ выступаютъ открытыми противниками монастырскихъ имуществъ. Предполагаютъ, что на авторитетъ знаменитыхъ старцевъ болѣе всего рассчитывалъ опереться Иванъ III, въ своей борьбѣ противъ вотчинныхъ правъ монашества: оба вождя „заволжцевъ“ призываются на соборъ и имъ предоставляется инициатива дѣла... Вмѣстѣ съ Ниломъ Сорскимъ Паисій Ярославовъ повидимому держался болѣе вѣротерпимыхъ взглядовъ и въ дѣлѣ о новгородскихъ еретикахъ. Мы видѣли, въ 1489 г. архіеп. Геннадій дѣлаетъ попытку, привлечь ихъ къ борьбѣ съ ересью, — приглашаетъ ученыхъ старцевъ къ себѣ. Неизвѣстны результаты стараній Геннадія; но, кажется, они были несовсѣмъ таковы, каковыхъ желалось. По крайней мѣрѣ, больше мы не видимъ никакихъ сношеній Геннадія ни съ Паисіемъ, ни съ Ниломъ. Къ нимъ не обращается и главный противникъ ереси, волоколамскій игумень; какъ и Геннадій, онъ не имѣетъ съ ними никакихъ сношеній... Между тѣмъ, оба старца не относились къ дѣлу безучастно: мы видимъ ихъ на соборѣ 1490 года, разбиравшемъ дѣло еретиковъ, — и едва ли даже это присутствіе не вліяетъ самымъ рѣшительнымъ образомъ на соборное постановленіе... Въ самомъ дѣлѣ, припомнимъ рѣшеніе собора 1490 года: приговоръ этого собора далъ совсѣмъ не то, чего ожидали. Наканунѣ соборныхъ засѣданій Геннадій пишетъ собравшимся въ Москву іерархамъ: „Вамъ, своей братіи, пишу. Митрополитъ бы съ вами, съ моею братією, тѣхъ всѣхъ еретиковъ проклялъ, да и тѣхъ, къ кому они приходили въ соглашеніе, или кто по нихъ руку держалъ, или кто о нихъ печальниязъ, или кто нибуди послѣдовалъ ихъ прелести, — тѣхъ бы всѣхъ отецъ митрополитъ да и вы, наша братія, проклятью предали. Да бы о вѣрѣ никакихъ рѣчей

съ ними не плодили; токмо того-для учинити соборъ, что ихъ казнити—жечи да вѣшати... Да пытали бы на нихъ накрѣпко о томъ, кого они прельстили... Да не плошится: станьте крѣпко"... Повидимому, этотъ взглядъ вполне раздѣлялся и большинствомъ: по сохранившемуся извѣстію, всѣ іерархи „стали крѣпко“ и единогласно заявили, что „вся (всѣхъ еретиковъ) сожещи достоинъ"... И однако, что же въ результатѣ? Соборъ проваливаетъ двухъ-трехъ поповъ-еретиковъ, лишаетъ ихъ сана, и отсылаетъ обратно къ Геннадію; о тѣхъ же, „къ кому они приходили въ соглашеніе“ или „кто по нихъ руку держаль“, или о томъ, что кого-либо „сожещи достоинъ“—ни слова. Какъ произошелъ такой неожиданный поворотъ?.. По упомянутому извѣстію, противъ мнѣнія „всѣхъ“ возсталъ митрополитъ Зосима: „Егда вси (архіепископы и епископы) рѣша, яко вся сожещи достоинъ,—егда же дойде до Зосимы митрополита, той рече: достоинъ я проклятію предати и послати въ Новгородъ на покаяніе подъ стражу; занеже мы отъ Бога не поставлены на смерть осуждати, но грѣшныя обращати къ покаянію"... Соборный приговоръ такимъ образомъ, судя по извѣстію, былъ собственно мнѣніемъ митрополита; но неужели онъ одинъ, безъ сторонниковъ, могъ такъ рѣзко воспротивиться голосу всего собора? Не было ли мнѣніе митрополита поддержано и нашими старцами?.. И не потому ли Іосифъ Волоцкій съ такой готовностью заподозривалъ и Нила Сорскаго и его ученика въ ереси?..

Архіеп. Геннадій, преслѣдуя новгородскихъ еретиковъ „градскими“ казнями, въ то же время хотѣлъ бороться съ ними и духовнымъ оружіемъ—на почвѣ образованія, просвѣщенія. Онъ приглашаетъ къ себѣ ученыхъ старцевъ Павлия Ярославова и Нила Сорскаго—„о ересѣхъ тѣхъ пороворити“, разыскиваетъ по монастырямъ книги, нужныя для

борьбы съ еретиками,—любопытно, что многихъ изъ такихъ книгъ не было у православныхъ, даже у самого архіепископа; съ цѣлью противодѣйствовать ложнымъ слухамъ о близкой кончинѣ міра, составляетъ *Пасхалію*,—этими слухами также пользовались „еретики“, и т. д. Съ той же цѣлью—бороться съ еретиками духовнымъ оружіемъ—Геннадій приступаетъ къ составленію славянскаго *Библейскаго кодекса*. Это — величайшее дѣло, созданное трудами Геннадія, вмѣстѣ съ тѣмъ одинъ изъ наиболѣе раннихъ фактовъ вліяній у насъ Запада.

Дѣло было весьма важнымъ и само по себѣ. До самаго конца XV вѣка ни въ русской письменности, ни у южныхъ славянъ не было библейскаго канона. Библейскія книги, какъ и всякія другія, предлагались древнерусскому читателю въ различныхъ сборникахъ, самыхъ разнообразныхъ по содержанию,—вмѣстѣ и рядомъ съ сочиненіями отцовъ церкви, житіями святыхъ, разными поученіями, историческими статьями и отрывками, съ сочиненіями апокрифическими, наконецъ, даже прямо съ свѣтскими повѣстями, вродѣ извѣстной „Александріи“... Ориентироваться среди этого литературнаго хаоса было слишкомъ трудно для „препростыхъ“ древнерусскихъ читателей,—и этимъ опредѣляется значеніе дѣла Геннадія. Онъ впервые выдѣлилъ библейскія книги изъ хаотической письменной массы, собралъ ихъ въ одинъ кодексъ, и тѣмъ положилъ основаніе славянской Библии. Трудъ Геннадія составилъ эпоху въ исторіи библейскаго славянскаго канона, и легъ въ основаніе послѣдующихъ печатныхъ изданій. Внутреннія достоинства кодекса были довольно условны; кодексъ не отличался даже единствомъ языка въ своихъ текстахъ: одни изъ библейскихъ книгъ вошли въ кодексъ въ древнѣйшемъ, можетъ быть, даже ирилли-меодиѣвскомъ переводѣ, другія—въ значительно подновленномъ, вообще позднѣйшемъ текстѣ; нѣкоторыя книги, вѣроятно, совсѣмъ не найденныя Геннадіемъ въ тогдашней русской письменности, были переведены вновь,—и притомъ съ латинской библии Вульгаты, а не съ греческаго

текста, наконецъ, часть одной книги была переведена прямо съ еврейскаго...

Вліяніе на трудъ Геннадія латинской Вульгаты было особенно знаменательнымъ: Геннадій взялъ Вульгату своимъ главнымъ руководствомъ—вмѣсто Библии греческой. Расположеніе, порядокъ книгъ, раздѣленіе ихъ на главы—сдѣланы по Вульгатѣ; изъ той же Вульгаты заимствованы руководительныя статьи, находящіяся въ кодексѣ передъ каждой книгой въ видѣ предисловія,—чего не находится въ Библии греческой. Въ Вульгатѣ совсѣмъ нѣтъ 3-ей книги Маккавей,—ея нѣтъ и въ кодексѣ Геннадія... Кромѣ латинской Вульгаты, Геннадій пользуется нѣмецкой Библией,—уже бывшей тогда напечатанной. Во всѣхъ спискахъ Геннадіевой Библии читается нѣсколько статей вводнаго характера,—переведенныхъ Герасимовымъ изъ какаго-то нѣмецкаго изданія Библии XV в.

Вообще библейскій кодексъ Геннадія является весьма любопытнымъ фактомъ раннихъ вліяній у насъ Запада. Любопытно трудъ Геннадія въ этомъ отношеніи сопоставить съ изданіемъ *Острожской Библии 1580—1581 года*. Острожское изданіе Библии было не только „дорогимъ подаркомъ для православной церкви“, но составило вторую, и едва ли не болѣе важную сравнительно съ трудомъ Геннадія, эпоху въ исторіи библейскаго славянскаго текста. Изданіе это было не только величайшимъ религіознымъ подвигомъ, въ высшей степени важнымъ для поднятія религіознаго образованія среди православныхъ юго-западной Руси, въ виду происходившей здѣсь въ это время борьбы двухъ вѣроисповѣданій и народностей,—но вмѣстѣ съ тѣмъ, величайшимъ научнымъ трудомъ, исполненнымъ въ строго-православномъ, греко-восточномъ направленіи. Полученный изъ Москвы списокъ Геннадіевскаго кодекса острожскіе издатели подвергли тщательному пересмотру и исправленію: они сличаютъ славянскіе списки выбирая лучшій, прежній славянскій переводъ вновь провѣряютъ по гре-

ческому оригиналу, восполняя пропуски, уничтожая постороннія вставки, приводя въ порядокъ раздѣленіе главъ, исправляя чтеніе собственныхъ именъ и т. д. и т. д. Это сличеніе съ греческимъ текстомъ являлось особенно важной стороною дѣла: латинскія уклоненія Геннадіевскаго кодекса острожскіе издатели исправляютъ по тексту греческой Библии. Здѣсь и заключалось существенное различіе двухъ трудовъ. Геннадіевскій кодексъ держался латинской Вульгаты; острожскіе издатели—канона греческой Библии. Книги, внесенныя въ кодексъ Геннадія въ переводѣ съ латинскаго,—острожскіе издатели исправляютъ по греческому тексту; *Кн. Ессирь*, переведенную въ Геннад. кодексъ отчасти съ еврейскаго, отчасти съ латинскаго, *3-ю книгу Маккавеевъ*, совсѣмъ опущенную въ Геннадіевскомъ кодексѣ (ея нѣтъ и въ латинской Библии),—острожскіе издатели вносятъ въ свое изданіе въ собственномъ переводѣ съ греческаго, слѣдуя греческому канону, и т. д. Такъ образомъ точки отправленія двухъ трудовъ были діаметрально противоположны,—соотвѣтственно тѣмъ литературнымъ теченіямъ, на почвѣ которыхъ они возникли. Въ одномъ случаѣ рѣзко сказывалось вліяніе Запада, уже съ XIV—XV вв. начавшаго сильно обнаруживаться въ Новгородѣ и въ Псковѣ...; въ другомъ—вліяніе Византіи, стремленіе противопоставить вліянію латинства авторитетъ греческаго Востока... Само собою разумѣется, что иногда и острожскіе издатели, въ известной степени, не могли не подпасть вліянію Вульгаты: авторитетъ присланнаго имъ изъ московской православной Руси библейскаго списка не могъ на нихъ не дѣйствовать... Любопытно между прочимъ то обстоятельство: ни Геннадій, ни познѣе Максимъ Грекъ не могли найти въ московской Руси людей, „греческимъ языкомъ умѣющихъ“,—почему и должны были обращаться къ „латынщикамъ“; вокругъ Константина Острожскаго, очевидно, такіе люди были...

Однимъ изъ первыхъ наиболѣ видныхъ представителей „западнаго образованія“ въ московской Руси былъ Димитрій Герасимовъ († ок. 1530 г.),— „Митя Малой, толмачъ латынской“, по выраженію Никон. лѣтописи, приближенный человѣкъ къ архіеп. Геннадію. Происхожденіе Герасимова неизвѣстно; образованіе онъ получилъ въ Ливоніи, и рано поступилъ толмачемъ въ посольскій приказъ. Вѣроятно, онъ уже рано выдался своими способностями; покрайней мѣрѣ уже скоро московское правительство отправляетъ его съ важными порученіями сначала въ Швецію и Данію, потомъ въ Пруссію и Вѣну, позднѣе, ок. 1525 г., въ Римъ. Въ Римѣ Герасимовъ между прочимъ близко сходится съ извѣстнымъ Павломъ Іовіемъ; послѣдній пользуется отъ него различными свѣдѣніями о состояніи современной Руси и т. п. Съ Герасимовымъ былъ знакомъ и Герберштейнъ,—который также былъ обязанъ ему нѣкоторыми сообщеніями. Литературная дѣятельность Герасимова состояла въ переводахъ. Ему принадлежалъ цѣлый рядъ переводовъ съ латынскаго и нѣмецкаго языковъ,—наиболѣ раннія у насъ въ этомъ отношеніи „новшества“... Мы выше упоминали о его переводахъ изъ нѣмецкой Библии. Кромѣ того, повидимому Герасимовымъ же были переведены съ латынскаго: Николая Делиры *Противъ іудейскаго безвѣрія* (1501) и Самуила Евреина *Обличеніе на іудейская блужденія или на богоотметныхъ жидовствующихъ* и сдѣланы были по повелѣнію Геннадія. Позднѣе Герасимовъ перевелъ *Толкованія на псалтырь* вюрцбургскаго епископа Брунона. Изданіе псалтыри Брунона, съ котораго сдѣланъ переводъ, достовѣрно неизвѣстно... Еще ранѣе, въ 1500 г., Герасимовымъ были переведены „изъ нѣмецкя Псалтыри“ *Надписанія псалмовъ*—„а велѣлъ переводить архіепископъ Геннадій новгородскій“, замѣчается въ послѣсловіи. Трудъ перевода этихъ „надписаній“ (заглавій) былъ совмѣстный съ самимъ Геннадіемъ: въ этомъ же пре-

дсловіи прибавлено: „Переводилъ Митица Малый (Димитрій Герасимовъ). А преже того года за два переводилъ архіепископъ...,—и потомъ Митя; а тутъ же опять Митя“... Герасимову приписываютъ также переводъ сочиненія нѣкоего Иосифа, крещенаго еврея, *Объ іудеяхъ, крестившихся въ Африкѣ*,—встрѣчающееся въ нашихъ рукописяхъ XVI в. Герасимовъ былъ вообще однимъ изъ главныхъ сотрудниковъ архіеп. Геннадія. Нерѣдко Геннадій обращался къ нему и съ другими литературными порученіями; такъ Геннадій между прочимъ проситъ Герасимова—когда тотъ былъ въ Римѣ—справиться тамъ по книгамъ на счетъ „сугубой аллилуіи“, на что Герасимовъ отвѣчалъ, что объ этомъ ничего не говорится въ римскихъ книгахъ; Герасимову же, въ его бытность въ Римѣ, Геннадій поручаетъ навести справки о пасхалии,—и тотъ высылаетъ новг. архіепископу *Миротворный кругъ* (пасхалию съ относящимися къ ней разными статьями). Герасимову же приписываютъ переводъ одного латинскаго трактата противъ мірянъ, вступающихъ въ дѣла церкви. По прїѣздѣ въ Россію Максима Грека, Герасимовъ является и для него главнымъ сотрудникомъ по переводу книгъ, вмѣстѣ съ нѣкимъ Власіемъ: Максимъ диктовалъ имъ свой переводъ съ греческаго на латинскій, а Герасимовъ и Власій съ латинскаго переводили на славянскій... Кромѣ отвѣтнаго посланія Герасимова къ Геннадію относительно „аллилуіи“, отъ Герасимова сохранилось *посланіе къ дяку Мисюртъ* объ образѣ „Ветхаго денни“: образъ этотъ вызывалъ сомнѣнія. Съ именемъ Димитрія Герасимова наконецъ, связана, какъ мы видѣли, ная „Повѣсть о бѣломъ клубуѣ“.

Едва ли не наиболѣе любопытнымъ трудомъ Димитрія Герасимова былъ переводъ латинскаго *Доната*, известнаго средневѣковаго учебника по латинской грамматикѣ. Переводъ особенно любопытенъ потому, что является самымъ раннимъ фактомъ вліянія у насъ Запада въ области научныхъ, грамматическихъ знаній.

Недавно Академіей Наукъ изданъ классическій трудъ акад. Ягича: Разсужденія южно-славянскои и русской старины о древне-славянскомъ языкѣ (Спб., 1885—1895). Огромный фоліантъ, въ нѣсколько сотъ страницъ, in 4°, заключаетъ въ себѣ цѣлый рядъ драгоценнѣйшихъ памятниковъ югославянскои и древнерусскои письменности по церковнославянскому языку, отчасти историческаго характера, — относительно древнѣйшей исторіи его алфавита, о переводѣ на него книгъ св. Писанія, — преимущественно же содержанія орфографическаго и грамматическаго. Въ ряду этихъ текстовъ изданъ и переводъ Герасимова. Изданные памятники и богатыя присоединенныя къ текстамъ объясненія и примѣчанія И. В. Ягича — наглядно представляютъ намъ уровень древнерусскои „науки“ въ данной области и мѣсто, которое занималъ здѣсь трудъ Герасимова.

Древнерусскія грамматическія знанія, какъ извѣстно, были далеко не обширны. Главными источниками ихъ были — до XV—XVI ст., а отчасти и позднѣе — извѣстное *предисловіе* Іоанна экзарха Болгарскаго къ Богословію Дамаскина, перешедшее къ намъ на самыхъ первыхъ порахъ, и не менѣе извѣстная статья *О восьми частяхъ слова*, составленіе которой долгое время приписывали тому же Іоанну Дамаскину, а переводъ на слав. языкъ тому же экзарху болгарскому Іоанну, — и которая, на самомъ дѣлѣ, какъ это окончательно доказано акад. Ягичемъ, написана была не ранѣе XIV в., гдѣ нибудь въ Сербіи, по греческимъ источникамъ. Обѣ названныя статьи были у насъ самыми распространенными даже въ XVI и XVII вв. Съ XVI-го в. въ область грамматическихъ знаній древней Руси начинаютъ проникать новыя свѣдѣнія. Прежде всего древнерусскія грамматическія знанія значительное разширеніе получаютъ въ сочиненіяхъ Максима Грека, — въ ихъ „богатой грамматической содержательности“. Многія сочиненія Максима, особенно критико-полемическія и апологическія, „построены главн. образомъ на умѣннѣ пользоваться

грамматическимъ толкованіемъ. Его аргументація нерѣдко цѣликомъ основывается на разсужденіи грамматическаго свойства... Толкованія подобнаго рода—гдѣ указывается на греческій источникъ и дается анализъ слова съ точнымъ опредѣленіемъ значенія—были въ то время для громаднаго большинства читателей (или слушателей) совершенною новостью, доказательствомъ замѣчательной учености "... Отсюда—быстрый и высокій филологическій авторитетъ Максима Грека въ древней Руси, въ глазахъ и его современниковъ и дальнѣйшаго потомства. Достаточно указать, замѣчаетъ изслѣдователь, на московское изданіе грамматики Смотрицкаго (1648),—увеличенное противъ перваго изданія, виленскаго, въ началѣ книги и въ концѣ различными статьями общаго содержанія: они по бѣльшей части почерпнуты изъ сочиненій Максима Грека. Видно, что въ первой половинѣ XVII столѣтія для Москвы Максимъ считался по этимъ вопросамъ авторитетомъ, на ряду съ отцами церкви, въ особенности Іоанномъ Дамаскиномъ, которому приписывали упомянутую статью „о восьми частяхъ слова"... Съ XVI в. древне-русской грамматической матеріалъ вообще замѣтно увеличивается. „Начиная съ XVI столѣтія, говоритъ акад. Ягичъ, попадаются въ рукописныхъ сборникахъ все чаще и чаще статьи грамматическаго содержанія. Разобраться въ пестромъ матеріалѣ подобныхъ сборниковъ—дѣло очень трудное: рукописи отличаются чрезвычайнымъ разнообразіемъ, у каждой свой особенный составъ. Правда, довольно часто одна и таже статья повторяется во многихъ сборникахъ, по почти всегда въ другой обстановкѣ: что въ одной рукописи представляетъ самостоятельное, на видъ цѣльное разсужденіе, то въ другой входитъ лишь какъ часть въ составъ болѣе обширнаго цѣлаго; что въ одной занимаетъ мѣсто въ началѣ, то въ другой читается въ серединѣ или даже въ концѣ сборника. Цѣлая вереница коротенькихъ статей одного сборника оказывается въ другомъ перебитою различными вставками, въ третьемъ же

сокращенною пробѣлами или пропусками,—относительно которыхъ трудно или почти невозможно опредѣлить, въ какомъ объемѣ весь этотъ матеріалъ входилъ въ первоначальную компиляцію, какъ она слагалась и нарастала. Одна общая черта всѣхъ этихъ статей—ихъ анонимность. Нигдѣ не сказано, кто первый сталъ заниматься подобнаго рода разсужденіями, откуда онъ почерпнулъ свои свѣдѣнія и гдѣ пришлось примѣнить ихъ къ жизни, къ школьному-ли обученію или къ другимъ занятіямъ. Въ позднѣйшихъ рукописяхъ припоминаются изрѣдка, рядомъ съ Лаврентіемъ и Мелетіемъ, извѣстными сочинителями грамматикъ, еще другія имена: намъ рассказываютъ о грамматикѣ Евдокима, о сочиненіи о буквахъ Герасима Ворбозовскаго—и только. Гдѣ и когда они жили и что принадлежитъ имъ, какъ авторамъ, не какъ практическимъ учителямъ, пользовавшимся уже раньше составленными тетрадеками—все это остается пока нерѣшеннымъ вопросомъ: въ рукописномъ матеріалѣ недостаетъ данныхъ для окончательнаго рѣшенія его“... Кроме анонимности,—другую общую черту всей этой группы грамматическихъ статей XVI—XVII вв. изслѣдователь видитъ въ ихъ болѣе или менѣе близкомъ отношеніи къ греческимъ источникамъ. Весь этотъ грамматическій матеріалъ основывается, повидимому, на источникахъ греческихъ. Теорія, излагаемая въ разныхъ этихъ статьяхъ, носитъ на себѣ явные признаки греческаго происхожденія или по крайней мѣрѣ полной зависимости отъ первообразовъ греческихъ. Иныя мѣста такъ и отзываются буквальною переводомъ съ греческаго подлинника, нужды нѣтъ, что онъ еще не отысканъ въ грамматической литературѣ греческой“...

Среди этого рода нашей грамматической литературы, господствующей до самаго конца XVII вѣка, совершенно изолированнымъ является названный трудъ Герасимова, переводъ „Доната“,—новый источникъ грамматическихъ знаній, о кото-

ромъ предшествовавшая старина ничего не знала и который не остался безслѣднымъ.

„Донатъ“—собственно имя извѣстнаго римскаго грамматика IV вѣка по Р. Хр., автора популярнѣйшаго въ средніе вѣка грамматическаго руководства по латинскому языку: *Ars Grammatica*, *Ars Minor*; послѣднее было столь употребительнымъ, подвергалось столькимъ видоизмѣненіямъ и передѣлкамъ, что сл. „донатъ“ превратилось въ нарицательное и означало вообще начальную латинскую грамматику; ошибка противъ нея въ нѣмецкой школѣ называется „донатической“ (*Dónatschnitzer*). Передѣлокъ „Доната“ существовало въ средніе вѣка множество. Они отличались другъ отъ друга не столько сущю содержанія, сколько формой изложенія. Поэтому можно сказать, что Донатъ Донату рознь, отъ подлиннаго же Доната эти позднѣйшія передѣлки отступаютъ преимущественно діалогической формой, которая введена съ педагогическою цѣлью, съ намѣреніемъ сдѣлать изложеніе обучающемуся юношеству болѣе доступнымъ и привлекательнымъ. Впрочемъ, въ *Ars Minor*, приписываемой самому Донату, существуетъ уже діалогическая форма“... Трудъ Герасимова представляетъ переводъ одной изъ подобныхъ позднѣйшихъ редакцій „Доната“. Самый переводъ Герасимова не дошелъ до насъ; передъ нами—лишь два болѣе поздніе его списка; съ нѣкоторыми измѣненіями. Важнѣйшій изъ этихъ списковъ—передѣлокъ относится къ 1562—1563 гг. и находится въ б-гѣ Казанскаго Университета; другой въ Импер. Публичной Библіотекѣ. О передѣлкѣ труда Герасимова говоритъ самъ авторъ послѣсловія къ казанскому списку. Въ своемъ послѣсловіи онъ между прочимъ замѣчаетъ: „До здѣ совершился конецъ книги; глаголемой Донатусъ; еже именуется начало грамматики; преведена же бысть изъ латинскаго языка на русскій Димитріемъ, толмачемъ нѣмецкаго языка. И тако же онъ самъ писалъ есть въ предисловіи силу книги сем; азъ же послѣди его переводу S. T. списахъ сію книжку единаымъ“

русскимъ языкомъ безъ латинскаго, дабы прочитающимъ ю и обучающимся въ ней болѣе разумно было. Въ лѣто 7071-го отъ началу міру мѣсяца іюля въ 3 день“... „Изъ этихъ словъ, замѣчаетъ акад. Яги чъ, можно заключить, что безъимянный переписчикъ перевода Дмитріева по казанскому списку позволилъ себѣ въ чужомъ трудѣ нѣкоторыя измѣненія. Въ чемъ же они состояли, не легко сказать. Судя по словамъ: „единымъ русскимъ языкомъ безъ латинскаго“,—позволено высказать догадку, что какія-то латинскія части сочиненія въ списокѣ анонима пропущены или же замѣнены словами русскими“... „Не значить ли это—дѣлаетъ предположеніе акад. Яги чъ—что образцы склоненій и спряженій, которые въ первоначальный трудъ должно быть внесены и написаны по латыни и переведены по русски, въ позднѣйшемъ списокѣ измѣнены такъ, что латинскія слова подлинника вычеркнуты? На эту догадку наводитъ меня то обстоятельство, что въ нынѣшнемъ текстѣ „Донатуса“ образцы склоненій латинскихъ перечисляются очень безтолково, въ видѣ русскаго перевода словъ латинскихъ формъ. Только изрѣдка сохранился слѣдъ латинскаго подлинника. Едва ли эта бессмыслица могла прійти въ голову первоначальному автору, желавшему несомнѣнно дать русскому юношеству въ руки учебникъ латинскаго языка,—тогда какъ въ нынѣшнемъ видѣ сочиненіе представляетъ странную смѣсь латинскаго съ русскимъ, латинскій остовъ въ русскомъ облаченіи“...

По редакціи самаго текста, оба списка довольно близки между собою, хотя все же представляютъ мѣстами отличія,—отчасти въ объемѣ—въ петербургскомъ списокѣ кое-что сокращено или пропущено, рѣдко на оборотъ,—отчасти въ замѣнѣ образцовъ склоненій. Но вообще объемъ „Донатуса“ въ петербургской рукописи значительно короче, чѣмъ въ казанской. Петербургскому списку недостаетъ „предисловія“, написаннаго несомнѣнно самимъ Дмитріемъ Герасимовымъ, и затѣмъ краткаго „сказанія о букввахъ“, предшествующаго собственно

„Донатусу“,—и не находящагося въ латинскомъ оригиналѣ „Ars Minor“. Въ „предисловіи переводчикъ дѣлаеть нѣкоторыя замѣчанія о самой книгѣ „Донатусъ“ и о томъ, какъ слѣдуетъ ею пользоваться „въ школіи, сирѣчь во училищѣ“, преподавая ученикамъ. Въ самомъ концѣ прибавляетъ: „Азъ же сіе писахъ собѣ памяти для, поелику уразумѣхъ, пребывая и учася во училищѣ двѣма грамотамъ, и двѣма языки, латыньскія и нѣмецкія, а по русскіи прежде того научился отчасти. А не поучився по русски въ тамошнее училище немощно пристати. А какъ уже разума прибыло, ино въ то время въ суетахъ міра сего поспѣха и силы тѣлесныя убыло, и того ради сія книга начисто не исправлена и не переписана остана. А здѣсе того и не пытаются“. Если эта замѣтка, замѣчаетъ акад. Ягичъ, принадлежитъ самому переводчику Димитрію, то она свидѣтельствуетъ о времени составленія перевода въ ранней молодости автора, когда онъ еще посѣщаль латинско-нѣмецкое училище. Онъ самъ жалѣеть въ этихъ словахъ, что послѣдовавшая потомъ „суета жизни“ не позволила ему еще разъ возвратиться къ занятіямъ молодости, чтобы кое-что исправить и передѣлать. Прибавка же: „а здѣсь того и не пытаются“—доказываетъ, что въ то время, когда онъ, вспомнивъ о занятіяхъ своей молодости, переписаль должно быть свою ученическую тетрадь, окружавшая его среда не обнаруживала на малѣйшаго сочувствія къ вопросамъ этого рода“...

Первые, болѣе ранніе опыты переводовъ „изъ латынскаго языка“ принадлежали также вн. А. М. Курбскому († 1583),—но объ этихъ переводахъ и вообще о дѣятельности Курбскаго будемъ говорить ниже.

Въ 1489 году, когда новгор. архіеп. Геннадій вступилъ въ открытую борьбу съ ересью „жидовствующихъ“,—онъ между прочимъ писалъ одному изъ тогдашнихъ архіепископовъ

(ростовскому архіепископу Іосафу): „Да есть ли у васъ въ Кирилловѣ или въ Ферапонтовѣ или на Каменномъ (извѣстные монастыри, находившіеся въ предѣлахъ ростовской епархіи) книги: *Сильвестръ папа Римскій*, до слово *Козмы Превитера*, на новоявшаюся ересь на *Богомилы*, да посланіе *Фотія патріарха* ко кн. Борису Болгарскому, да *Пророчества*, да *Бытіе*; да *Царства*, да *Притчи*, да *Менандръ*, да *Іисусъ Сираховъ*, да *Логика* да *Деонисій Ареопагитскій*? Зане жъ тѣ книги у еретиковъ всѣ есть...“ Въ томъ же посланіи, въ самомъ началѣ, упоминая, о нѣкоемъ попѣ Наумѣ, который первый сообщилъ Геннадію о „новгородскихъ еретикахъ“, Геннадій замѣчаетъ: „То ми накрѣпно высказалъ ихъ товарищъ попѣ Наумъ; да и *псалмы* ко мнѣ принесъ, почему они себѣ правили по жидовски“... И затѣмъ ниже: „А что *Шестокрилъ* они себѣ изучивъ; да тѣмъ прельщаютъ христіанство, мня, яко съ небесе знаменіе сводятъ, ино то не ихъ составленія бысть: *Шестокрилъ* бо взятъ отъ Астрономіи, яко капля отъ моря. А то звѣздованіе дано бысть Сифу, третьему сыну Адамову“... Приведенныя мѣста грамоты Геннадія какъ нельзя лучше вводятъ насъ въ литературу, которая непосредственно примыкала къ возникшему религиозному движенію и въ своей большей части заключала первые, наиболее ранніе факты западнаго вліанія въ Московской Руси: Помимо книгъ библейскихъ и нѣкоторыхъ твореній отцовъ церкви, — здѣсь особенное вниманіе привлекаютъ упоминаемые Геннадіемъ *Псалмы* еретиковъ, какая то *Логика* и *Шестокрилъ*... Любопытно сдѣланное по отношенію къ послѣднему замѣчаніе Геннадія: „то не ихъ составленія бысть; „этими словами Геннадій ясно указываетъ на собственное авторство еретиковъ: нѣкоторыя изъ перечисленныхъ сейчасъ книгъ, которыхъ недоставало новгородскому архіепископу и которыми владѣли „еретики“, — слѣдов., были и „ихъ составленія...“

Какъ мы уже упоминали, литературное оживленіе, вызванное ересью „жидовствующихъ“, не ограничивалось одною полемикою. Какъ мы замѣчали, сюда примыкали и литературные труды самихъ еретиковъ, людей повидимому по преимуществу отличавшихся книжностью, начитанностью... Эти литературные труды еретиковъ, какъ мы видѣли, отчасти стояли въ связи съ составленіемъ библейскаго кодекса Геннадіемъ. Въ дополненіе къ сдѣланнымъ выше замѣткамъ, —останавливаемся здѣсь на нѣкоторыхъ другихъ памятникахъ еретическаго „составленія“, упоминаемыхъ въ грамотѣ Геннадія или вообще имѣющихъ то или другое отношеніе къ ереси жидовствующихъ и къ „новшествамъ“, шедшимъ съ Запада.

Упоминаемая Геннадіемъ въ грамотѣ „Логика“—до послѣдняго времени оставалась памятникомъ не только загадочнымъ, но и прямо неизвѣстнымъ. Недавно сдѣланное проф. А. И. Соболевскимъ сообщеніе въ Императорскомъ Обществѣ любителей древней письменности“ впервые пролило здѣсь значительный свѣтъ, и даже больше—извлекло изъ подъ спуда самый памятникъ.

Памятникъ, на сколько извѣстно, дошелъ въ единственномъ экземплярѣ, и представляетъ изъ себя небольшую, въ восьмушку, рукопись половины XVI в., находящуюся въ Московской Синодальной библіотекѣ, заключающую въ себѣ 130 листовъ. На рукописи имѣется помѣтка XVII вѣка, указывающая, что въ этомъ столѣтіи памятникъ находился въ библіотекѣ московскаго патріарха: „Изъ книгъ, что взяты у патріарша казначея въ семь году“...

Хотя рукопись написана почеркомъ вполнѣ четкимъ и разборчивымъ, хотя всѣ слова читаются ясно—смыслъ текста за немногими исключеніями представляетъ значительныя затрудненія. „Передъ нами, говоритъ изслѣдователь, рядъ словъ или совсѣмъ неизвѣстныхъ въ другихъ текстахъ, или хотя и извѣстныхъ, но употребленныхъ не въ обычномъ значеніи...“ Между непонятными словами не мало прямо сочиненныхъ,

какъ напр.: *самость, душевенство, воденство, всячество, идьчество, чтовство* и т. п. Архіеп. Савва, составившій „Указатель“ къ Московской Синодальной библіотекѣ, назвалъ разсматриваемую рукопись „Метафизикой на южно-русскомъ нарѣчіи;“ но названіе „метафизики“ можетъ быть приложимо, по замѣчанію проф. Соболевскаго, развѣ лишь ко второй части памятника. Первая половина—повидимому что-то въ родѣ логики; во всякомъ случаѣ эта часть не развѣ въ изложеніи называется „логикой.“ „яко же предрекохомъ въ лоицѣ...“ и т. п. Логическіе термины крайне своеобразны, напр.: *держитель*—субъектъ, *держимый*—объектъ, *осудъ*—сужденіе, *роженая*—умозаключеніе и т. д. Вообще текстъ произведенія отличается крайней неясностью, а мѣстами и прямо непонятенъ, напр.: „Всѣхъ словъ во вратѣхъ сихъ 14: *уемъ* (=убавленіе), *прикладъ, уемъ всячній, прилогъ всячній, уемъ раздробный, прилогъ раздробный*“ и т. д.; или: „Всякій осудъ еще и мѣнится одержанный ея ко одержателю ея“ и т. д. Ко второй части памятника, какъ было уже замѣчено, съ извѣстной условностью можетъ быть приложено данное ему ранѣе названіе „метафизики“,—хотя вообще о состояніи и смыслѣ памятника и здѣсь чаще всего приходится лишь догадываться, да и то не всегда. Языкъ и въ этой части крайне своеобразенъ. Слово *снуръ* по видимому значить линія, *просторъ*—поверхность, *плоть*—тѣло, *душевенство* и *июли* (или *июль*)—духъ и матерія и т. д. Вотъ образчикъ изложенія: „Слово, иже наречется во *язычнѣ* дѣло, наречется въ лоицѣ молва *алва судно*, а мы наречемъ...“; или: „Которая рѣчь уже посполюеть единыхъ многихъ, наречемъ *его* существо, а вторая рѣчь иже не посполюеть существа, наречемъ *его* всячество...“ или: „Яко бы *рекальство* и *болванство* и *куклярство* и *мечествованіе*“... и т. д. Обѣ части упоминають неразвѣ о „долгой лоицѣ“. Послѣдняя имѣла 8 частей, изъ которыхъ пятая называлась *книга заблуждѣшая*, 6-я *книга казнадѣйская*, 7-я—*книга спорная*, 8-я *книга пѣс-*

ченая. Подъ двумя послѣдними изслѣдователь предполагаетъ эристику и поэзію...

Въ памятникѣ есть ссылки на Аристотеля: „Се иже рекль Аристотель великій“. Въ концѣ второй части есть мѣсто, гдѣ говорится объ отношеніи Аристотеля къ еврейскимъ „мудрецамъ“: „А мудростію исполниль ея Аристотель, голова всѣмъ философомъ первымъ и послѣднимъ, подлугъ смыслу мудрецовъ израилевыхъ. Аже по плѣненіи не нашли своихъ книгъ, а ступилися (=основали-ся?) на его разумъ, иже равенъ въ пророческихъ фундамен-тѣхъ, занеже невозможно есть, абы пророкъ не полонъ былъ въ седми мудростяхъ, а овсѣмъ въ лонцѣ пути ихъ. А исполниль ея осмыми книгами, преже реченными, иже она направить каждаго въ тыхъ мудростѣхъ. А она подобна есть воазѣ и мѣрѣ и ослѣ златой. А дѣло иногда именуется наука разумная, а иногда дѣйственная. А первая отъ седми мудростей численая, вторая мѣрилная, третья спѣвалная, четвертая небесная, пятая свѣтская. А таа на четверо: первое водити душу свою; 2-е домъ свой; 3-е вестися государю великому; 4-е водити землю и суды ея. Шестая о прироженіи сего свѣта. А тыхъ книгъ десять, и мудрость лѣкарская, подъ нею же седмая мудрость божественая. Она есть всѣмъ глава седмыма, и ядро ихъ статочное, занеже ею оживеть во вѣки душа человѣческая...“ И нѣсколько далѣе: „А Аристотель, Мардаха и Зарававель и Ездра пророкъ и пророкъ Малахія во едины лѣта были; а у тѣхъ Аристотель учился міротвореніе...“ Уже это заключеніе, повторяющее обычное у средневѣковыхъ евреевъ ученіе, что классическая мудрость заимствована греческими философами у еврейскихъ мудрецовъ — замѣчаетъ изслѣдователь — могла бы отчасти указывать на еврейское происхожденіе памятника; но авторъ его указывается и прямо, въ самомъ началѣ: „Рѣчи Моисея Египтянина...“ „Этотъ Моисей — не кто иной, какъ знаменитый Моисей,

сынъ Маймона, извѣстный въ средневѣковой Европѣ подъ именемъ Моисея Египетскаго, Moses Aegyptius, или Моисея Маймонида. Онъ жилъ въ XII в., родился въ Испаніи, большую часть жизни провелъ въ Египтѣ въ качествѣ придворнаго врача и здѣсь умеръ въ 1205 году. Его многочисленныя сочиненія посвящены по преимуществу толкованію талмуда и медицинѣ. Изъ нихъ медицинскіе труды въ средніе вѣка были переведены на латинскій языкъ. Его *логика* также извѣстна въ латинскомъ переводѣ "... Изданія ея латинскаго текста идутъ съ полов. XVI в. („Voces logicae quas construxit R. Mosche ben Maimon, cum duobus commentariis“, въ Венеціи, 1550 г.); но предполагаютъ, были и болѣе раннія. Еврейскія изданія памятника были повидимому еще болѣе распространены, и печатались до позднѣйшаго времени. По указанію проф. Соболевскаго, Императорская Публичная Библиотека владѣетъ вѣнскимъ изданіемъ 1822 года („Miloth Higaion“), въ которомъ еврейскій текстъ сопровождается: еврейскимъ комментариемъ и нѣмецкимъ переводомъ (напечатаннымъ еврейскимъ шрифтомъ). Это изданіе, судя по всему, замѣчаетъ изслѣдователь, — школьный учебникъ Логики“....

Изслѣдователь имѣлъ возможность провѣрить указаніе заглавія и сличить начальныя строки нѣсколькихъ главъ разсматриваемой славянской рукописи XVI в. съ соответствующимъ текстомъ нѣмецкаго перевода въ названномъ сейчасъ вѣнскомъ изданіи 1822 года; „совпаденіе оказалось полнымъ...“ На еврейское происхожденіе памятника, помимо имени автора, указываютъ и самыя первыя строки сочиненія: „Начало во имя Бога превѣчнаго, не осѣнимаго въ премѣненіи. Слово 1. Слова, иже зовутъ ихъ по еврейски *носе*, а по словенски *держитель*; по еврейски *насу*, а по словенски *одержанный*...“ и т. д.

Славно-русскій текстъ разсматриваемаго памятника — повидимому переведенъ прямо съ еврейскаго. Это обнаружи-

вается помимо приведенныхъ сейчасъ еврейскихъ словъ *носе* и *насу*,—изъ употребленія еврейск. *ниоли* или *ниоль* безъ перевода (=греч. *ἡ ἰλή*, матерія; еврейскій языкъ получилъ изъ арабскаго), и изъ такой фразы: „речемъ: носъ у коня *ния*“ (=евр. *pi, ротъ*), и изъ названія главъ *вратами* (какъ въ еврейскомъ и арабскомъ языкахъ). „Такія неправильности въ согласованіи, какъ: „всякій осудъ, аще и мѣнится одержанный *ея...*“,—кажется, прибавляетъ изслѣдователь, вполне объясняются при помощи еврейскаго языка (еврейское слово, соотвѣтствующее нашему *осудъ*,—женскаго рода)...“

„Переводъ очень близокъ къ оригиналу, букваленъ. Правда, есть счетъ на *мили*; есть примѣръ: „Максимъ убилъ Ходора“. Но другіе примѣры: „Египтять передъ Индѣею поченши отъ Иерусалима“, „Индѣя переже Египта поченши отъ моря ея“,—очевидно, принадлежать автору, жившему въ Египтѣ еврею. Еще: „аще бы не разумѣ то по-арабски, не исказати его по-перски...“

Языкъ „Логикѣ жиждовствующихъ“ довольно тѣсно связываетъ этотъ памятникъ съ другимъ—съ такъ наз. *Тайная Тайныхъ*. Памятникъ въ дошедшихъ спискахъ носитъ заглавіе: „Книга нарицаемая Тайная Тайныхъ, сложенная премудрымъ Аристотелемъ“. Списки—XVI, XVII и XVIII вв.; старшій относится къ пол. XVI в. (находится въ Виленской Публ. б-нѣ). Описаніе этого наиболѣе ранняго изъ дошедшихъ списка, а равно нѣсколько замѣчаній о языкѣ древнерусскаго перевода памятника слѣлано недавно проф. А. И. Соболевскимъ (этими замѣчаніями мы здѣсь и пользуемся),—но вообще памятникъ остается еще очень мало обработаннымъ.

Оригиналомъ нашего сочиненія обыкновенно называютъ одно изъ распространенныхъ въ средніе вѣва произведеній западной повѣствовательно-наставительной литературы—приписывавшееся Аристотелю и конечно ему не принадлежавшее, из-

вѣстное „Secretum Secretorum“, но ближайшія отношенія названнаго западнаго произведенія къ древнерусскому „Тайная Тайныхъ“ остаются совершенно невыясненными.

Само по себѣ разсматриваемое древнерусское произведеніе представляетъ собою обширное сочиненіе энциклопедическаго поучительнаго характера. Передъ нами—подробныя наставленія, преподанныя будто бы Аристотелемъ своему ученику, Александру Македонскому, касающіяся различныхъ обстоятельствъ жизни правителя, а также и вообще свѣдѣній, относящихся къ устройству человѣка, его наружныхъ свойствъ, полезныхъ примѣтъ, врачебныхъ пособій, свѣдѣній о цѣлебныхъ свойствахъ драгоценныхъ камней и т. д. Послѣднаго рода свѣдѣнія—для царя, замѣчается здѣсь, нужнѣе даже, чѣмъ для обыкновеннаго человѣка: „занеже ему (царю) человѣкъ—яко же посудіе (посудина). Каждое—мастеру своему. А не будетъ мастеръ знати посудія своего вельми гораздо, не изведетъ дѣла своего достаточнаго...“ Даваемыя наставленія вм. главъ раздѣляются на „врата“; отсюда другое заглавіе произведенія: „Аристотелевы Врата“... Подъ именемъ „Аристотелевыхъ Вратъ“ Тайная Тайныхъ упоминаются и Стоглавомъ.

Какъ выше нами уже замѣчено, языкъ „Тайная Тайныхъ“ напоминаетъ изслѣдователю языкъ „Логикѣ жидовствующихъ“. Но вообще „словарный матеріалъ Тайная Тайныхъ“ представляетъ такую смѣсь, въ которой трудно разобратъся, замѣчаетъ проф. С о б о л е в с к і й. Есть поздніе грецизмы, есть латинизмы; но рядомъ съ ними находится рядъ непонятныхъ словъ. Нѣкоторыя изъ послѣднихъ по справкѣ оказываются еврейскими. Вырѣжи на перстнѣ „образъ *бтуминъ*, иже хоробруетъ и ѣздитъ на *кѳиръ*“. Въ этой фразѣ первое непонятное слово есть евр. *betula*—дѣвушка, знакъ зодіака дѣва, а второе евр. *k'fir*—левъ, знакъ зодіака левъ „Луна въ образѣ *сарафъ*... Здѣсь евр. *saraf*—серафимъ. „Будетъ на немъ *шюма*, веди его въ лазню.“ Здѣсь евр.-талмудич.

schitta—наростъ, бородавка. Собственныя имена арабскихъ ученыхъ звучать по-еврейски: *Авенроитъ* (=средневѣк. лат. *Avergoes, Avergoys*), *Авенсина* (=средневѣков. лат. *Avicena, Avicenna*)...“ Въ виду общаго сходства по языку „Тайная Тайныхъ“ и „Логикъ“—ислѣдователь думаетъ, что „переводъ обоихъ текстовъ сдѣланъ или въ западной Руси или—скорѣе—въ московской Руси людьми недавно прибывшими изъ западной Руси и еще не успѣвшими освоиться съ московскою бытовою терминологіей. Архаизмы—рѣдкость, и нѣтъ основанія относить этотъ переводъ ко времени ранѣе XV в.“ „Языкъ такъ называемой *Псалтыри*, переведенной съ еврейскаго между 1464 и 1473 г. въ московской Руси крещенымъ евреемъ Федоромъ,—совершенно отличенъ, прибавляетъ изслѣдователь, отъ языка обоихъ нашихъ текстовъ...“

Въ этомъ странномъ средневѣковомъ произведеніи—замѣчалъ еще Буслевъ—выступаетъ не древній греческій философъ Аристотель, строгій мыслитель, но Аристотель средневѣковой, какъ въ другихъ произведеніяхъ той же эпохи является средневѣковой *Виргилій-чародѣй*...“ Но наставленія врачебнаго характера излагаются не отъ лица Аристотеля, а отъ имени „Моисея Египтянина“,—о которомъ, какъ мы видѣли, упоминается и въ „Логикѣ“, т. е. Моисея Маймонида. Упоминаются также, съ приведеніемъ словъ, Ромось или Ромась, Авензопаръ (=средневѣков. лат. *Avenzohar, Avenzohar*), Галиносъ, Ипократъ, —книга Павратова *Перишлай*...“

Въ числѣ первыхъ книгъ съ Запада стали переходить къ намъ различныя „альманахи“, календари, — преимущественно астрологическаго характера, сливавшіеся чаще всего съ многочисленными книгами гадательными, иногда и съ книгами болѣе серьезнаго или даже научнаго содержанія, средневѣковыми „восмографіями“ и математическими.

Астрологія находила у насъ почитателей и послѣдователей съ давнихъ временъ... Максимъ Грекъ († 1556 г.), возстаетъ противъ „звѣздохотцевъ“ и пишетъ рядъ полемическихъ статей по этому поводу. Припомнимъ его посланія *На Николая нѣмчина, прелестника и звѣздохотца*, и др. Этотъ „нѣмчинъ“ былъ извѣстный Николай Шомбергъ, родомъ нѣмецкій дворянинъ, впоследствии кардиналъ и епископъ вапуйскій († 1537). Шомбергъ былъ посылаемъ въ Россію отъ папы два раза, въ 1516 и 1519 годахъ, и хлопоталъ о соединеніи церквей... Полемика Максима Грека однако не достигла цѣли; астрологическія сочиненія въ нашей старой рукописной литературѣ составляютъ вообще значительный отдѣлъ: они приходились по вкусу читателямъ и пользовались среди нихъ большою популяренностью. Въ XV и XVI в.в. астрологія, какъ извѣстно, и во всей Европѣ была въ большомъ почетѣ; астрологическія вычисленія и выводы принимались и учеными и неучеными съ безусловнымъ довѣріемъ. Предсказанія, основанныя на наблюденіяхъ звѣздъ, пророчества по аспектамъ—въ первопечатныхъ нѣмецкихъ календаряхъ занимаютъ самое почетное мѣсто. То же самое, если еще не въ бѣльшей степени, было въ Польшѣ: здѣсь рукописные календари извѣстны уже съ XIII вѣка, печатные же, какъ и въ Германіи, идутъ съ конца XV-го. „Всѣ польскіе календари, свѣтскіе и церковные, стѣнные и книжки, наполнялись преимущественно предсказаніями не только о погодѣ, но и о политическихъ происшествіяхъ, о времени, когда начинать работы, дѣлать покупки, когда вступать въ бракъ, забавляться и т. д.“ Въ Россію подобныя предсказанія перешли довольно рано: уже въ одной рукописи XV вѣка встрѣчаются наставленія „о дняхъ, въ нихъ же достоинъ отъ всего храниться,—ни врачевать человѣкъ, ни скотъ, кровь пущать, ни браковъ творить, ни дѣтей учить и облюстися ихъ всегда“ и т. д. Въ русскихъ сборникахъ и отдѣльныхъ рукописяхъ XVII в. встрѣчаются

верѣдво произведенія, съ предсказаніями по звѣздамъ. Таково напр. сочиненіе: *О качествахъ разныхъ дѣйствъ седми планетъ въ двѣнадцати небесныхъ знакахъ, еже есть кая планета въ коемъ либо знакъ, егда теченіе имѣти будетъ*. Здѣсь указы-вается, что должно случиться, когда такая-то планета вступитъ въ созвѣздіе овна, тельца и т. д.; напр.: „Аще Сатурнусъ въ тельцѣ бываетъ—скорбій, многій-же моръ, ножныя болѣзни въ человекѣхъ; садовыхъ овощей много, желѣза много-же, а хлѣба оскудѣніе и всюду глады, люди отъ того знамени много погибають, отъ уразу (*uraz*, польское—зло, вредъ, потеря) бои великія принимаются“... Когда же Юпитеръ въ тельцѣ— „все въ людѣхъ пріятно, все блудно, и браки и пиры; скорби же многія отъ ногъ, яже и храни“.. Другое, подобное же сочиненіе,—*Алманахъ на многія впередъ будущія лѣта отъ германъ, еже отъ нѣмецъ изобрѣтенъ художествомъ ученія и пресвѣтлѣйшимъ разумомъ просвѣщенъ*. Здѣсь, на основаніи теченія планетъ и взаимнаго положенія ихъ другъ къ другу, дѣлаются различныя предсказанія на счетъ того, что дѣлать и чего не дѣлать, когда есть признаки къ добру, когда къ худу, въ какое время пускать кровь, когда строиться, и т. д.

Эта начальная наша гадательно-астрологическая литература шла къ намъ, отчасти уже съ древнихъ временъ, изъ Византіи и южныхъ славянъ, отчасти стояла въ связи съ болѣе поздними разнаго рода „новшествами“ и литературными вліяніями западными,—между прочимъ, повидимому, имѣла какое-то очень близкое отношеніе къ новгородской „ереси жи-довствующихъ“. Позднѣе этого рода литература идетъ къ намъ черезъ югозападную Русь и Польшу...

Одной изъ наиболѣе раннихъ книгъ этой полуастрологической, полугадальной литературы былъ упоминаемый Геннадіемъ *Шестокрыль*.

Въ мѣсяцесловѣ, приложенномъ къ Геннадіевскому кодексу Библии, встрѣчаются между прочимъ такія замѣтки: „Мѣсяць мартъ, а по еврейски писанъ, имать дней 31;

а луна его держитъ 30 дней. Сій единъ даетъ медлѣй своему лѣту мулизмъ мѣсяцу“... Или объ апрѣлѣ: „Сій другой день даетъ медлѣй своему лѣту мулизмъ мѣсяцу“...—о маѣ, что онъ „даетъ третій день“, июнь и июль даютъ по дню, августъ—два дня, и т. д.; о сентябрѣ и ноябрѣ сказано: „Сій ни даетъ ни емлетъ, но въ своемъ существѣ пребываетъ“... Здѣсь сравниваются солнечные и лунные мѣсяцы съ показаніемъ придаточныхъ дней. Всѣхъ придаточныхъ дней для уравненія луннаго года съ солнечнымъ насчитывается одиннадцать. О январѣ замѣчается: „Единъ день февралю даетъ въ помощь (въ високосный годъ)“... Слово *мулизмъ*—испорченное греческое *ἐμβολισμός*, означающее вносный мѣсяць. прилагаемый къ лунному году, для уравненія его съ солнечнымъ. А „медлѣйское лѣто“—собственно лунный годъ. Слово это производятъ отъ еврейскаго *моледъ*, означающее въ еврейскихъ пасхаліяхъ рожденіе луны. „Лѣто меледѣйское“—годъ опредѣляемый по рожденіямъ луны, или лунный годъ... Далѣе, вслѣдъ за мѣсяцесловомъ, въ томъ же кодексѣ представлена таблица лунныхъ круговъ, съ показаніемъ лунныхъ перемѣнъ, по знакамъ зодіака. Внизу таблицы читаемъ: „А по *Шестокрылу* кругъ лунный починается отъ сентября послѣ русскаго; а по русскому отъ марта. А златое число починается съ генваря, преже обѣихъ“... „*Шестокрыломъ* назывались, замѣчаетъ Горскаго и Невоструева, хронологическія таблицы іудеевъ въ числѣ шести. Извѣстно на греческомъ языкѣ сочиненіе Хрисокока (XIV в.) подъ заглавіемъ: *Ἐκδοσις εἰς τὸ Ἰουδαϊκὸν ἑξαπέτερον*. Эти ссылки православнаго мѣсяцеслова на еврейское лѣтосчисленіе, а равно и внесеніе еврейскихъ терминовъ и таблицы уже давно было отмѣчено изслѣдователями, какъ „вліяніе жидовствующихъ“, — которые, по словамъ архіеп. новг. Геннадія, имѣли свой *Шестокрылъ*, расположенный по 19-ти лѣтнимъ луннымъ періодамъ...“ О „Шестокрылѣ“, какъ мы видѣли, архіеп. Геннадій замѣчаетъ: „А что Шестокрылъ они

себѣ изучизъ, да тѣмъ прельщаютъ христіанство, мня, яко съ небесе знаменіе сводятъ,—ино то не ихъ составленія бысть: *Шестокрыль* бо взятъ отъ *астрономіи*, яко капля отъ моря. А то звѣздозаконіе дано бысть Сиѳу, третьему сыну Адамову...“ И нѣсколько выше, въ той же грамотѣ: „Да Шестокрыль есми училъ, почему жидове лѣта чтуть..“ Предполагаютъ, что „Шестокрыль“ заключалъ въ себѣ *Лунникъ*, начинавшійся съ мѣсяца тисри, т. е. съ іудейскаго новаго года, и по всей вѣроятности содержавшій въ себѣ іудейскую пасхалию...“ Д. И. Прозоровскій указываетъ на нѣкоторое совпаденіе календарныхъ вычисленій предполагаемаго еврейскаго „Шестокрыля“ съ нашимъ церковнымъ *лунникомъ*, печатающимся въ церковныхъ книгахъ,—въ *Слѣдованной Псалтыри*, *Типиконѣ* и т. п.; доказательство этихъ совпаденій изслѣдователь находитъ въ такъ наз. *Громникѣ*,—другомъ памятникѣ, принадлежавшемъ повидимому къ той же литературѣ „жидовствующихъ“ и вообще „еретиковъ“,—и бывшемъ у насъ извѣстнымъ уже съ XIV—XV вв. „Громникъ“, замѣчаетъ Прозоровскій, подобно Шестокрылю, начинался мѣсяцемъ тисри,—съ тою лишь разницею, что одинъ исходилъ отъ ущерба, а другой отъ рожденія луны, но оба въ одномъ и томъ же 14 кругѣ ея теченія...“ На основаніи пасхальныхъ вычисленій, читаемыхъ въ припискѣ къ одному Апостолу нач. XIV в. (Апостолъ 1307 года),—Прозоровскій предполагаетъ, что „Шестокрыль“ былъ извѣстенъ у насъ ранѣе XV вѣка...“

„Шестокрыль“ не встрѣчается по дошедшимъ древнерусскимъ рукописямъ, и при всѣхъ соображеніяхъ, приведенныхъ и другихъ, которыя будутъ приведены сейчасъ на основаніи другихъ разысканій—остается памятникомъ загадочнымъ. По мнѣнію Прозоровскаго, „Шестокрыль“, „взятый отъ астрономіи какъ капля отъ моря“ и со стороны „жидовствующихъ“ считавшійся способнымъ „сводить знаменія съ неба,“ былъ отчасти не что иное, какъ особый *Лунникъ*,

снабженный не только астрономическими, но и астрологическими свѣдѣніями и употреблявшійся нашими древними пасхалистами наравнѣ съ церковнымъ Лунникомъ, но примѣнительно не къ пасхальной, а къ небесной лунѣ, которую они опредѣляли однакоже своеобразно, по правиламъ пасхальной луны. Обстоятельство это позволяетъ заключить, что Лунникъ „Шестокрыла“ былъ приуроченъ къ дѣйствительному теченію луны...“ По указанію позднѣйшихъ изслѣдователей, „Шестокрыль“ имѣетъ себѣ какую то—точно еще не разслѣдованную—параллель въ одномъ изъ произведеній, читаемыхъ въ извѣстномъ собраніи еврейскихъ рукописей Фиреовича Императорской Публичной Б-ки. Сочиненіе заключаетъ въ себѣ комментарий къ так. наз. „Шестокрылію“, астрологическаго содержанія, написанному около серед. XIV ст.—самый же комментарий относится, предполагають, къ концу XV—нач. XVI в.

Упомянутый сейчасъ *Громникъ* встрѣчается въ рукописяхъ сравнительно нерѣдко, какъ древнерусскихъ, такъ и южно-славянскихъ. Дошедшіе до насъ славянскіе тексты памятника идутъ съ нач. XIV вѣка, и представляютъ нѣсколько различныхъ редакцій. Первоначальное появленіе Громника въ славянской письменности изслѣдователи (напр. Шафарикъ) относятъ къ самымъ раннимъ временамъ юго-славянской письменности, къ эпохѣ еще древнеболгарской литературы (нач. X в.). Въ „индексахъ запрещенныхъ книгъ“ онъ встрѣчается уже въ древнѣйшихъ изъ дошедшихъ спискахъ этой статьи (напр. въ спискѣ Паисіевскаго Сборника XIV в.). Прототипъ памятника указываютъ въ византійской литературѣ,—гдѣ подобнаго рода сочиненія возникли уже очень рано, подъ именемъ „бронтоскопія“ или „бронтологіона“. Въ греческіе индексы запрещенныхъ книгъ эти „бронтологія“ или „громники“ были занесены также уже очень рано,—наряду съ „лунниками“ и „волядвками“; о нихъ упоминаетъ уже

Никифоръ Омологетъ (IX в.). По позднѣйшимъ изслѣдованіямъ, весьма важнымъ матеріаломъ для оцѣнки и анализа славянорусскихъ текстовъ Громника являются сочиненія византійскаго писателя Іоанна Лаврентія Лидіица († 565 г. по Р. Х.), главн. обр. его *βροντοσκοπία*—заимствованная (въ какой мѣрѣ, не извѣстно) „*ἐκ τῶν Φωνητίου οὐ Ρωμαίου κατ' ἐρημείαν πρὸς λέξιν.*“ Здѣсь предсказанія о значеніи грома расположены по знакамъ зодіака согласно фазамъ луны; далѣе слѣдуютъ предсказанія касательно нападенія народовъ, погоды, состоянія жатвы, что изъ посѣяннаго удачно созрѣетъ, что погибнетъ,—смерти знатныхъ вельможъ или ихъ измѣны и т. д. и т. д. Предсказанія приурочены преимущественно къ интересамъ земледѣлія. Почти такого же характера предсказанія и въ другой статьѣ того же автора *Περὶ κεραυνῶν*. Послѣ предисловія слѣдуютъ предсказанія, начиная съ овна. „Этотъ пзмятникъ, прибавляетъ изслѣдователь, важенъ для тѣхъ текстовъ Громника, въ составъ которыхъ вошли и свѣдѣнія о значеніи молній“...

Указывая на различные западно-европейскія и византійскія средневѣковыя сочиненія, приближающіяся по своему содержанію къ текстамъ собственно „Громника“—изслѣдователь не находитъ между тѣми и другими „буквальнаго совпаденія:“ очевидно, они видоизмѣнялись сообразно требованію времени и мѣста... „Вѣроятно, подобныя измѣненія, замѣчаетъ В. Н. Перетцъ, происходили и на славянской почвѣ въ зависимости отъ интересовъ гадающихъ. Эти интересы въ разныя эпохи мѣнялись—переписчики и переводчики Громника вносили соотвѣтствующія измѣненія. Что было важно для грека классическаго періода, то было чуждо византійцу, а тѣмъ болѣе сербу и болгарину XIV и XV в.“ Интересный примѣръ подобныхъ измѣненій встрѣчается въ текстахъ двухъ рукописей Вѣнской 6-ки,—гдѣ вмѣсто приуроченія къ знакамъ зодіака извѣстныхъ классической эпохѣ странъ и городовъ находимъ совершенно иное: рыба—*Фрузи*, овнъ—*Римъ*, бли-

звѣць—*Тръново*, ракъ—*Гуси*, левъ—*Дунавъ* и т. д. Здѣсь называются тѣ мѣстности, которыя были важны для славянина XIV—XV в. Нѣкоторые списки удержали многое изъ старины; такъ въ текстѣ, недавно изданномъ В. Н. Перетцомъ, упоминаются „бабыльская страна“—*ἡ βαβυλωνία χώρα*, Аравія и т. п. „Вѣроятно, въ зависимости отъ различныхъ степеней важности того или другого явленія—предполагаетъ изслѣдователь—и предсказанія Громниковъ укорачивались, видоизмѣнялись, независимо отъ греческихъ оригиналовъ“,—хотя и среди послѣднихъ попадаются очень краткіе.

Старый Громникъ, дойдя въ значительномъ числѣ списковъ, не былъ вполнѣ забытъ и тогда, когда—въ XVIII вѣкѣ—на сцену выступилъ съ подобными же предсказаніями *печатный календарь*: рядомъ съ послѣднимъ, Громникъ долгое время продолжалъ свое существованіе въ завѣтныхъ рукописныхъ тетрадкахъ русскихъ людей,—„хотя и утративъ свои древнія черты, подробность и обстоятельность предсказаній.“ Лишь къ самому концу XVIII вѣка Громникъ былъ окончательно повидимому вытѣсненъ *печатнымъ календаремъ* и разнаго рода „оракулами“. Въ связи съ послѣдними—находятся позднѣйшія предсказанія и гаданія по грому... Кромѣ средневѣковыхъ византійскихъ громниковъ, позднѣйшій изслѣдователь указываетъ также древнееврейскіе тексты Громника,—впервые привлекая эти тексты къ изученію памятниковъ славянской апокрифической литературы и справедливо замѣчая, что „отрицать значеніе этихъ древнееврейскихъ текстовъ для изслѣдованія судебъ средневѣковой жизни, литературы и культуры едва ли возможно,—особенно если въ литературѣ то тамъ, то здѣсь, проскальзываютъ предположенія и косвенныя указанія на связь и зависимость нашихъ славянскихъ апокрифовъ, а равно и греческихъ ихъ оригиналовъ, съ халдейской и еврейской литературой...“ Указывая на мнѣніе о изначальномъ происхожденіи Громника съ Востока, отъ египтянъ и халдей-

цевъ, — изслѣдователь замѣчаетъ: „Подобно Громнику, бесполезно было бы прослѣдить отношеніе и другихъ древне-еврейскихъ гадательныхъ книгъ къ средневѣковымъ европейскимъ—въ частности къ славяно-русскимъ, изъ которыхъ, напр. *Трепетникъ*, *Колядникъ*, *Сносудецъ*, *Шестокрылъ* имѣютъ параллели въ древне-еврейской литературѣ, а можетъ быть могутъ претендовать и на болѣе близкое преемственное отношеніе къ ней, подобно многимъ другимъ памятникамъ апокрифической христіанской литературы...“

Приведенное замѣчаніе изслѣдователя кажется намъ особенно важнымъ—въ виду сдѣланнаго выше замѣчанія объ отношеніяхъ разсматриваемаго отдѣла нашей московской литературы къ исторіи ереси „жидовствующихъ...“

Громникъ въ еврейской литературѣ появляется уже очень рано; составленіе его здѣсь приписываютъ одному компилятору XI вѣка, Moses ha-Daršan. „Составленіе астрологическихъ предсказаній отнюдь не считалось у средневѣковыхъ евреевъ чѣмъ либо предосудительнымъ и грѣховнымъ; напротивъ—какъ это видно изъ предисловія къ одному такому сборнику, содержащему между прочимъ и Громникъ—было дѣломъ полезнымъ и даже богоугоднымъ“. Редакціи еврейскаго Громника весьма различны, но всѣ указываютъ на греческій источникъ. Еврейскій Громникъ—переводъ съ греческаго...

Къ той же гадально-астрологической литературѣ принадлежатъ такъ называемые *Трепетники*,—особаго рода гадальные книжки, гдѣ „будущее“ узнавалось по нѣкоторымъ физиологическимъ явленіямъ въ тѣлѣ человѣка, зуду, звону въ ухѣ, чесанью отдѣльныхъ частей, миганью глаза и тому подоб. произвольнымъ „трепетаніямъ“ человѣческаго организма. „Самое повѣрье, будто дрожаніе, зудъ различныхъ частей тѣла могутъ имѣть вѣщее значеніе, принадлежитъ къ числу весьма распространенныхъ суевѣрій, общихъ чуть ли не всѣмъ народамъ, всѣмъ временамъ; существуетъ оно въ

видѣ переживанья до сихъ поръ, обращаясь по временамъ у болѣе культурной части общества въ шутливую примѣту; иначе говоря, это повѣріе принадлежитъ чуть ли не въ тѣмъ общечеловѣческимъ, какъ и всякое гаданіе, представляя одинъ изъ его видовъ. Эту вѣру въ значеніе дрожанія, произвольныхъ движеній въ организмѣ человѣка, мы находимъ у цѣлаго ряда народовъ, взаимная связь которыхъ или не можетъ быть доказана, или, если и можетъ быть предполагаема, то весьма отдаленная для временъ историческихъ“. Отдѣльныя повѣрья, обобщаемыя трепетаніемъ человѣческаго тѣла вообще, мы встрѣчаемъ и въ древне греческой литературѣ. Еще пифагорейцы признавали звонъ въ ухѣ; въ одной идилліи Феокрита упоминается о дрожаніи праваго глаза,—что вызываетъ у влюбленнаго сомнѣніе, увидитъ ли онъ свою возлюбленную... Рано у грековъ возникло и особое ученіе относительно подобныхъ трепетаній; уже къ александрійскому періоду принадлежатъ два трактата этого рода, приписываемые нѣкому Меламподу, современнику Птолемея Филадельфа, и другому ученому, приблизительно того же времени, Гермесу Тризмегисту. Съ именами этихъ лицъ дошли два древнѣйшихъ текста греческаго Трепетника. „Примѣты располагаются здѣсь въ порядкѣ членовъ человѣческаго тѣла, начиная съ головы (темени) и кончая пальцами ноги, при чемъ различаются постоянно правая и лѣвая сторона тѣла, иногда отлѣльной его части; это различеніе понятно въ виду того значенія въ смыслѣ предсказанія, какое придавалось въ древности правой и лѣвой сторонѣ вообще“... Два дошедшіе текста впрочемъ сами по себѣ весьма различны: одинъ значительно обширнѣе и полнѣе другого. „Тогда какъ Гермесъ ограничивается всего 40 мѣстами человѣческаго тѣла, зудъ или трепеть которыхъ имѣетъ вѣщее значеніе, Меламподъ насчитываетъ ихъ до 180; тогда какъ Гермесъ Тризмегистъ въ значительномъ большинствѣ случаевъ удовлетворяется только общимъ указаніемъ на то, что та или другая при-

мѣта „добро кажетъ“ или „зло кажетъ“, и иногда только различаетъ гаданіе для „свободнаго“ и „раба“ (*ἐλευθέρω—δοῦλῳ*), Меламподъ помимо этого довольно послѣдовательно при каждомъ гаданіи указываетъ на значеніе гаданія не только для „раба“, но и для „дѣвушки“ и „вдовы“ (*παρθένῳ, χήρῳ*), часто приводитъ гаданія также для „богатаго“ и „бѣднаго“, „воина“ и „моряка“... Предполагаютъ, что текстъ Гермеса ближе къ исходному прототипу, чѣмъ текстъ Мелампода: текстъ Мелампода представляетъ Трепетникъ уже довольно сложнымъ памятникомъ, между тѣмъ какъ мѣнѣе сложный текстъ Гермеса приближается къ тому типу гаданія, который даютъ народныя примѣты...

Въ древнерусской письменности списки Трепетника довольно рѣдки. По одной древней рукописи раскольничьяго письма, текстъ Трепетника изданъ Пыпинымъ; цѣлый рядъ другихъ текстовъ Трепетника, съ присоединеніемъ и текста одного греческаго произведенія такого рода, изданъ недавно проф. М. Н. Сперанскимъ. У южныхъ славянъ Трепетникъ повидимому былъ гораздо болѣе распространенъ, чѣмъ у насъ,—хотя имѣющіеся на лицо списки и здѣсь всѣ, за исключеніемъ одного, относящагося къ XV вѣку,—сравнительно позднѣйшіе, XVII и XVIII в.в. и позднѣе. Названный сейчасъ древнѣйшій списокъ XV вѣка находится въ рукописяхъ Шафарика и въ числѣ другихъ изданъ проф. Сперанскимъ. Въ своемъ специальномъ изслѣдованіи (которымъ мы здѣсь пользуемся) проф. Сперанскій приходитъ къ заключенію, что у южныхъ славянъ Трепетникъ сталъ извѣстенъ; съ начала XV, или уже съ конца XIV вѣка,—и повидимому ранѣе всего въ Болгаріи. „XIV вѣкъ, приблизительно съ его половины, былъ вѣкомъ особаго оживленія духовной и литературной жизни въ Болгаріи: по преемству отъ Византіи—и въ Болгаріи оживаютъ старыя вѣрованія, астрологія, мантика начинаютъ и здѣсь оказывать свое вліяніе, на ряду съ возрожденіемъ богумильства и ересью Вар-

лаама и Авииндина; результатомъ этого движенія, съ одной стороны, было появленіе цѣлаго ряда памятниковъ суевѣрно-апокрифическаго характера, съ другой—проповѣдь противъ нихъ, запрещенія...“ По своему происхожденію памятники—переводный съ греческаго, при чемъ греческо-византійскій текстъ, нужно думать, восходитъ уже въ очень ранней эпохѣ, можетъ быть, въ періоду еще александрійскому...

Дошедшіе до насъ славянскіе тексты Трепетника представляютъ въ своихъ редакціяхъ большое разнообразіе; самый объемъ ихъ весьма различенъ: число гаданій отъ 30, въ однихъ спискахъ, доходитъ до 100—въ другихъ. Впрочемъ колебанія въ числѣ примѣтъ не должны, по мнѣнію изслѣдователя, имѣть особенно важнаго значенія въ виду самаго характера памятника, крайней подвижности его состава, содержанія,—гдѣ эта подвижность часто могла быть не результатомъ редакціоннаго труда, а простого механическаго сокращенія, пропуска или прибавки... Оставляя въ сторонѣ (хотя едва ли, по нашему мнѣнію, справедливо) эту внѣшнюю черту памятника — изслѣдователь все разнообразіе дошедшихъ списковъ славянскаго Трепетника старается свести къ двумъ группамъ или редакціямъ. Къ первой редакціи изслѣдователемъ относятся всѣ болѣе ранніе, дошедшіе до насъ, списки сербско-болгарскіе, съ древнѣйшимъ, Шафариковскимъ, во главѣ; во второй—позднѣйшіе румынско-сербскіе, ведущіе свое начало повидимому отъ поздняго румынскаго текста, переведеннаго едва ли не въ прошломъ столѣтіи съ французскаго... Интересъ для насъ представляетъ, конечно, только первая группа. Относительно ея, изслѣдователь приходитъ къ слѣдующимъ детальнымъ выводамъ: „1) въ основѣ редакція лежитъ одинъ переводъ, сдѣланный, можетъ быть, на болгарскій языкъ съ греческаго; 2) переводъ этотъ сдѣланъ не позднѣе начала XIV вѣка и сохранялъ свою популярность до XIX в.,—размножаясь въ спискахъ, представляющихъ преимущественно механическое извле-

чение изъ первоначальнаго текста; 3) рядомъ съ старымъ переводомъ появляется и болѣе новый, также сдѣланный съ греческаго, но иной редакціи, нежели первый; этотъ позднѣйшій переводъ даетъ матеріалъ для пополненія стараго и—образованія иной версіи Трепетника, состоящаго изъ двухъ отдѣльныхъ частей: для правой и лѣвой стороны тѣла "... Древнерусскіе тексты Трепетника, конечно, должны относиться къ первой редакціи, — хотя имѣющійся пока на лицо русскій текстъ Трепетника плохо вяжется съ другими дошедшими текстами той же группы, и долженъ быть относительно ихъ поставленъ изолированно. Древнерусскій Трепетникъ пока имѣетъ для себя представителемъ пока лишь одинъ упомянутый выше поздній текстъ, изданный Пыпинымъ. Списокъ этотъ носитъ на себѣ слѣды цѣлаго ряда измѣненій первоначальнаго текста... Вообще древнерусскій Трепетникъ, съ трудомъ поддается опредѣленію со стороны источниковъ и характера, вообще носитъ на себѣ „слѣды долгой исторіи“... Въ названномъ текстѣ Пыпина характеръ памятника является крайне своеобразнымъ: по объему своему, онъ превосходитъ самый полный изъ сербскихъ, Шафариковскій XV вѣка; дробность дѣленія въ немъ до извѣстной степени подходит къ тексту румынскому, хотя по подбору примѣтъ общаго между ними очень немного,—напротивъ, въ значительномъ большинствѣ гаданій Пыпинскій текстъ подходит къ сербскому... Кроме того, въ этомъ русскомъ текстѣ очевидные слѣды свода,—слѣды присутствія въ его составѣ по крайней мѣрѣ двухъ текстовъ; различіе иногда проглядываетъ даже въ стилистическомъ отношеніи. Повторенія, обобщенія и комбинаціи—все это взятое вмѣстѣ указываетъ, по справедливому замѣчанію изслѣдователя, на отдаленность Пыпинскаго текста отъ его первообраза. Отчасти на ту же отдаленность указываетъ и замѣчаніе въ предисловіи рассматриваемаго текста: „Отъ мудрыхъ сіе взято, а не смѣхотворство нѣкое, и всякъ сіе внимай“... Этимъ ясно указывается уже на срав-

нительно позднее время, — когда взгляды на гаданье стали мѣняться, „когда гаданье надо было уже защищать“ отъ людей, видѣвшихъ въ этомъ лишь „смѣхотворство нѣкое“... Какъ бы то ни было, проф. Сперанскій пытается установить нѣкоторую связь между Пыпинскимъ текстомъ и древнѣйшимъ сербскимъ; изслѣдователь дѣлаетъ текстуальное и стилистическое сравненіе Пыпинскаго списка съ сербскими текстами указанной первой группы, — и не смотря на значительную разницу, подмѣчаетъ сходство между русскимъ и сербскимъ текстами главнымъ образомъ въ терминологіи, а иногда связь въ назначеніи гаданій.. Вотъ примѣры:

Русскій текстъ.

Сербскіе тексты.

3) Аще бровь правая потрепещеть, то богатымъ <i>недугъ</i> , а убогимъ польза <i>будеть</i> .	Аще обрѣвь десна потрепещеть, <i>недугъ</i> кажетъ, а послѣ благо.
4) Аще бровь лѣвая потрепещеть, то велико <i>добро</i> и веселіе кажетъ.	Аще обрѣвь лѣвая потрепещеть, <i>добро</i> нѣкакъ кажетъ.
22) Аще ухо <i>лвое</i> потрепещеть, то <i>честь</i> повѣдаетъ.	Аще слухъ <i>деснѣ</i> страни возшумитъ, добро кажетъ и <i>честь</i> .
25) Аще ноздря <i>правая</i> потрепещеть, <i>о всемъ добро</i> повѣдаетъ.	Аще ноздра <i>лвая</i> потрепещеть, <i>о сѣмъ добро</i> кажетъ.
26) Аще ноздря <i>лвая</i> потрепещеть, <i>убожество</i> кажетъ.	Аще ноздра <i>десная</i> потрепещеть, <i>убожество</i> кажетъ.
30) Аще зубы <i>посыкаются</i> , на вражду повѣдаютъ.	Аще зубы <i>стычающе</i> , раздрушеніе кажетъ.
32) Аще языкъ лѣвья страны потрепещеть, <i>благое шествіе</i> кажетъ.	Аще езикъ лѣвіе страни, <i>благошествіе</i> кажетъ.
41) Плечо <i>лвое</i> потрепещеть, <i>богатымъ</i> недугъ <i>будеть</i> .	Аще плече <i>десно</i> потрепещеть, <i>богатымъ</i> стуженіе.
46) Мышка <i>правая</i> потрепещеть, <i>богатымъ слава</i> <i>будеть</i> и т. т.	Аще <i>лвая</i> (мышка), <i>богатымъ слава</i> , а <i>убогымъ</i> добро и т. д.

Приведенные примѣры показываютъ, заключаетъ изслѣдователь, что „между сравниваемыми текстами есть какое-то родство, какъ въ словоупотребленіи, такъ и въ приуроченіи примѣтъ“... Есть и дополненія, — хотя трудно указать, изъ какого источника идутъ эти дополненія. Общій анализъ извѣстнаго

пока единственнаго русскаго текста, издавнаго Пыпинымъ, заставляють изслѣдователя сдѣлать предположеніе, что русскіе тексты Трепетника—„восходятъ также къ одному и тому же, что и сербскіе, болгарскому переводу“. Совпаденіе же въ обозначеніи нѣкоторыхъ гаданій Пыпинскаго текста со списками сербскими вторичнаго, болѣе поздняго и осложненнаго вида—заставляетъ думать, что переходъ юго-славянскаго Трепетника въ русскую письменность совершился уже послѣ осложненія Трепетника древнѣйшаго типа (какъ мы его имѣемъ въ Шафариковскомъ спискѣ) тѣмъ вторымъ переводомъ, который обуславливалъ собою созданіе названныхъ сейчасъ сербскихъ списковъ болѣе поздней, вторичной фармаціи, или по крайней мѣрѣ послѣ появленія этого втораго Трепетника,—который также могъ перейти въ Россію, и здѣсь уже вступить въ соединеніе со старшимъ текстомъ: слѣдомъ этого въ Пыпинскомъ спискѣ и остались обобщенія, дублиеты и наросты въ обозначеніи гаданій. Новыя наслоенія, источникъ которыхъ пока неизвѣстенъ, обусловили тотъ объемъ и типъ Трепетника, каковымъ мы его знаемъ въ Пыпинскомъ спискѣ XIX вѣка.

Гаданье по Псалтыри возникаетъ у насъ уже въ самые первые вѣка христіанства. Припомнимъ извѣстное мѣсто въ „Поученіи“ Вл. Мономаха дѣтямъ: „И отрядивъ ѧ (пословъ), возьмъ Псалтырю въ печали разгнухъ ю и то ми ся выну: вскую печалуеши душе? вскую смущаеши мя? и проч. И потомъ собрахъ словца си любая и складохъ по ряду и написахъ: „Аще вы послѣдняя не любя, а передняя пріймайте“. Вскую печална еси душе моя, вскую смущаеши мя? Упова на Бога“.... Въ Поученіи Мономахъ рассказываетъ случай изъ своей жизни, когда къ нему, во время его пути, на Волгѣ, пришли послы съ предложеніемъ поднять оружіе на Ростиславичей, выгнать ихъ изъ

волости,—грозя въ противномъ случаѣ разрывомъ съ братьями, съ которыми Владимиръ цѣловалъ крестъ. Находясь въ нерѣшительности, въ печали — онъ, „разгнувъ Псалтырь“, раскрылъ на удачу книгу, которая очевидно всегда имѣлась у него подъ руками, была съ нимъ и въ дорогѣ,—и ему „вынулось“ („и то ми ся выну“) приведенное мѣсто псалма...; изъ „словецъ“ (изъ отдѣльныхъ словъ?... или буквъ въ началѣ строкъ на страницѣ?...) составилъ себѣ отвѣтъ—„собрахъ словца складохъ по ряду“.., а можетъ быть нашель его по этимъ „словцамъ“ и готовымъ — „Аще вы послѣдняя не любя, а передняя пріймайте“... Приведенное мѣсто Поученія — на сколько извѣстно—наиболѣе раннее свидѣтельство о гаданіи у насъ по Псалтыри... Гадали впрочемъ и по другимъ книгамъ св. Писанія, напр. пророческимъ; подъ 1276 г. въ Вольнской лѣтописи читаемъ: „Вложи Богъ въ сердце мысль блугу князю Володимирови, нача собѣ думати, абы гдѣ за Берестьемъ поставити городъ. И взя книги пророческия, да тако себѣ въ сердци мысля рече: Господи Боже сильный и всемогый, вся созидаи и разстраи,—что ми, Господи, проявишь грѣшному рабу своему, и на томъ стану. Разгнувъ же книги, и выняся ему пророчество Исаино: Духъ Господень на мнѣ и пр. Князь же Володимеръ отъ сего пророчества уразумѣ милость Божию до себе, — и нача искати мѣста удобна, абы поставити городъ“... Въ массѣ нашихъ старыхъ рукописей уже отъ XI вѣка до насъ дошло нѣсколько листовъ *Псалтыри*,—которая, очевидно, употреблялась именно для гаданій: подъ страницами, гдѣ начинаются псалмы, написаны виноварью особыя гадальныя приписки, относящіяся къ находящимся здѣсь начальнымъ строкамъ псалмовъ (листки изданы сполна Срезневскимъ). Другая такая гадальная Псалтырь дошла отъ XIV в.,—находится въ Москв. Типогр. библиотекѣ и др.

Употреблявшійся въ древней Руси приемъ гаданія по Псалтыри—или другой книгѣ св. Писанія—очевидно относится

вообще къ области гаданія по священной книгѣ, или даже вообще по книгѣ, по письму, и въ этомъ смыслѣ, своимъ началомъ скрывается въ отдаленнѣйшихъ временахъ чело-вѣческой культуры... И въ древніе и въ средніе вѣка обы-чай гадать по книгѣ былъ весьма распространеннымъ, и даже игралъ важную роль въ общественной жизни. Въ сред-ніе вѣка обыкновенно гадали по Библии; этотъ приемъ гада-нія назывался поэтому *βιβλιομαντεία*, что вѣроятно, въ началѣ означало гаданье „по книгѣ вообще“. Въ Византіи гаданье производилось иногда при назначеніи въ епископы,—этотъ обычай оставилъ даже слѣдъ въ чинѣ поставленія епископа: это значило получить *ζυγὸν τοῦ εὐαγγελίου*. Гаданье соверша-лось такъ: посвящаемому владѣ на голову Евангеліе, раскры-вали, гдѣ случится, читали первую строку на страницѣ и по прочтенному заключали, каковъ будетъ пастырь вновь посвященный... По свидѣтельству Теофана и Кедрина, га-данья по св. Писанію были распространены и въ простомъ на-родѣ. Извѣстны и самыя гадальныя книги св. Писанія этого рода... Одна изъ такихъ книжекъ имѣется напр. въ Париж-ской Націон. Библиотекѣ и называется *Ρητολόγιον ἐκ τῶν τοῦ ἀγίου εὐαγγελίου κεφαλαίων*. Книжка представляетъ выборку текстовъ изъ Евангелія, можетъ быть, одного Иоаннова, мо-жетъ быть, евангелія-апостольскаго... Въ одномъ латинскомъ ис-точникѣ IX вѣка (въ „Отвѣтахъ папы Николая I болгарамъ“, 866 г.) мы видимъ любопытное описаніе самаго способа га-данья... Указанія на обычай гаданья и даже указаніе именно на тотъ же самый обычай встрѣчаются и въ нашемъ Номовано-нѣ при Большомъ Требникѣ (М., 1639), воспроизводящемъ въ настоящемъ случаѣ соответствующую статью Номованона Фотія. „Инь нѣкій священникъ—читаемъ въ Требникѣ въ до-полненіяхъ къ правилу 20-му—со Евангеліемъ, ему же дре-во связано бысть, и круговидно обращаешя, обвиненъ, яко испытанія творяше о нѣкихъ вещехъ со псалмы Дави-довыми, абіе изверженъ бысть. (Сидевому суду подлежатъ,

иже имена на хартіяхъ пишутъ и ключи въ Псалтырь влагаютъ, отгуду ложная вѣщающе)“. Въ самомъ же правилѣ 20 осуждаются тѣ, кто „или щастіе и родословіе вѣруютъ, яко овъ убо въ день благъ, овъ же въ золь родися, или мѣстнословіе..., или Давыдскія псалмы и имена мученичeskія поминающе на выю си вѣшаютъ“... Этому „мѣстнословію“ въ греческомъ соотвѣтствуетъ упомянутое выше *ζητολόγιον*... Не менѣе распространены были гаданья и гадальныя книжки на Западѣ. „Греко-римская древность помимо оракуловъ, Сивиллъ, передала въ наслѣдіе среднимъ вѣкамъ цѣлый рядъ своихъ пророковъ - мудрецовъ: это не только пророки о Христѣ, каковыми являются знаменитые семь мудрецовъ и философовъ (прорицаніями которыхъ оканчиваются нѣкоторые списки греческихъ и славяно-русскихъ „Пчелъ“), — но и предсказатели будущаго вообще; весьма популярны былъ, напримѣръ, въ теченіе среднихъ вѣковъ Пифагоръ, которому приписывалось основаніе математическихъ гаданій, основанныхъ на мистическомъ значеніи цифръ въ именахъ (это—*δυομομαντεία* и *δριδρομαντεία*. Гораздо популярнѣе былъ Вергилій, авторъ „Энеиды“; по „Энеидѣ“ гадали еще въ древности, какъ и по Гомеру; Вергилій весьма рано превратился изъ римскаго поэта въ мага и волшебника среднихъ вѣковъ, прославившагося умѣньемъ не только предсказывать будущее, но и строить чудныя вещи, по которымъ можно было узнавать будущее. Его сочиненія послужили основой для средневѣковыхъ знаменитыхъ *Sortes Virgilianae*, давшихъ въ свою очередь начало знаменитымъ же *Sortes Sanctorum*“... Этимъ терминомъ обозначалось вообще то же, что въ греческомъ терминами: *βιβλιομαντεία*, *ζαυρομαντεία*, т. е. когда человекъ, желая узнать будущее, разгибалъ на удачу книгу (священную), желая въ текстѣ ея найти „sors“—жребій, отгадку задуманнаго. Sors такимъ образомъ соотвѣтствуетъ вполне упомянутому выше грече-

свому ζυγός. “ Кроме простого гаданья по книгѣ — когда, желая получить отвѣтъ на какой-нибудь вопросъ, брали книгу, разгибали ее наудачу, читали первыя слова или первое слово на страницѣ, и истолковывали прочитанное примѣнительно къ задуманному, — способъ гаданья иногда имѣлъ болѣе сложную форму. На это указываетъ уже самое слово *βικτολόγιον*, приводившееся выше: первая часть этого слова производятъ отъ глагола *βίπτειν*, византийской формы древняго *βίπτειν* — бросать, именно бросать жребій... При *Βικτολόγιον* въ *ἐκ τῶν τοῦ ἀγίου εὐαγγελίου κεφαλαίων* употреблялись или кости съ какими-либо значеями (цыфрами или точками), указывавшими, гдѣ надо искать въ книгѣ цитату и ея толкованіе, или же присоединена была таблица съ подобными значеями или цыфрами, на которую и бросали какой-нибудь предметъ: кость, камешекъ, зерно, шарикъ и т. д. Способъ этотъ былъ однимъ изъ самыхъ обычныхъ и древнѣйшихъ, и стоялъ въ связи съ гаданьемъ вообще по костямъ, — которое вмѣстѣ съ гаданьемъ по письму или книгѣ выработано было практикою уже въ глубокой древности... Съ гаданьемъ по костямъ изслѣдователи ставятъ въ связь и игру на костяхъ, въ особенности многочисленныя преслѣдованія этой игры въ средніе вѣка, хотя и не приведшія ни къ чему. Игра въ кости, по замѣчанію изслѣдователя, даетъ любопытныя указанія на древніе способы гаданья. Играли обыкновенно въ три кости, — самыя названія которыхъ („настоящее“, „прошедшее“, „будущее“) ясно говорятъ о старой связи игры съ гаданьемъ... Западная гадальная литература была весьма обширной; произведенія этого рода явились на Западѣ въ числѣ самыхъ первыхъ печатныхъ изданій по изобрѣтеніи здѣсь книгопечатанія. Древнѣйшія, дошедшія до насъ, западныя гадальныя книжки относятся къ послѣдней четверти XV в. Въ этихъ „книжкахъ судьбы“, „альманахахъ“ — старыя разнообразныя гаданія, по священнымъ книгамъ, по изреченіямъ древнихъ писателей, оракуловъ, слились съ астрологическо-„халдейскою“

мудростью, съ гаданіями по примѣтамъ, по воску, линіямъ руки и т. п., и образовали своеобразную энциклопедію житейскихъ совѣтовъ, врачебныхъ рецептовъ, разнаго рода пророчествъ на тѣ или другіе случаи. Приемы гаданій иногда указываются самыми заглавіями гадальныхъ книжекъ. Названные „альманахи“ были непосредственными предшественниками теперешнихъ „календарей“; самый планъ календаря, особенно народнаго, по замѣчанію изслѣдователя, до сихъ поръ „въ значительной степени опредѣляется старой гадательной книжкой“...

Подобно Западу и Византіи,—гаданье и въ древней Руси имѣло иногда важное общественное значеніе. Мы упоминали уже о гаданьяхъ Владимира Мономаха и Владимира Волынскаго. Въ Новгородѣ, какъ извѣстно, особаго рода гаданье, гаданье по жребію, производилось при избраніи въ новгородскіе владыки; записки кандидатовъ владѣлись на престолѣ св. Софіи... Жребій, жеребьевка—имѣеть и досихъ поръ широкое распространеніе въ простомъ быту русскаго народа,—примѣняясь иногда при самыхъ важныхъ общественныхъ актахъ, напр. при рекрутскомъ наборѣ... Къ числу древнихъ свидѣтельствъ существованія въ древней Руси гаданій должны быть отнесены показанія нашихъ индексовъ книгъ истинныхъ и ложныхъ, особенно поздней (однако, не позднѣе XIV в.) редакціи, слившей въ одно понятіе о книгѣ ложной, апокрифической (въ древнемъ смыслѣ термина), съ понятіемъ о книгѣ запрещенной вообще, почему въ списки богоотметныхъ книгъ попали и гадательныя книги. Въ этомъ индексѣ мы находимъ почти весь кругъ гадательныхъ книгъ, какимъ онъ представляется для Востока и Запада.“ Нельзя не имѣть въ виду при этомъ, что списокъ этотъ не всегда, кажется, соответствовалъ собственно русской или славянской практикѣ,—не всѣ изъ упомянутыхъ въ индексахъ книги дѣйствительно вращались въ древнерусскомъ обществѣ; въ наши индексы указанія нерѣдко переносились меха-

нически изъ греческихъ индексъ... Самыя указанія индекса часто весьма неясны; индексъ часто приводятъ не только заглавіе той или другой гадательной книги или статьи,— но имѣютъ въ виду и самый обычай, выраженіемъ котораго была книга, а иногда и самый обычай, не связанный съ книгою, независимый отъ книги... Обширныя указанія о древнерусскихъ гаданьяхъ дѣлаетъ Стоглавъ. Здѣсь мы не находимъ, говоритъ изслѣдователь, „запрещеній гадать по священнымъ книгамъ: ясно, что отцы собора не нашли нужнымъ останавливаться на этомъ гаданіи, м. б., они не считали его предосудительнымъ; но за то въ Стоглавъ находимъ указаніе на то, что запретная гадательная литература въ XVI в. у насъ представляла тѣ же фазы развитія, что на Западѣ и въ Византіи,— что въ этомъ случаѣ индексъ запрещенныхъ книгъ въ значительной степени стоялъ на реальной почвѣ. Вотъ эти свидѣтельства. Въ вопросѣ 17-мъ соборъ жалуется: „И на полѣ бьются и кровь проливають (дѣло идетъ о поединкѣ); и въ тѣ поры волхвы и чародѣйники отъ бѣсовскихъ наученій пособіе имъ творять: кудесы бьютъ, въ *Аристотелевы Врата* и въ *Рафли* смотрятъ и по звѣздамъ и планетамъ гадаютъ и смотрятъ дней и часовъ“. Ясно, что здѣсь подразумѣваются тѣ же вредныя книги, которыя запрещалъ и индексъ: *Аристотелевы Врата*, *О частяхъ добрыхъ и злыхъ*, *Рафли*, *Звѣздочетецъ*, *Планидникъ*. Въ вопросѣ 22-мъ находимъ также перечень цѣлаго ряда запрещенныхъ гадательныхъ книгъ: „Злая ереси кто знаетъ и ихъ держится: *Рафли*, *Шестокрылъ*, *Вороноградъ*, *Зодій*, *Алманакъ*, *Звѣздочетъ*, *Аристотель*, *Аристотелевы Врата* и иные составы и мудрости еретическія и коби бѣсовскія, которыя прелести отъ Бога отлучаютъ,— и въ тѣ прелести вѣрующіе многихъ людей отъ Бога отлучаютъ, и погибаютъ“... Это, какъ видимъ, по преимуществу астрологическая литература, при томъ, по всей вѣроятности, „въ значительной мѣрѣ западная по происхожденію“. Подобныя же

указанія дѣлаются Домостроемъ. Его составитель, говоря о врачеваніи болѣзней и убѣждая не прибѣгать при нихъ ни къ какой иной помощи, кромѣ Божіей, — перечисляетъ: „Къ сему же чарованіе и волхованіе и наузы, *Звѣздочетіе*, *Рафли*, *Алмонаки*, чернокнижіе, *Воронограй*, *Шестокрыль*, стрѣлки громны, топорки, усовники, двокаменіе, кости волшебныя и инныя всякія коби бѣсовскія“... Есть указанія и изъ XVII вѣка: въ 1628 году нѣкто Семейка Григорьевъ, дьячекъ, за держаніе у себя *Раулей*, былъ закованъ въ позныя желѣза и сосланъ въ монастырь, въ черныя службы, на годъ...

Мы уже упоминали о древнѣйшихъ дошедшихъ до насъ текстахъ древнерусской *Гадальной Псалтыри*: это—нѣсколько листковъ XI в., изданныхъ Срезневскимъ, и почти полный псалтырный текстъ XIV вѣка (самыя гадальныя приписки, къ сожалѣнію, здѣсь сильно обрѣзаны), изданный сполна проф. Сперанскимъ въ приложеніяхъ къ недавно вышедшему изслѣдованію, которымъ мы здѣсь пользуемся. Оба памятника—русскаго правописанія и письма. Въ Псалтыри XI вѣка гадальныя приписки написаны внизу страницъ, киноварью и тѣмъ же почеркомъ, какъ и другія киноварныя буквы; точно такъ же, подъ строками, внизу страницы, идутъ гадальныя приписки и въ Псалтыри XIV в.

Вотъ нѣсколько гадальныхъ приписокъ изъ Псалтыри XI вѣка (по изданію Срезневскаго):

Текстъ псалма:

Законъ Господень... умудряетъ младенцы...
 Исполни Господь вся прошенія твоя...
 Живота проси у тебе и далъ еси ему...
 Азъ есмь червь, а не человекъ...
 Уготовилъ еси предо мною трапезу предъ стужающими мнѣ...

Гадальн. приписки:

Господня благодать и украшеніе твоя будетъ.
 Услышитъ Богъ молитву твою.
 Врази нынѣ обидятъ тебе.
 Отъ печали въ радость придетъ.
 Въ совѣтъ приходитъ, его же просиши.

Вотъ нѣсколько гадальныхъ приписокъ изъ Псалтыри XIV вѣка:

<i>Текстъ псалма:</i>	<i>Гадальныя приписки.</i>
— V:	Сего ниня не будетъ.
— VI:	Добръ совѣтъ имаши: твори еже хотя:
— VIII:	Еже не чаеси, велія радость ти придетъ.
— X:	Орудіе (дѣло) твое свершается
— XIII:	Аще вдаси мзду, одолѣши.
— XV:	Издалеца нѣчто приходитъ ти и добро получиши.
— XVI:	Будетъ орудіе (дѣло), но есть на- костыя.
— XX:	Мнози вражи нинѣ обидутъ тебе.

Нѣкоторыя гадальныя приписки въ Псалтыри XIV в. какъ видимъ, тѣ же, что читаются и въ Псалтыри XI вѣка.

Любопытнымъ дополненіемъ къ этимъ двумъ древнерусскимъ текстамъ Гадальной Псалтыри является одинъ дошедшій до насъ сербскій текстъ XIII вѣка, носящій заглавіе *Число Псалтырьно*. Здѣсь передъ нами уже не Псалтырь,—одни только гадальныя приписки; псалмы лишь указываются по числамъ, въ такомъ видѣ:

Аще будетъ псаломъ 1: Отъ печали въ радость		
		преходить.
—	—	— 3: Мнози врази твои вѣста-
		ша, да пожди мало.
—	—	— 5: Добра совѣтъника има-
		ши, твори еже хотя и т. д.

Слова „аще будетъ псаломъ“ стоятъ лишь въ самомъ началѣ, передъ цыфрой перваго псалма,—дальше слѣдуютъ лишь одни цыфры, „числа псалтырьныя“. Къ этому тексту, заключающему въ себѣ номера псалмовъ и гадальныя къ нимъ приписки—присоединяются здѣсь же два чертежа: „одинъ, состоящій изъ нѣсколькихъ концентрическихъ круговъ, гдѣ, начиная отъ центра, проставлены цыфры псалмовъ отъ 1 до 150-ти, и другой, представляющій спираль, по которой идутъ тѣ же цыфры псалмовъ, также отъ середины къ окружности. Ясно, что гаданіе здѣсь производилось съ помощью зерна или:

камешка, который бросался на кругъ, падалъ на ту или другую цифру, по которой и находили отвѣтъ въ спискѣ отгадокъ—въ „Числѣ Псалтырномъ“. Такимъ образомъ, въ данномъ текстѣ находимъ лишь аппаратъ для гаданья, стоявшій въ связи съ Псалтырю. Способъ гаданья—самый распространенный: онъ встрѣчается уже въ древнее время, когда гадали съ помощію камня, кости, зерна, бросаемого на таблицу съ цифрами или прямо съ изреченіями, содержащими отгадку задуманнаго,—онъ былъ извѣстенъ въ средніе вѣка въ Византіи (*δικολόγιον*), откуда могъ быть занесенъ къ юго-славянамъ и къ намъ. У насъ онъ сохраняется до сихъ поръ: подобный же кругъ, съ тѣмъ же расположеніемъ цифръ (но уже не 150, а 100), съ подобной же таблицей отгадокъ находимъ въ ходячихъ до сихъ поръ *Гадательныхъ книжкахъ царя Соломона, Кругъ счастья* и т. п.

Два первые текста—XI и XIV вв.—представляютъ собой самый первоначальный и самый простой приѣмъ гаданья по Псалтыри: ни круговъ, ни бросанія зерна или кости здѣсь еще нѣтъ; достаточно было разогнуть книгу на удачу, дойти до начала псалма, прочесть его, или только первый стихъ его, и обратиться къ припискѣ внизу страницы. Повидимому, подобнаго рода Псалтырь съ гадальными приписками и была та, по которой гадалъ Владимиръ Мономахъ,—хотя полного тождества этой Владимировой Псалтыри съ двумя названными псалтырными текстами сдѣлать все же нельзя: послѣ того, какъ Мономахъ „разгнулъ“ Псалтырь и ему „вынулось“ приводимое дальше мѣсто псалма,—Мономахъ производитъ какую-то выборку „словецъ“, сопоставленіе ихъ, въ результатъ чего получаетъ отгадку на задуманное: „Взѣмъ Псалтырю... разгнуй ю и то ми ся выну...,—и потомъ собрахъ словца си любая и складохъ по ряду и написахъ: „Аще вы послѣдняя не любя, а передняя примате“... Самой приписки этой тоже въ дошедшихъ до насъ гадальныхъ текстахъ не встрѣчается.

Съ упомянутой сейчасъ произведенной Владимиромъ Мо-

номахомъ выборкой „словецъ“, едва ли не имѣеть чего-либо общаго еще особый, дошедшій до насъ, хотя довольно поздній, сербскій текстъ Гадальной Псалтыри,—имѣющійся теперь въ спискахъ XVII в. Въ рукописяхъ текстъ носитъ громкое и длинное заглавіе: *Благовѣствованіе древнее и невозможное. Хитрость сія пророку Самуилу откровена бысть ангеломъ Господнимъ 16-ми образы, и пророчествоваша людямъ о будущиихъ* (текстъ сполна изданъ у проф. Сперанскаго). Памятникъ отерывається любопытнымъ предисловіемъ, гдѣ указывается самый способъ гаданія: „Бываетъ же (гаданье) сице, читаемъ здѣсь: Възъмъ светое Евангеліе или Псалтырь, постивсе и умивсе, на тще сердца, прѣвѣи убо пой трисвето, съ сокрушеннымъ сердцемъ и помоливсе Богу, таже прѣкрстивъ светое Евангеліе или Псалтырь, глаголи въ сердци своемъ въпросъ, о немъ же благовѣщаетъ, и разгнувъ дрѣжи лѣвую страну отъ начела и възми прѣвое слово прѣвые врѣсти. Аще убо есть лихое, таково есть слово, яко же сіе: *a, z, e.* . (приводятся буквы „лихія“),—пишимъ чръту едну. Аще ли есть слово тѣмное, сирѣчь *v, d, u.* . (приводятся буквы „тѣмныя“), — пишимъ чръте двѣ“... Таеъ надо дѣлать четыре раза, беря первую букву второй, третьей и четвертой строки открывшейся страницы. Такъ образомъ составляется одинъ изъ 16-ти „образовъ“, ниже изображенныхъ и истолкованныхъ въ текстѣ, гдѣ объясняется каждый „образъ“—вообще, затѣмъ о вещи, о недугѣ... Роль прорицателя приписывается С а м у и л у; гаданье совершается по Евангелію или Псалтыри. Употребленіе для гаданій, наряду съ Псалтырю, Евангелія и другихъ книгъ св. Писанія и въ Византіи и на Западѣ было нерѣдкимъ. Довольно обычны и самые приемы гаданья: молитва, постъ, а равно и подсчеты буквъ; гаданье по начальной буквѣ слова первой строки открывшейся на удачу страницы—одинъ изъ самыхъ обычныхъ приемовъ при гаданьяхъ, бывшій одинаково

распространеннымъ въ средніе вѣка и на Востокъ и на Западъ. „Ориганальная сторона разсматриваемаго гаданья, замѣчаетъ проф. С пер а н с к і й, во первыхъ въ томъ, что всѣ буквы греческаго алфавита дѣлятся на добрыя (тѣмныя) и злыя (лихія); во вторыхъ, въ томъ, что изъ первыхъ буквъ начальныхъ словъ первыхъ четырехъ строкъ найденной случайно страницы составляются комбинаціи черточекъ или точекъ (какъ нарисовано въ рукописяхъ), одна изъ 16-ти которая и ведетъ къ ключу“... Исслѣдователь сближаетъ разсматриваемый способъ гаданья съ гаданьемъ Мономаха,—въ разбираемомъ гаданьѣ мы имѣемъ дѣло также съ собираніемъ „словецъ“: можетъ быть, и Мономахъ имѣлъ списочекъ буквъ „ликихъ“ и „тоемыхъ“...

Происхожденіе самаго текста, по мнѣнію исслѣдователя, несомнѣнно греческое: въ основѣ дѣленія буквъ на „лихія“ и „добрыя“ лежитъ алфавитъ греческій. Буквъ славянскихъ въ немъ нѣтъ. „Если даже предположить, говоритъ проф. С пер а н с к і й, что мы имѣемъ дѣло здѣсь не съ буквами-звуками, а съ буквами-цыфрами, то и въ такомъ случаѣ приходимъ къ греческому оригиналу: эта таблица не примѣнима къ славянскому тексту Псалтыри: въ ней нѣтъ буквъ, съ которыхъ начинаются псалмы или ихъ стихи, или даже отдѣльныя славянскія слова, напр. нѣтъ буквъ б, ж, а и т. д. Греческій оригиналъ однако остается неизвѣстнымъ.

Вдаваясь въ результаты позднѣйшихъ обследованій перечисленныхъ текстовъ славяно-русской „Гадальной Псалтыри“, —мы позволили себѣ сдѣлать отступленіе—съ цѣлью болѣе обстоятельной характеристики памятника, къ которому переходимъ сейчасъ, и который имѣетъ болѣе близкое отношеніе къ разсматривавшейся нами выше гадально-астрологической литературѣ западнаго происхожденія. Разумѣемъ такъ наз. *Рафли*. Только что рассмотрѣнный гадальный текстъ „Благовѣствованія древняго неложнаго“, по выводамъ проф.

Сперанскаго, долженъ быть поставленъ въ болѣе или менѣе тѣсную связь съ названными древнерусскими „Рафлями“.

„Рафли“—памятникъ вообще довольно загадочный, до самаго послѣдняго времени остававшійся плохо обслѣдованнымъ; лишь благодаря недавно явившемуся труду проф. Сперанскаго,—характеръ памятника нѣсколько выяснился, хотя далеко еще не вполне.

Какъ мы выше видѣли, о „Рафляхъ“ упоминается въ Стоглавѣ, Домостроѣ и нѣкот. др. нашихъ памятникахъ XVI—XVII вв. Въ вопр. 17-мъ Стоглава читаемъ: „И на полѣ бьются и кровь проливають—и въ тѣ поры волхвы и чародѣйники отъ бѣсовскихъ наученій пособіе имъ творять: куда-сы бьютъ, въ *Аристотелевы Врата* и въ *Рафли* смотрять и по звѣздамъ и по планидамъ гадаютъ“...; въ вопросѣ 22-мъ: „Злыя ереси кто знаетъ и ихъ держится,—*Рафли*, *Шестокрыль*, *Вороноградъ*, *Зодный*, *Алманахъ*, *Звѣздочетъ*, *Аристотель*, *Аристотелевы Врата*, и ныня составы и мудрости еретическія“... и т. д. Въ грамотѣ 1628 г. Рафли называются „гадальной тетрадой“...

Самое слово „рафли“, „равлен“ изслѣдователи сближаютъ съ одной стороны съ средне-лат. *raffa*—азартная игра, съ старо-франц. *raffle* (голл., шведск. *raffel*, англ. *raffle*—пата, равное количество очковъ при игрѣ въ кости),—съ другой съ средне-греч. формой *ῥάμμιον*, означавшей особаго рода астрологическую книгу, трактовавшую о вліяніи звѣздъ на судьбу человѣка. *ῥάμμιον* сближается съ перс. *raml*, арабск. *ramlit*,—къ которымъ въ свою очередь вѣроятно восходить и среднелат. *raffa*... По замѣчанію акад. Веселовскаго, которому принадлежатъ приведенныя сопоставленія,—здѣсь „понятіе игры выдѣлилось изъ болѣе архаическаго, обрядоваго, на этотъ разъ изъ гаданія“...

Самый памятникъ—остается неизвѣстнымъ. Въ изданіи Пипина: „Памятники старины русской литературы“ (III,

161—166) правда, мы читаемъ: „Рафли. Книга гадательная пророка и царя Давида“,—но въ самой рукописи добавки: „рафли“ нѣтъ; читается просто: *Книга гадательная пророка и царя Давида*. Сл. „рафли“, на основаніи особыхъ научныхъ соображеній, добавлено издателемъ...

Хотя древнерусскія „Рафли“ повидимому и ведутъ насъ на востокъ,—въ Византію, въ виду существованія въ византійской литературѣ подобной же книги *Ῥάβλιον*, съ одной стороны, и отсутствія чего либо подобнаго на западѣ, съ другой—въ западно-европейской литературѣ „рафли“, въ смыслѣ гадательной книжки совсѣмъ неизвѣстны, извѣстна лишь азартная игра—тѣмъ не менѣе позднѣйшій изслѣдователь считаетъ необходимымъ держаться стараго мнѣнія Пипина, что „рафли“ пришли къ намъ не съ Востока, а съ Запада... По мнѣнію проф. Сперанскаго, на это указываетъ какъ самое названіе „рафли“—„ближе подходящее по звукамъ къ латинско-западной формѣ слова (*raffa, rafle, raffel*), нежели къ греческой (*Ῥάβλιον, rablion*), такъ и тотъ фактъ, что „рафли“ обыкновенно упоминаются „въ числѣ памятниковъ гадательно-астрологическихъ, сворѣе всего пришедшихъ къ намъ съ запада“... Изслѣдователь считалъ даже необходимымъ высказать предположеніе,—что нѣкогда и на западѣ существовала какая нибудь особая гадательная книжка съ *raffa, Ῥάβλιον*,—отъ которой пошли и гаданія и азартная игра... Болѣе позднія разысканія дѣйствительно обнаружили существованіе въ западно-европейской литературѣ XV—XVI вв. подобныхъ гадательныхъ книжекъ,—хотя уже не носящихъ самаго названія. Повидимому, эти книжки—болѣе поздней редакціи, видоизмѣненные передѣлки болѣе старинныхъ текстовъ. „Во всякомъ случаѣ, сопоставленіе ихъ съ греческими *Ῥάβλιον*’ами и восточными *gaml*’ями, замѣчаетъ проф. Сперанскій, исключаетъ всякое сомнѣніе въ ихъ связи съ „рафлями“: эти книжки сохранили существенныя характерныя черты греко-восточныхъ „рафлей“... Такъ

одна изъ такихъ западныхъ гадальныхъ книжекъ—*Das Buch des Glückslaufts und der sechszehen Bichter*, писанная въ 1492 году и найденная недавно въ 6-мъ Гейдельбергскаго университета—„сохраняетъ существенныя черты „Рафлей“: астрологическій характеръ, затѣмъ дѣленіе на 16 фигуръ (ср. арабскія „рафли“),—основано оно на геомантии, т. е. гаданіи по чертамъ или точкамъ и ихъ 16 комбинаціямъ, которое производилось на пескѣ, муѣ и т. п., стало быть, подходило и къ греч. *ζαδούλιον* (=ζάμλιον) ἤτοι λαξευτήριον. Въ довершеніе сходства нѣмецкой книжки съ восточными „рафлями“, продолжаетъ проф. Сперанскій, въ ней происхожденіе геомантии приписывается глубокой древности—времени Ноя, подобно арабскимъ „рафлямъ“, ведущимъ свое начало отъ Ириса (Эноха). Съ восточными же (персидскими) „рафлями“ связываетъ нашу книжку и то, что необходимыя для гаданія комбинаціи черточекъ или точекъ даны уже въ книгѣ, а не на пескѣ или землѣ. Подобно „рафлямъ“ греческимъ и въ нѣмецкой книжкѣ гаданіе производится востами. Въ результатъ мы видимъ, заключаетъ изслѣдователь,—полное совпаденіе между нѣмецкой книжкой и восточными „рафлями“, съ одной стороны, и греческими, съ другой, т. е. въ Гейдельбергской рукописи XV в. *Buch des Glückslaufts* мы имѣемъ западную *Рафли*“...

Такимъ образомъ „рафли“ и арабско-персидскія и греческія и нѣмецкія—всѣ носятъ одинаковый характеръ, астрологическій вообще, геомантическій въ частности. По выводамъ изслѣдователя,—таковы должны быть и наши русскія „Рафли“, идущія отъ западныхъ“... Самый текстъ древнерусскихъ „Рафлей“ тѣмъ не менѣе остается неизвѣстнымъ; то, что издано съ этимъ заглавіемъ Пыпинымъ: *Рафли. Книга гадательная пророка и царя Давида*—есть собственно „Книга гадательная пророка и царя Давида,“ а не „Рафли“: слово это, какъ мы уже замѣчали, при бавлено издателемъ,—въ рукописи его нѣтъ... Впрочемъ,

есть надежда, что текстъ древнерусскихъ Рафлей будетъ отысканъ,—покрайней мѣрѣ, онъ существовалъ еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія. По мнѣнію проф. Сперанскаго,—текстъ этотъ дѣйствительно былъ въ рукахъ извѣстнаго Сулакадзева... „Не смотря на не особенно лестную славу, которую стяжалъ себѣ Сулакадзевъ—замѣчаетъ проф. Сперанскій, разумѣя позднѣйшія разысканія относительно Сулакадзева въ статьѣ Пыпина: Поддѣлки рукописей и нарпѣсенъ (Спб., 1898),—въ данномъ случаѣ ему можно довѣряться. Основанія этому я полагаю бы въ слѣдующихъ соображеніяхъ: Сулакадзевъ такъ характеризуетъ свою рукопись: *Рафли*. Книга рукописная, гаданія по точкамъ и чертамъ и счету... Франц. *raffle* въ игрѣ зернію. Когда три вости бросишь, и на нихъ выпадетъ одинаковое число очковъ“... Характеристика, данная Сулакадзевымъ, подходит весьма близко къ характеристикѣ нашей этого памятника... Сулакадзевъ изъ иностранныхъ источниковъ могъ знать развѣ только Дюканжа, но у послѣдняго онъ не могъ найти подобной характеристики „рафлей“,—какъ гаданія, основаннаго на точкахъ и чертахъ; ясно, что эти „точки и черты“ Сулакадзевъ нашель въ рукописи; оно навело Сулакадзева на сопоставленіе съ франц. *raffle*“...

Въ московской письменности XVI—XVII вв. мы видимъ цѣлый рядъ переводовъ сочиненій астрологическаго и вообще календарнаго характера, а также „по астрономіи“. До насъ дошелъ цѣлый рядъ переводныхъ календарей XVI—XVII в.—вмѣстѣ съ русскими подражаніями и передѣлками. Источники были отчасти нѣмецкіе, отчасти польскіе, или нѣмецко-польскіе... Отмѣчаемъ нѣкоторыя произведенія этого рода, извѣстныя по рукописямъ,—пользуясь только что вышедшимъ трудомъ, заключающимъ въ себѣ описа-

чіе и обслѣдованіе этихъ рукописей, проф. Соболевскаго: *Западное вліяніе на русскую литературу Московской Руси XV—XVII вѣковъ*. Сиб., 1899 (въ сожалѣнію, къ описываемымъ рукописямъ не приложено никакого указателя).

Изъ переводныхъ произведеній календарнаго характера едва ли не наиболѣе раннимъ является таѣ наз. *Месяцесловъ Леопольдѣйскій*, — таблицы, указывающія годы отъ Адама восточной церкви, римскаго костела, по еврейски, и т. п., — годы отъ Христа, индиктъ, кругъ солнца, кругъ луны и т. д. Первый годъ—1583; послѣдній—1752.

На одинъ изъ казихъ-то наиболѣе раннихъ у насъ переводныхъ календарей—указываетъ „предисловіе или бесѣда о книзѣ *Альманахъ*“, читаемая въ одной рукописи Публичной Б-ки, кон. XVI или нач. XVII в.

Изъ астрономіи съ нѣмецкихъ переводовъ, —рядъ статей „о лунномъ теченіи“, „о солнцѣ и мѣсяцѣ“, „како мѣрити и вѣдати про сѣверную звѣзду“, „како кружало (компасъ) держати“ и нѣкр. др. Оригиналъ статей неизвѣстенъ; но языкъ перевода—русскій, простой и ясный. Проф. Соболевскій самый переводъ относить къ XVI вѣку, и предполагаетъ, что онъ сдѣланъ „въ Новгородѣ или на сѣверѣ Россіи“... Рукописи перевода идутъ лишь съ нач. XVII в.

Опредѣленіе времени рожденія и т. д. луны, —небольшая статья, встрѣчающаяся въ одной рукописи XVII в. и представляющая собой не переводъ, а передѣлку какой-то западно-европейской статьи, появленіе которой у насъ должно быть отнесено уже къ XVI вѣку. Языкъ перевода—русскій, „простой и ясный“, по замѣчанію проф. Соболевскаго.

Весьма любопытнымъ является цѣлый сборникъ статей календарно-астрологическаго содержанія, носящій заглавіе: *Бесѣда о семи планетахъ* и находящійся въ одной рукописи XVII в. Описаніе его, хотя слишкомъ краткое, сдѣлано проф. Соболевскимъ. Сборникъ открывается виршами: „Бесѣды о семи планетахъ небесныхъ,—

Отъ мудрыхъ философовъ сложена
И на сей свѣтъ преведена,
Да навикнемъ опасно сихъ писанія,
Явственнѣйши буди ихъ изданія
Буди глаголемо о поясѣхъ небесныхъ
И о седми звѣздахъ великихъ и мѣстныхъ,—

яже наричутся планеты. Довлѣетъ бо намъ о сихъ мало побесѣдовать и надобрѣ увѣдати“... Въ „бесѣдѣ“ дѣлаются указанія на Дамаскина, книгу Григорія Назіанзина и др. Но вообще передъ нами сборникъ статей, взятыхъ изъ разныхъ источниковъ и имѣющихъ разный языкъ. Текстъ чередуется съ изображеніями; послѣднія—точные копии съ соотвѣствующихъ западно-европейскихъ гравюръ. Текстъ статей астрологическо-гадальнаго содержанія. Сборникъ отърывается замѣчаніемъ: „Аще хочешь вѣдать, подъ которою планетою кто родился, а ты напередъ напиши, на чемъ восхоцешь, имя матери твоей и твое власное. И тако смотри, гдѣ случится... А литеры написаны польскою азбукою“ (имена планетъ—латинскія: сатурнусъ, юпитеръ, марсъ). Слѣдуетъ рядъ изображеній планетъ съ подобнаго рода текстами: Подъ изображеніемъ солнца: „А приказано на огонь и на землю, на вѣтръ и на воды, и свѣтлость и владычество и мудрость и науку, и ангель его **К а в ц ы е м ъ**, а владѣетъ въ 9 часу. Первая планета солнце, держитъ **н е д ѣ л ю**, есть сила дня“... Подъ изображеніемъ мѣсяца: „А приказано на братство и на милость и на прокормленіе и на красоту и ангель **Ц а д е н и к ъ**. А владѣетъ въ 12 часу. Вторая планета луна, держитъ **п о н е д ѣ л ь н и к ъ**, есть дѣва“... Подъ изображеніемъ марса: „А приказано на ревность и гнѣвъ, а твердо какъ желѣзо, на сваръ и на гладъ и на вражду и на злость и на убійство, и ангель его **А н н о е л ъ**, а владѣетъ въ 4 часу. Третья планета марсъ, держитъ **в т о р н и к ъ**, есть несчастлива, мужеска можнѣ, зла, горяча“... И т. д. Въ подписныхъ текстахъ говорится о значеніи изображенной планеты для человѣка, который родился „подъ этой планетой“, чему способствуетъ эта

планета и т. д. За изображеніями планетъ слѣдуютъ изображенія знаковъ зодіака,—съ подобными же подписными текстами, гдѣ указывается значеніе даннаго зодіака для человѣка, который родится подъ нимъ, и т. п. Слѣдуютъ статьи: *О лунномъ разсмотрѣніи, О разсмотрѣніи солнца, О лунныхъ дняхъ, О дняхъ, О погодѣ...* Далѣе: *Книга Громниъ, твореніе премудраго Ираклія, царя Перскаго,—Колядникъ*, безъ заглавія,—особая статья: *По луннику о скорбѣхъ,—Tablica Pifagoresowa* и т. д. Статья напр. „О лунныхъ дняхъ“ начинается: „Въ первый день луны до 9 часа сѣяти и садити и волосовъ урѣзати“...; статья „О дняхъ“: „Людемъ израилътескимъ указано архистратигомъ Михаиломъ, въ кѣи дни крови не пуцати, ни коней холостити, ни сѣяти“... Книга Громниъ: „Аще громъ возгремитъ во овнѣ, иже отъ восточныхъ страны, порушатся...“ Колядникъ: „Аще рождество Христово въ недѣлю, зима будетъ протяжна...“ Статья „По луннику о скорбѣхъ“: „Аще луна настанетъ въ субботу. Аще въ первый день разболится человѣкъ, то исцѣлѣтъ...“ И т. д. *Tablica Pifagoresowa* назначается для гаданья о счастьи, выздоровленіи и т. п. Какъ уже замѣчено выше,—передъ нами сборникъ статей, взятыхъ изъ разныхъ источниковъ и имѣющихъ разный языкъ. Статьи, слѣдующія за изображеніями, съ полонизмами и западно-руссизмами въ языкѣ; по отзыву изслѣдователя—„несомнѣнно западно-европейскаго происхожденія“... Такого же характера—и *Tablica Pifagoresowa*. *Книга Громниъ-колядникъ* (безъ заглавія)—„переведены съ греческаго“...

Четыре времени году—предсказанія на 1664 годъ (1663 г. называется „прошлымъ“), или такъ называемый „прогностивъ“, обычная принадлежность календарей XVII в. „Оригиналъ—какой нибудь нѣмецкій календарь на 1664 г. Языкъ—русскій, простой“...

Алманахъ „на многія впредь будущія лѣта отъ германъ, еже есть отъ нѣмецъ, изобрѣтенъ художествомъ ученія и пре-

свѣтлѣйшимъ разумомъ просвѣщенъ“—указанія, казая должна быть погода, при извѣстномъ сочетаніи планетъ, что можно дѣлать и чего нельзя и т. п. Рукопись—нач. XVIII в. По предположенію проф. С о б о л е в с к а г о, „оригиналъ—едва ли не на польскомъ языкѣ; во всякомъ случаѣ, полонизмовъ много...“ Здѣсь же нѣсколько другихъ, въ „Альманаху“ повидимому не относящихся статей астрологическаго содержанія,— и *Книга глаголемая математика*, „ново-предложенная съ елинска и латинска, влоссека и польска языковъ на словенскій въ Москвѣ... въ лѣто 1664.“ Между прочимъ здѣсь замѣчается: сатурнъ „стоитъ надъ русскою, надъ вовгородскою, московскою и литовскою странами“... Языкъ статей—съ массою полонизмовъ.

Какіе нибудь нѣмецкіе или польскіе календари, и т. п. сочиненія по предположенію изслѣдователя, послужили оригиналами и для слѣдующихъ переводовъ:

Переводъ съ астрологическаго календарнаго ключа, въ которомъ изъявлены всѣхъ патентатовъ гербы, также и градомъ различнымъ, кокъ тѣ въ календаряхъ астрологами описаны бывають,—переведено въ 1681 году. Длинный списокъ гербовъ, въ правильномъ алфавитномъ порядкѣ; послѣдній—„несомнѣнно русскаго происхожденія“.

Госпись, подъ которымъ небеснымъ знакомъ или зодіею которые государства или грады подлежатъ. Языкъ—русскій, съ массою полонизмовъ. По указанію С о б о л е в с к а г о, статья существуетъ по рукописямъ также въ другой редакціи и въ другомъ переводѣ.

Календарь историческій, старый и новый, на 1685 г.,— „въ которомъ по обыкновенному времени и праздниковъ, лунны, ведра и ненастій описаніи, рѣчь или молитва о войнѣ турской, которую... учитель во общей высовой школѣ въ Лейпцигѣ городѣ Матвей Дрессерусъ говорилъ и написалъ. А нынѣ предлагаетъ Іоаннъ Генрихъ Фохтъ, короля свейскаго математикъ. Печатанъ въ Амбургѣ.“ Списокъ на-

ходится въ б-ѣхъ Флорищевой пустыни. До насъ дошли также „календари“ Фохта на 1670, 1676, 1690, 1691, 1693 и др. Одни изъ нихъ были переведены, какъ указывается въ самыхъ заглавіяхъ, „съ цесарскаго языка иноземцемъ Иваномъ Якимовымъ“; другіе—„переводчикомъ посольскаго приказа П. Шафировымъ“... У царевича Алексѣя Алексѣевича былъ какой-то „календарь серебрянный“...

Новый и старый календарь теченій небесныхъ (на —1689 г.), домовитымъ для сѣвбы и для прививковъ, больнымъ для исправленія здравія, здоровымъ для творенія дѣлъ великихъ, ловчимъ ловленія ради звѣря зѣло надобенъ“. Подлинникъ изданъ въ Краковѣ, нѣкимъ Мартиномъ Станиславомъ Словаковичемъ; переводъ сдѣланъ переводчикомъ посольскаго приказа Семеномъ Лаврецькимъ. Рукопись—въ б-ѣхъ Архангельской семинаріи.

Буквальныя совпаденія съ названнымъ выше „предисловіемъ“ или „бесѣдой“ „о книзѣ Альманахъ“ представляютъ начальныя слова *Вѣговъ небесныхъ*,—особаго сочиненія астрологическаго характера, дошедшаго въ поздней рукописи и въ поздней редакціи, принадлежащей началу XVIII в., съ такимъ заглавіемъ: „Вѣги небесныя о движеніи и теченіи двою великихъ свѣтилъ небесныхъ солнца и луны и другихъ пяти планетъ, сатурна и прочихъ, въ волико лѣтъ обходятъ круги движенія своего и въ кое время становятся въ чину своемъ...,—по елику мощно, по силѣ нашей собравше, здѣ предлагаемъ“. Содержаніе—о движеніи солнца, луны, планетъ, затмѣніяхъ, временахъ года, погодѣ, о дняхъ удобныхъ для кровопусканія, принятія лѣкарствъ и разныхъ дѣлъ,—примѣты о здоровьѣ и болѣзняхъ и т. д., въ вопросахъ и отвѣтахъ. Проф. Соболевскій предполагаетъ, что передъ нами—русская компіляція, и вообще текстъ такъ или иначе дополненный однимъ изъ русскихъ читателей XVIII в.

*О человечѣхъ планидникъ или календарь тысячный чело-
вѣческимъ нравомъ, на 12 тысячъ,—который человекъ въ*

коемъ мѣсяцѣ родится и подѣ которою планидою, и кто какова будетъ обычая и возраста и счастья, и какіе будутъ у него признаки болѣзни, или какое будетъ родимое знамя, и отъ чего кому будетъ какое безсчастіе или счастье, и кто какого цвѣту употреблять будетъ, кромѣ непотребнаго. Извѣстна одна рукопись—конца XVII в. Въ языкѣ перевода „полонизмовъ мало“.

Переводившіяся статьи календарныя и астрологическо-астрономическаго содержанія, какъ выше было замѣчено, не только переводились, но часто и передѣлывались, вообще нерѣдко носятъ характеръ вполне усвоенныхъ, такъ сказать акклиматизировавшихся въ нашей письменности. Языкъ этихъ переводовъ чаще всего—чисто русскій, простой, ясный; въ содержаніи иногда встрѣчается болѣе или менѣе значительныя измѣненія. Такой, болѣе или менѣе оригинальный, характеръ носитъ напр. переводъ слѣдующей статьи:—

Притча о царь-годѣ, о веснѣ, лѣтѣ, осени и зимѣ, съ рисунками года-царя и четырехъ временъ года,—произведеніе, очень часто встрѣчающееся въ нашихъ рукописяхъ XVII—нач. XVIII вв. Рисунки—чаще всего копіи съ западно-европейскихъ гравюръ, но иногда представляютъ „сценки изъ русскаго быта, не имѣющія ничего западнаго...“ Въ „притчѣ“ даются объясненія изъ греческой и римской мифологіи и исторіи,—„съ грубыми ошибками и полемикой противъ нихъ на основаніи Моисеевыхъ книгъ и Псалтыри“... Въ одномъ мѣстѣ совѣтуется тѣмъ, кто желаетъ знать о златорунномъ овнѣ и огнедышущихъ волахъ—„да четъ троянскую бытію“; въ другомъ говорится: „У Пріамуса царя сынъ именемъ Александръ, иже и Фаризъ именовася пастыревичъ преже“... Здѣсь же Ромилъ дѣлаетъ „жертвище во имя отца своего Марта“... Или такія замѣтки: „Ахиллесъ греческій волхвъ и царь“...; „Юнонь былъ идолъ“...; Кастеръ и Полюскъ, Юрій Кесарь—„ипаты египетскіе изби Помбіа и Магна“ и т. д. Въ языкѣ есть полонизмы; но мѣстами переводъ

представляется какъ бы съ латинскаго... „Очевидно, замѣчаетъ проф. Соболевскій,—передъ нами не простой переводъ съ латинскаго, по крайней мѣрѣ мѣстами, а передѣлка русскаго человѣка“... Переводъ, повидимому, сдѣланъ въ Псковѣ; въ предисловіи между прочимъ замѣчается: „егда отъѣдши... отъ нашихъ псковскихъ предѣлъ“... Есть ссылки на „нашъ“, „на нашъ русскій языкъ“... И т. п.

Лучшимъ приобрѣтеніемъ по астрологическо-астрономической нашей переводной литературѣ XVII вѣка былъ переводъ извѣстнаго труда „Іо. Гевелія: *Селенография*, еже есть луны описаніе и прилежное крапинъ ея и подвиженій различныхъ и иныхъ всѣхъ измѣненій и изображеній, зрительнаго сосуда помощію испытанныхъ, опредѣленіе. Въ немъ же видѣ иныхъ многихъ планетъ природный зракъ и многая блюденія, наипаче же крапинъ солнечныхъ и ювешовыхъ трубочрѣніемъ изобрѣтенныхъ и табліями вельми прилежно на мѣди изваянными во увидѣніе полагаются“... Это полный переводъ сочиненія Іоанна Гевеліуса: *Selenographia sive lunae descriptio atque accurata tam macularum ejus, quam motuum diversorum aliarumque omnium* (Gedani, 1647),—со множествомъ чертежей и гравюръ (часть ихъ вырѣза изъ оригинала и вклеена въ переводъ)... Переводъ сдѣланъ „съ латинскаго на словенскій, слово въ слово,“ какъ замѣчается въ предисловіи. „Языкъ—церковно-славянскій, простой и сравнительно ясный; переводъ исполненъ, по отзыву изслѣдователя, очень не дурно“. Единственный извѣстный списокъ перевода—XVII в. Вил. Пуб. 6-ки.

Не останавливаемся здѣсь на древнерусскомъ переводѣ нѣмецкаго *Луцидаріуса*,—принадлежавшаго отчасти къ общей астрологической литературѣ и перешедшаго въ древнерусскую письменность уже въ нач. XVI вѣка...

До конца XIV — нач. XV в. почти не существовало польской національной литературы: все, что писалось и со-

чинялось, писалось по латыни. Искусственная, латинская литература продолжает усиливаться на первых порах и в XV вѣкѣ, когда в Польшу начинает проникать вліяніе современнаго обще-европейскаго Возрожденія... Лишь в XVI вѣкѣ в Польшѣ какъ-бы неожиданно возникаетъ, быстро и широко развивается, литература національная, на родномъ языкѣ; послѣдній впервые теперь вступаетъ въ свои права, получаетъ господство въ литературѣ,—дотош не терпимый въ ней, проникавшій въ письменности лишь изрѣдка, случайно... Создателями польской литературы были два писателя: Николай Рей (1507—1569) и Янъ Кохановскій (1530—1584); первый былъ „отцомъ“ польской прозы, второго называли „княземъ поэтовъ“... За ними слѣдовали: Симонъ Шимоновичъ (1557—1629), Себастьянъ Клѣновичъ (1545—1602), далѣе Станиславъ Оржеховскій (1515—1566), Петръ Скарга Павензскій (1536—1612) и др. Это былъ „золотой вѣкъ“ польской литературы, ея полный „разцвѣтъ“, продолжавшійся однако лишь съ небольшимъ полустолѣтіе. Съ началомъ XVII вѣка, съ окончательнымъ усилившимся в Польшѣ господствомъ іезуитовъ,—быстро наступаетъ полное паденіе польской литературы. „Безжизненное, формальное подражаніе древнимъ классикамъ, при сильно развитомъ панегирическомъ направленіи, религиозное чувство, втиснутое въ форму богословскаго правовѣрія—все это лишаетъ интереса произведенія даже выдающихся писателей; съ другой стороны, литература становится орудіемъ политическихъ и религиозныхъ партій и должна соединять въ себѣ два противоположные элемента: похвалы для своихъ и рѣзкой сатиры или пасквиля—для противниковъ. Наконецъ, поэзія совершенно уступаетъ мѣсто напыщенной версификаціи іезуитскихъ коллегій; характернымъ признакомъ польской литературы становится безсодержательность, бессиліе выразить какую бы то ни было свѣжую, живую мысль. Наступаетъ время полнаго омертвѣнія, полнаго застоя“...

Такой характер носила литература официальная. Но параллельно съ нею, въ низшихъ слояхъ польской письменности существовала, и къ этому времени получаетъ особенное развитіе, другая литература, стоявшая ближе къ народной массѣ,—литература многочисленныхъ иноземныхъ повѣстей, сказаній, рыцарскихъ романовъ, начавшихъ теперь, при усилившихся связяхъ—съ XV вѣка—польской литературы съ западной Европой, обильнымъ потокомъ переходить въ Польшу изъ литературъ западныхъ, особенно нѣмецкой,—откуда произведенія этого рода быстро шли и въ Московскую Русь...

Въ польской литературѣ XIII—XIV, XVI—нач. XVII вв. нельзя не отмѣтить также сильнаго развитія историографіи, преимущественно впрочемъ баснословной... Средневековые историки въ Европѣ любили связывать происхожденіе новыхъ народовъ съ классическими преданіями, напр. выводить своихъ предковъ изъ Трои, связывать ихъ исторію съ походами Александра Македонскаго, генеалогію европейскихъ королевскихъ фамилій выводить изъ мифовъ Греціи или Рима и т. д. Подобныя стремленія рано обнаруживаются и у польскихъ историковъ-хронистовъ. Уже Кадлубекъ († 1223) наполняетъ первоначальную древность польской исторіи множествомъ басенъ,—первый дѣлаетъ попытку возвести польскій народъ ко временамъ патріарха Ноя; заставляеть поляковъ вести побѣдоносныя войны съ римлянами, съ Александромъ Македонскимъ и т. д. Въ XVI в. страсть къ баснословію въ польской историографіи особенно усиливается. Въ этомъ отношеніи особенно трудятся—Кромеръ (1512—1589), Сарницкій († кон. XVI в.), отъ которыхъ не отстаютъ М. Бѣльскій (1495—1575), Стрыйковскій (1547—кон. XVII в.), *Хроника* котораго съ этой стороны пользовалась наибольшей славой,—Гваньини (1538—1614) и мн. др. Фантастическимъ произволомъ особенно отличались польскія сочиненія по геральдикѣ; разумѣемъ труды Длугоша (1415—

1480), Бартоша Папроцкого (1540—1613) и др.

Какъ уже замѣчено, съ пол. XVI—въ XVII вв. польскія вліянія на Московскую Русь особенно усиливаются.

Юго-западная образованность, тѣсно примыкавшая по своему характеру къ образованности польской, была здѣсь главнымъ, связующимъ звѣномъ... Западно-русская полемика съ католичествомъ, позднѣе общій характеръ образованія, получавшійся воспитанниками Кіевской Академіи, постоянныя неизбѣжныя литературныя и общекультурныя отношенія и взаимодѣйствія—все это какъ нельзя лучше могло способствовать ознакомленію русскихъ съ польской литературой. При сильномъ вліяніи польскаго языка на западно-русскій, произведенія польской литературы распространялись и въ западной и южной Россіи очень легко. „Переводъ совершался мало по малу, почти самъ собой: польская книга доставалась южно-русскимъ читателямъ и легко передѣлывалась на ихъ литературный языкъ, имѣвшій много польскихъ оборотовъ и выраженій, и потомъ, сгладивши отчасти свои польскія черты, переходила къ русскимъ читателямъ, у которыхъ съ нѣсколькими новыми поправками могла итти за русскій переводъ“... Переводъ былъ какъ-бы только постепеннымъ исправленіемъ языка,—почему въ нѣкоторыхъ нашихъ рукописяхъ XVII вѣка слово „переведено“ замѣняется словомъ: „исправленно“... Польская литература могла быть всего скорѣе посредницею въ этомъ случаѣ, потому что знаніе европейскихъ языковъ было у насъ весьма незначительно и не могло поддерживать другихъ литературныхъ сношеній,—между тѣмъ какъ польскій языкъ былъ извѣстенъ весьма многимъ“...

Хотя иногда переводы дѣлались и съ латинскаго,—но оригиналы и эти, вѣроятно, чаще всего шли изъ той же польской литературы, гдѣ латинскій языкъ, какъ и во всей Европѣ, въ это время, въ XVI—XVII вв., былъ обычнымъ для сочи-

неній научнаго характера. Впрочемъ, могли быть—повидимому и дѣйствительно были—непосредственные переводы и изъ другихъ литературъ, помимо польской, главнымъ образомъ изъ нѣмецкой.

Переходимъ къ самымъ памятникамъ.

Выше мы упоминали о переходѣ къ намъ, можетъ быть, уже съ конца XV в., различныхъ произведеній—польскихъ или польско-нѣмецкихъ—календарнаго и астрологическаго характера. Пользуясь указаннымъ трудомъ проф. Соболевскаго, отмѣчаемъ важнѣйшіе, сдѣланные въ московской литературѣ XVI—XVII вв., переводы по исторіографіи, а также изъ области политическихъ и общественныхъ наукъ.

По исторіи Польши—*Исторія Сарматіи Европской*, описаніе Сарматіи Гванъини. Въ рукописяхъ XVII—нач. XVIII в. встрѣчается два перевода этого труда: съ польскаго оригинала и съ латинскаго. Въ однихъ спискахъ языкъ перевода носитъ замѣтные слѣды церковно-славянизмовъ, полонизмовъ и малоруссизмовъ; въ другихъ—языкъ русскій.

Хроника Литовская, М. Стрыйковскаго, также въ двухъ разныхъ переводахъ,—церковно-славянскомъ и болѣе русскомъ, хотя плохомъ.

Вертоградъ Королевскій, исторія Чехіи, Польши и юго-западной Руси,—полный переводъ извѣстнаго труда Папроцкаго: *Ogrod Krolewsky* и пр. (Прага, 1599). Языкъ перевода—плохой церковно-славянскій, съ малоруссизмами и полонизмами.

По исторіи вообще западно-европейскихъ государствъ было переведено:

О четырехъ великихъ монархіяхъ, I. Слейдана,—полный церковно-славянскій переводъ книжки *Sleidani: De quatuor summis monarchiis* и пр. (Амтердамъ, 1656).

Гранографъ Пясецкаго, — тяжелый русскій переводъ, буквальный, съ полонизмами, извѣстнаго труда Пясецкаго (Piascius): *Chronica gestorum in Europa*, — подробная лѣтопись событій въ Европѣ съ 1571 по 1648 гг.

По исторіи западныхъ церквей—

Годовыя дѣла церковныя..., *выбраны изъ Годовыхъ дѣлъ церковныхъ цесаря Барониуса*, — переводъ „Церковныхъ Лѣтописей“ Баронія, въ извѣстномъ сокращеніи, сдѣланномъ Скаргою (Краковъ, 1603); русскій переводчикъ впрочемъ сократилъ и сокращенный текстъ Скарги. Языкъ перевода—церковно-славянскій. Былъ переводъ и полного текста Скарги. Въ рукописяхъ конца XVII в. встрѣчаются также отрывки перевода и полного текста „Лѣтописей“ Баронія.

Кромѣ того въ нашихъ рукописяхъ конца XVII в. встрѣчаемъ переводы нѣсколькихъ польскихъ книгъ о Турціи, нѣсколькихъ сказаній и повѣстей о *Магометѣ*, между ними латинскихъ разсказовъ о Магометѣ и магометанской вѣрѣ Петра Альфонса (кон. XI—нач. XII в.) и Винцентія изъ Бове († ок. 1264),—исторіи завоеванія Китая татарами Матинюса, *Исторіи иудейской войны* Иосифа Флавія, знаменитой *Исторіи Эвипіи* Лудольфа и нѣе. др.

Литературныя вліянія Польши въ области исторіографіи сказывались у насъ едва ли не сильнѣе всего. Уже съ полов. XVI в., черезъ юго-западную Русь, начинаютъ переходить къ намъ польскія хроники, и наплывъ ихъ въ XVII в. особенно усиливается. Въ смыслѣ обогащенія собственно историческихъ знаній, это не всегда было прямымъ приобритеніемъ. Какъ мы выше видѣли—польская исторіографія въ XVI вѣку приняла особый характеръ; бонословіямъ всякаго рода въ ней отводилось особенно широкое мѣсто... Тѣмъ не менѣе, польскія историческія сочиненія въ весьма значительной степени должны были увеличивать у насъ общій запасъ историческихъ свѣдѣній, а также и вооб-

ще расширять историческій горизонтъ. Баснословія быстро прививаются къ нашей исторіографіи. Уже Іоаннъ Грозный считаетъ себя потомкомъ Августа Кесаря... Въ 1556 году русскіе послы, отправленные въ Литву, въ спорахъ о титулѣ царя, смѣло выставляютъ происхождение Рюрика отъ императора Августа; царь и лично заявляетъ это польскимъ посламъ въ переговорахъ 1563—1564 гг. Генеалогія выводилась именно слѣдующимъ образомъ: „Августъ Кесарь, обладавшій всею вселенною, поставилъ брата своего, Пруса, на берегахъ Вислы рѣки..., до сего дня по имени его зовется Прусская земля,—а отъ Пруса четырнадцатое колѣно до великаго государя Рюрика“... *Степенная Книга* уже пользуется этой генеалогіей въ извѣстіяхъ о Рюрикѣ... Баснословныя сказанія о началѣ славянъ, происхожденіи русскаго народа, о началѣ Москвы и т. п., изъ Бѣльскаго и другихъ польскихъ источниковъ быстро переходятъ въ наши Хронографы. Въ такъ наз. второй редакціи русскихъ хронографовъ между противъ уже читается неизвѣстное прежнимъ редакціямъ хронографовъ *Сказаніе о началѣ русскихъ князей*,—статья, съ которой отърывается въ нашихъ хронографахъ „рядъ баснословныхъ статей, которыя съ каждой редакціей хронографа осложняются все болѣе и болѣе вымыслами... Въ названной статьѣ этихъ вымысловъ еще немного; дѣло ограничивается словопроизводствомъ собственныхъ именъ: *славяне*—„отъ многихъ словъ письменнаго разума“, *русы*—„отъ русскихъ волосъ“ и т. д. Гораздо больше фантастическихъ добавленій встрѣчается въ болѣе позднихъ статьяхъ. Таковы въ такъ наз. третьей редакціи хронографа статьи: *Выписано на перечень (вкратцѣ) изъ дву кроникъ полскихъ, которые свидѣтельствованны съ греческою и съ чешскою и съ уорскою кроникою многими писателями, отъ чего имянуется великое Московское государство и отъ коея повѣсти Славяне нарѣкошася и почему Русь ирзовася* (названныя здѣсь „двѣ польскія хроники“—Кроника

Polska, zmódska i wszystkiej Rusi, 1582, Стрыйковскаго, и „Kronika Polska, 1597“, Март. Бѣльскаго; пользуясь своими источниками, русскій сочинитель производитъ сваянскій народъ отъ Мосоха, сына Афетова, заставляя славянъ принимать участіе въ троянской войнѣ, получать грамоту отъ Александра Македонскаго, и т. д.),—*О исторіи. еже о началѣ Русскія земли и созданіи Новгорода, и откуда влечашеся родъ словенскихъ князей, — а во иныхъ Гранографъхъ сія повѣсть не обрътается*, и др. пп. Последняя статья между прочимъ представляетъ „довольно оригинальную русскую попытку—по образцу польскихъ хроникъ, но независимо отъ нихъ, сочинить первобытную исторію русскихъ славянъ“... Матеріаловъ для составленія этой повѣсти требовалось немного: главное было—усвоить себѣ точку зрѣнія польскихъ хронистовъ и ихъ приемы. Съ помощью послѣднихъ не трудно было составить какую угодно генеалогію, стоило только олицетворить названія народовъ и племенъ, городовъ и рѣкъ,—припомнить нѣсколько подходящихъ именъ изъ польскихъ и русскихъ источниковъ и генеалогія готова: отъ Свеноа, правнука Аета—Словень, Русь, Болгарь, Команъ, Истерь; у Словена дѣти—Волховъ и Волховець, жена—Шелонь, у Руса жена—Порусья, дочь—Полиста, у Волховца сынъ—Желотугъ и т. д. Съ другой стороны, рядомъ съ этими произвольными вымыслами, въ повѣсти сохранился и слабый отголосокъ народныхъ преданій о Перунѣ, чародѣѣ Волхвѣ, обь урочищахъ древняго Новгорода и его отдаленныхъ колоніяхъ“...

Подъ вліяніемъ различныхъ иноземныхъ источниковъ, преимущественно польской исторіографіи, старыя византийскіе хронографы получаютъ рядъ новыхъ передѣлокъ,—редакцій...

Отчасти подъ вліяніями, шедшими съ запада, московская исторіографія XVI—XVII вв. вообще становится разнообразнѣе, богаче, шире,—чему способствуютъ отчасти и самыя историческія событія, живо затрогивавшія мысль и чувство

современниковъ... Наступившая въ нач. XVII в. эпоха „московскихъ воровъ“, нашедшая отзвуки и въ устной народной поэзи, особенно способствуетъ широкому развитію исторической литературы,—возникаетъ необозримый рядъ различныхъ „повѣстей“, „сказаній“ и т. д. Въмѣстѣ съ общимъ ростомъ исторической литературы, иногда разнообразится и самый характеръ историческаго разсказа. Особенно это замѣтно въ отдѣльных историческихъ повѣстяхъ и сказаніяхъ XVI—XVII в. Сухой officialный тонъ „сводовъ“ нерѣдко уступаетъ здѣсь мѣсто полулегендарной поэтической фантази, историческій фактъ получаетъ поэтическій колоритъ—или прямо переносится на почву народной легенды, поэтическаго творчества...

Изъ области наукъ политическихъ было переведено:

О Государствѣ, „о исправленіи гражданскаго житія“,—переводъ (не оконченный) сочиненія *Modrzewsk'ago, De republica emendanda* (Крак., 1551). Переводъ, предполагаютъ, сдѣлалъ въ 1678 г. Языкъ перевода церковно-славянскій „очень недурной“. Проф. Соболевскій предполагаетъ, что вѣроятно именно эта книга упоминается въ Розыскныхъ дѣлахъ о Шабловитомъ, какъ находящаяся у кн. В. В. Голицына: „книга писанная о гражданскомъ житіи или о поправленіи всѣхъ дѣлъ“...

О воспитаніи государя, Лорихія („Рейнхарда Лорихія, Книги о воспитаніи и наказаніи всякаго начальника,—не токмо господину, но и подданному ко чтанію полезны суть зѣло“). Единственный списокъ нач. XVIII в. въ б-кѣ Флорищевой пустыни. Текстъ представляетъ переводъ лишь начала извѣстнаго сочиненія *Reinharda Lorichiusa, Księgi o wychowaniu i o cwiczeniu każdego przelożonego nie tylko panu, ale i poddanemu każdemu ku czytaniu barzo rozteczne...* (Краковъ, 1558).

Образецъ крестьянскаго (христіанскаго) политическаго

князя, „шпанскаго рыцаря Дидако Факсарду, Сто одинъ примѣръ. Хорошіе, сирѣчь добрые симбальскіе нарѣчіи“. Списки—кон. XVII и нач. XVIII в. Оригиналъ—F a x a r d o, *Symbola christiana politica* (Амстердамъ, 1659). Книгу „переводилъ переводчикъ иноземець“,—что обнаруживается и на языкѣ нескладномъ и неудобопытномъ. О сочиненіи этомъ упоминается въ описи законоспаскаго м-ря: „Златыя слова Дидака езуита“.

Морально-политическія наставленія Фредра, „воеводы львовскаго“,—„како подобаетъ жить съ немногимъ народомъ“ безъ поврежденія его силы и любви и чести“. Рядъ наставленій, то краткихъ, то длинныхъ. Языкъ церковно-славяно-правильный, съ признаками бѣлоруссизмовъ и полонизмовъ. Единственный списокъ—Публ. Б-ки, конца XVII—нач. XVIII в. Оригиналъ—A. F r e d r o, *Castellani Leopoliensis, Monita politico-moralia, seu quomodo vivendum cum paucis, cum populo, salva virtute, gratia et autoritate* (рядъ изданій, съ 1664 г.).

Гражданство обычаевъ дѣтскихъ—наставленія, въ вопросахъ и отвѣтахъ, какъ долженъ вести себя молодой человекъ, съ ссылками на Горація, Овидія, Ювенала, Теренція и др. Оригиналъ, повидимому латинскій, остается неизвѣстнымъ. Переводчикомъ былъ Е п и ф а н і й С л а в и н е ц к і й, которому очевидно принадлежать и находящіяся при текстѣ стихи „толкователевы“. Языкъ перевода—церковно-славянскій, ученый и тяжелый.

Описаніе винъ, ими же къ погибели и къ разоренію всякая царства приходятъ и съ которыми дѣлы въ иѣлости и смиреніи содержатся и строятся—переводъ или компиляція, повидимому изъ нѣсколькихъ источниковъ и обработавшаяся не одинъ разъ, такъ какъ дошедшіе списки сочиненія, XVII—нач. XVIII в., представляютъ текстъ различныхъ редакцій. Незвѣстный оригиналъ, предполагаетъ С о б о л е в с к і й, польскій. Языкъ—церковно-славянскій, съ полонизмами.

Разсужденіе объ Аргенидѣ—переведено съ латинскаго языка. Языкъ перевода съ полонизмами. „Полонизмы дѣлають несомнѣннымъ, замѣчаетъ проф. С о б о л е в с к і й, что переводъ этотъ сдѣланъ не Тредьяковскимъ“... Едва ли переводъ не принадлежалъ С и л ь в е с т р у М е д в ѣ д е в у,—въ б-ѣ котораго мы видимъ и латинскую Аргениду. Единственный списокъ перевода—кон. XVII нач. XVIII в. „Языкъ—ученый церковно-славянскій, тяжелый и малопонятный“...

Рядомъ съ исторіографіей,—одно изъ главныхъ мѣстъ въ московской переводной литературѣ занимають сочиненія по географіи, или вообще средневѣковой космографіи. „Всѣ лучшіе труды по этой наукѣ общаго характера, явившіеся въ западной Европѣ, въ концѣ XVI и въ XVII вѣкахъ, были у насъ переведены“.... Таковы:

Театрумъ свѣта всего, или Космографія Б о т е р а въ двухъ различныхъ переводахъ; одинъ изъ нихъ, повидимому, относится къ 1681 году. Переводъ сдѣланъ съ польскаго; языкъ перевода заключаетъ въ себѣ массу полонизмовъ и бѣлоруссизмовъ.

Космографія, сиречь всемірное описаніе земель, Ортелиуса,—переводъ лишь текста, безъ чертежей, хотя на нихъ и дѣлаются постоянныя ссылки. Переводъ сдѣланъ не съ латинскаго оригинала, а съ польскаго. Языкъ перевода—русскій, съ небольшимъ числомъ полонизмовъ.

Космографія Г. Меркатора. Языкъ русскій, съ большими полонизмами и бѣлоруссизмами.

Космографія въ 76 главъ, съ предисловіемъ русскаго происхожденія. Высказывалось мнѣніе, что это—русская компиляція „Космографіи“ Меркатора и „Хроникъ“ М. Бѣльскаго; по мнѣнію Соболевскаго, это скорѣе переводъ какой нибудь западной компиляціи, намъ неизвѣстной. Языкъ перевода—русскій чистый, лишь съ незначительной примѣсью полонизмовъ.

Всего свѣта козмографія. сирѣчь размѣренія всея земли—пятая книга „Хроники Свѣта“ М. Бѣльскаго, великорусской переводъ съ западно-русскаго оригинала, сдѣланнаго съ польскаго, по повелѣнію короля Сигизмуда. Велико-русскій переводъ сдѣланъ былъ не въ 1584 г., упоминаемомъ въ датѣ, но ранѣе,—при митр. Алексѣѣ (1565—1568). Языкъ велико-русскаго текста богатъ полонизмами и бѣлоруссизмами. Познѣе, другой великорусскій переводъ сдѣланъ былъ прямо съ польскаго; языкъ этого второго перевода—русскій, со множествомъ полонизмовъ. Судя по дошедшимъ рукописямъ, былъ еще третій западно-русскій переводъ, неполный, со множествомъ малоруссизмовъ.

Описаніе свѣта и всѣхъ въ немъ государствъ, переводъ извѣстной огромной географіи Де-Линды (Descriptio orbis et omnium regum publicarum, 1665); переводъ сдѣланъ нѣсколькими переводчиками. Единственный списокъ—нач. XVIII в.

Позорище всея вселенныя, или Атласъ новый, Блеу—переводъ отчасти „Епифаніевъ“, отчасти „Исаи, товарища Епифаніева“, какъ указывается въ рукописяхъ. Последнія—отчасти автографы переводчиковъ. Языкъ перевода—отчасти чистый церковно-славянскій, отчасти съ примѣсью полонизмовъ и южноруссизмовъ. Переводъ имѣетъ вкладную патр. Никона, 1661 г.

Изъ описаній отдѣльныхъ мѣстностей могутъ быть отмѣчены слѣдующіе переводы:

Хорографія или Топографія, особое и извѣстное описаніе земли святыя, описаніе палестины, Анзельма Краковскаго. Переведено съ польскаго; языкъ перевода—церковно-славянскій, съ бѣлоруссизмами. Списки—довольно многочисленные.

Описаніе нынѣшняго персискаго двороваго развода и владѣнія, како то обстоитъ въ духовномъ и свѣтскомъ чинѣ.

отъ вышняго до нижняго чиновъ,—описание Персіи Сансона. Оригиналъ нашего перевода—нѣмецкій переводъ французской книги: *Voyage ou Relation de l'état présent du royaume de perse, par Sanson. Paris, 1695.* Нѣмецкое изданіе имѣло у себя дополнительную статью,—которая также переведена въ нашемъ переводѣ: *Персичкое писмяное и рѣчевное обыкновение, которое они въ грамоткахъ своихъ и описяхъ потребляютъ*,—о свадебныхъ, похоронныхъ обычаяхъ персовъ, о ихъ религіи, образцы ихъ молитвъ и т. п. Языкъ русскій, простой, но переводъ плохой, буквальный.

Сборникъ путешествій въ Индію, „составителемъ М. Готардомъ Артхусомъ, гдащаниномъ, вся изящнѣйшими на мѣдѣ изображенными иконами объясненна и свѣту изданна,“—но въ нашемъ переводѣ рисунковъ нѣтъ, для нихъ оставлены въ рукописи лишь мѣста. Языкъ перевода—отчасти церковно-славянскій съ южно-руссизмами, отчасти бѣлорусскій съ церковно-славянизмами.

Въ рукописяхъ нашихъ конца XVII в. встрѣчается также переводъ описанія извѣстнаго путешествія О л е а р і я, съ дополнительными статьями. Приводимъ сполна длинное заглавіе одного изъ списковъ: „Переводъ съ книги цесарскаго языку, какову написалъ свѣтославный А д а м ъ О л е а р і у с ъ, со многимъ умноженіемъ ѣздъ описаній въ Московскомъ и Персицвомъ государствахъ, такожь Ягана Албретха Манделосскаго восточные ѣзды, Юрья Андреева и Вола Иверсенскаго восточные жъ ѣзды, съ прибавкою Китайскаго розказанія, и како такое мочное государство мимошедшей тому краткіе лѣта отъ татаръ обсилено и взято и како текучей китайскій мандаринъ и морской разбойникъ Кочинга отъ голандцевъ осаженной островъ Формозовъ взялъ,—такоже съ прибавкою Персицвимъ крымскимъ раздоліемъ и Древнимъ садомъ, оба наполнены охотою и богато учинени учеными притчами... Печатано въ Анбурѣ гра-

дѣ... лѣта 1696 года“. Въ заглавіи здѣсь же прибавлено: „Сія послѣдня—Древней Садъ—наперво отъ персицкаго языку на голандскій переведенъ и изъ того, въ цесарскій переведенъ, и для своего изряднѣйшаго одержанія, для Крилнаго раздолья приставится нѣкая вещь исполнена чудъ и дивными исторіями и прилучіемъ—описаніе чуждыхъ мѣстъ и земель и тѣхъ обкновеніе, природа, житіе, устроенство духовнаго и звѣстнаго (свѣтскаго?) и домоваго устава, и иное такое представляется свозъ идущее“... Въ другомъ спискѣ, также конца XVII в.,—заглавія трехъ послѣднихъ, указываемыхъ здѣсь произведеній, приведены подробнѣе и правильнѣе:

1) *Персицкій крынный долъ*, въ которомъ много веселыхъ и пріятныхъ исторій... Описалось сіе дѣло тому назадъ 500 лѣтъ отъ тогдашняго славнаго и высокоразумнаго поэта Сшахасадія, по персицки, описалось и для его избранства и достоинства высоко почитается и возлюбляется, и тому назадъ лѣтъ десять переведено въ нѣмецкій языкъ отъ славнаго издателя Адама Аліарія“.

2) *Премудраго Лохмана издивительные склады и примѣры*.

3) *Персицкій Деревный Садъ*...

Оригиналъ сборника—одно изъ изданій „Путешествія въ Московію и Персію“ Адама Олеарія. Языкъ перевода—русскій простой, мѣстами съ полонизмами. Переводъ плохой, буквальный, и принадлежалъ, очевидно, нѣсколькимъ переводчикамъ.

Московская переводная литература научнаго характера—въ смыслѣ средневѣковой науки—къ концу XVII вѣка была вообще довольно значительна и разнообразна. За переводами въ области исторіографіи, общественныхъ наукъ, средневѣковыхъ космографій и т. п.,—шли переводы по риторикѣ, переводы книгъ практическаго, прикладнаго содержанія,—далѣе по средневѣковому естествознанію, гигиенѣ, фізіологіи, анатоміи и т. д.,—не говоря о беллетристичѣс...

Въ области риторики были переведены:

Книга глаголемая риторика, сиречь наука добрословія или хитроръчїю учащая,—двѣ части, „по тонку въ вопросѣхъ написаны, скорого и удобнаго ради ученія“. Книга открывается предисловіемъ въ виршахъ:

Азъ есмь риторика доброголаголиваго и яснозрительнаго разумѣнія;
Мною грамматика исполняется
И діалектика украшается;
Азъ, связующися съ сими ученія, витійскую мудрость составлять
научаю

И богословная реченія ясно глаголати вразумляю...

И т. д. „Это—не большой, но хорошо составленный учебникъ риторики, безъ цитатъ изъ латинскихъ авторовъ (обычныхъ въ западно-европейскихъ риторикахъ XVI—XVII вв.) Судя по всему, оригиналъ его былъ на латинскомъ языкѣ. Переводчикъ зналъ по гречески“... По мнѣнію проф. Соболевскаго, переводъ нужно считать сдѣланнымъ не позднѣе конца XVI вѣка... Языкъ церковно-славянскій, правильный и ясный, безъ полонизмовъ и западно-руссизмовъ...

Риторика, безъ заглавія, въ вопросахъ и отвѣтахъ. Повидимому—переводъ или передѣлка съ латинскаго; есть ссылки на Квинтиліана, Виргилія, вмѣстѣ съ ссылками на греческихъ церковныхъ историковъ. Языкъ—церковно-славянскій, тяжелый и ученый.

Риторика Раймунда Люллія, парискаго учителя, кавалера... Раймундъ Люллій (Raymundus Lullius, 1235—1315) былъ однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ средневѣковыхъ философовъ,—который во многихъ отношеніяхъ предварилъ философское ученіе Гегеля... Раймундъ Люллій писалъ очень много; одни насчитываютъ его сочиненій до 300, другіе до 4000. Здѣсь мы находимъ трактаты по логикѣ, метафизикѣ, грамматикѣ, теологіи, казуистикѣ, праву, геометріи, астрономіи, медицинѣ и т. д. и т. д. Люллій основалъ цѣлую школу послѣдователей, особенно процвѣтавшую въ XV в., и множество сочиненій, приписывавшихся самому Люллію,

были написаны его учениками. Такъ напр. Люллію приписывали много сочиненій по алхиміи,—хотя извѣстно, что Люлліи не только не занимался алхиміей, но и осуждалъ ее, какъ ложное и беззавѣтное искусство... Рядомъ съ трактатами по богословію, метафизикѣ, философіи, рядомъ съ произведеніями политическими, — въ сочиненіяхъ Люллія особенно широкое мѣсто отводится изложенію самаго метода философскихъ изслѣдованій. Методу Люлліи придавалъ особенно важное значеніе, и рассматриваетъ его въ цѣломъ рядѣ большихъ и малыхъ трактатовъ: *Ars generalis*, *Ars magna*, *Ars cabbalistica*, *Ars brevis*, *Ars inventiva* и т. д. Въ этомъ „*ars*“, „искусствѣ“, Люлліи стоитъ на почвѣ средневѣковаго реализма, согласно которому общія понятія (*universalia*) обладаютъ собственнымъ, самостоятельнымъ бытіемъ. Философское положеніе Люлліи примѣняетъ однако чисто внѣшнимъ образомъ—въ своихъ знаменитыхъ „кругахъ“... „Это—родъ механическаго снаряда, употребляемаго счетчиками для нѣкоторыхъ ариметическихъ вычисленій, и очень похожъ, по своему механическому характеру, на такъ называемые въ схоластическихъ риторикахъ источники изобрѣтенія (*inventionis*); даже самая цѣль его скорѣе въ томъ состоитъ, чтобы доставить возможность каждому говорить о чемъ угодно, сколько угодно, и устранить развитіе способности самостоятельнаго изслѣдованія“... „Методъ“ состоитъ „изъ нѣсколькихъ снарядовъ, а каждый снарядъ содержитъ нѣсколько концентрическихъ круглыхъ пластинокъ. На краяхъ однихъ пластинокъ пишутся главные субъекты, на концахъ другихъ—предикаты, далѣе пишутся различныя отношенія, въ какихъ могутъ быть понятія этихъ субъектовъ и предикатовъ, и т. д. Двигая одну круглую пластинку въ другой, остающейся неподвижною, мы производимъ всевозможныя сочетанія между субъектами и предикатами и избираемъ правильнѣйшее“... Эти круги въ совокупности своей обнимали всю область возможныхъ знаній,—до права и медицины включительно...

Разсматриваемая переводная „Риторика“ „кавалера Люллия“ заключаетъ въ себѣ три книги, съ присоединеніемъ еще „общей части“; первая книга—„о разумѣхъ письма святаго“ (четыре „бесѣды“), вторая—„о матеріи поученія“ (14 „бесѣдъ“), третья—„о формахъ поученія“. „Общая часть“ трактуетъ „о расположеніи риторическомъ“ (въ 8 главахъ). Изъ двухъ, имѣющихся на лицо, списковъ (конца XVII—нач. XVIII в.в.) этого трактата, — въ одномъ „общая часть“ замѣняется образцами проповѣдей. Въ одномъ спискѣ разсматриваемый трактатъ приписывается Бѣлобоцкому, одному изъ двухъ извѣстныхъ ученыхъ братьевъ. Проф. Соболевскій не имѣлъ подъ руками оригинала но предполагаетъ, что разсматриваемая риторика—едва ли простой переводъ съ латинскаго: въ текстѣ находятся нѣкоторыя приспособленія къ русской дѣйствительности, упоминаются напр. фунты, золотники, пуды, сажени, версты, и т. д. Во всякомъ случаѣ, переводъ или перелѣлка отличается ясностью и удобопонятностью въ изложеніи. Языкъ—церковно-славянскій, ученый, съ великоруссизмами и полонизмами.

Переводы книгъ практическаго содержанія:

Воинская книга,—въ переводѣ Юрьева и Омина. Въ предисловіи сообщается: въ 1606 г. царь Василій Шуйскій „указалъ воинскую нѣмецкую книгу перевести на русскій языкъ для вѣдома всякихъ тамошнихъ воинскихъ чиновъ и урядствъ, понеже въ тамошнихъ странахъ такія драгія хитрости и въ воинскихъ обычаяхъ ученія мудрыми и искусными людьми изыскано“... Переводъ оконченъ былъ въ 1607 г. Единственная рукопись перевода—неполная, или самый переводъ былъ не полный; дошедшій текстъ начинается: „Наукъ, како зелье пищальное дѣлати въ травѣ, чтобы добръ прудко грянуло“...; послѣдняя: „Наукъ, како зеленое зелье дѣлати“ и т. д. Оригиналъ—Kriegsbuch, Fronsperger's (1586, Frankfurt). Языкъ—русскій.

Уставъ ратныхъ, пушечныхъ и иныхъ дѣлъ, касающихся до воинской науки, Онисима Михайлова,—печатный текстъ, изданный Рубаномъ (2 ч., Спб., 1777—1781, по рукописи, „найденной въ 1775 г. въ мастерской и оружейной палатѣ въ Москвѣ“). По указаніямъ „предисловія“, книга составлена въ два приема, въ 1606 г. и 1620 гг. Михайловъ повидимому пользовался вышеупомянутымъ болѣе раннимъ переводомъ Юрѣва и Фомина. Оригиналъ первой части неизвѣстенъ; для второй служила упомянутая выше *Kriegsbuch F r o n s p e r g e r'a*. Языкъ русскій, вполне удобный и понятный.

Ученіе и хитрость ратнаго строенія пѣхотныхъ людей, Вальгаузена. Напечатано въ Москвѣ, въ 1647 г. Переводъ перваго тома сочиненія *W a h l h a u s e n'a: Kriegskunst zu Fuss*. Языкъ русскій, простой и ясный.

Художества оменная и разныя воинскія орудія ко всякимъ городовымъ приступамъ и къ оборонѣ приличныя,—переводъ 1685 г.

О подготовленіи къ войнѣ,—*Причины устьяха на войнѣ*,—*Что нужно знать войну*,—нѣсколько книгъ *о Полевой охотѣ*,—нѣсколько книгъ по коннозаводству и выѣздѣ лошадей (*Книга лошадиного ученія*, 1670; *О строеніи конскаго дому*)—нѣсколько книгъ по сельскому хозяйству, даже поваренному искусству и т. д. и т. д.

Переводы по гигиенѣ, физиологіи, анатоміи и т. п.:

Проблемата, т. е. вопрошенія разныя, списанія великаго философа Аристотеля и иныхъ мудрецовъ, яко прирощенныя, тожде и лѣкарскія науки, о свойствѣ и о поставленіи удовъ человѣческихъ, такожде и о звѣриныхъ, съ прилежаніемъ собрана и на три части раздѣлена, ко обученію или къ навывновенію разуму человѣческому весьма благопотребна“. Въ рукописяхъ нашихъ кон. XVII—нач. XVIII вв. встрѣчается не-

рѣдко, и притомъ въ двухъ различныхъ редакціяхъ. Въ одномъ изъ списковъ перваго перевода, въ концѣ, стоитъ пометка: „Преведена сія книга польскаго языка на словенскій языкъ съ печатныя польскія книги печати краковской“; въ другомъ спискѣ того же перевода оригиналь указывается точнѣе: „Выдана въ Краковѣ..., въ 1567 г“. Другой переводъ сдѣланъ въ 1677 году,—какъ точно указывается въ одномъ изъ списковъ этого перевода: „Преведена сія книга съ польскаго языка на словенскій языкъ съ печатныя польскія книги печати краковской въ лѣто... 1677“. По указанію проф. Соболевскаго, оригиналь—польская передѣлка извѣстнаго средневѣковаго сочиненія *Problemata Aristotelis*, впервые изданная въ 1555 г. и сдѣланная нѣкимъ Андреемъ „изъ Кобылина“ (Andrzej z Kobyłina). Языкъ въ обоихъ переводахъ плохой церковно-славянскій, съ массою полонизмовъ. Хотя всѣ списки сочиненія не ранѣ XVII в., тѣмъ не менѣ самый переводъ, по мнѣнію Змѣева, можетъ быть отношенъ и къ XVI в. Изложеніе—въ вопросахъ и отвѣтахъ. О составѣ сочиненія можно отчасти судить по приложенному въ рукописи подробному оглавленію (оно воспроизведено въ монографіи г. Змѣева): „Гл. 1-я. О главѣ человѣческой (34 вопроса съ отвѣтами). Гл. 2-я. О видѣніи—первомъ чувствѣ. Гл. 3-я. О носѣ—второмъ чувствѣ. Гл. 4-я. О ухахъ и слышаніи—третьемъ чувствѣ“ и т. д.

Управленіе здравія врачей парижскихъ царю аглицкому списанное; научающее, якъ всякъ человекъ по вся цѣлаго року мѣсяца, въ яденіи и питіи, яко и въ спяченіи жиизъ, имать радѣтися. „Управленіе“—добавляется въ заглавіи—отъ „врачевъ парижскихъ царю аглицкому написанное“, „типомъ издадеся“ сначала „латинскимъ языкомъ“ въ Парижѣ, потомъ въ 1565 г. въ „Краковѣ“; „нынѣже въ року 1698 году на словенскій языкъ переведено“. Это—наставленіе въ стихахъ, какъ должно себя вести, чтобы быть здоровымъ. Образчикъ стиховъ:

Аще ты цѣла, аще здрава хочешь мѣти,
Престань тяжко пещися и тяжко скорбѣти:
Скорбно сердце, гнѣвъ частый мысль всегда уныла,—
Сѣи трие сѣдають людямъ скоро тѣла...

Переводъ сдѣланъ съ латинскаго; оригиналомъ послужила известная латинская книжка, переведенная почти на всѣ европейскіе языки: *Regimen sanitatis medicorum parisiensium, pro tuenda sanitatis regis Angliae compositum, docens quomodo quilibet homo se per singulos totius anni menses cum in esu et potu, tum in venarum incisione gerere debeat.* Указываемое въ заглавіи польское изданіе въ Краковѣ, 1565 г.,—неизвестно. Языкъ перевода—церковно-славянскій, съ полонизмами и малоруссизмами.

Великая и предивная наука Богомъ преосвященнаго учителя Раймунда Люллія... Въ вопросахъ и отвѣтахъ. Списки нач. и перв. пол. XVIII в. Оригиналъ—*Ars magna generalis et ultima* Р. Люллія. Впрочемъ нашъ текстъ—переводъ не подлиннаго трактата, а особаго извлеченія изъ него, или передѣлки. Известно, что „Великой наукой“ Раймунда Люллія увлекался К в и р и н ъ К у л ь м а н ъ. Сочиненіе это вообще пользовалось у насъ особымъ уваженіемъ; одинъ изъ переписчиковъ называетъ его „ароматоуханнымъ гроздополезнымъ овощемъ“... Славяно-русскій текстъ состоитъ изъ 8 главъ, съ чертежами.

Краткая наука, Р а й м у н д а Л ю л л і я. Оригиналъ—*Ars brevis* Р. Люллія. Списокъ—XVII в. Переводъ обоихъ сочиненій, повидимому сдѣланъ однимъ лицомъ.

О четвероножныхъ перстныхъ, Описаніе четвероногихъ животныхъ, А л ь д р о в а н д а, „философа и медика Бононійскаго“. По указанію проф. Соболевскаго, оригиналъ—*Ulysses Aldrovandus, De Quadrupedibus digitatis viviparis libri tres...* Bononiae, 1637. Славяно-русскій текстъ заключаетъ въ себѣ переводъ лишь одной, первой главы труда Альдрованда—о лъвѣ; авторъ представляетъ историческія данныя о лъвѣ,

его описаніе, говоритъ объ употребленіи льва для потѣхъ, казней, о томъ, что значить видѣть льва во снѣ и т. п. Переводъ извѣстенъ въ единственномъ спискѣ (въ И. Публ. Б-кѣ), нач. XVIII в., и повидимому былъ лишь начатъ, и остался нетолько не оконченнымъ, но и не продолженнымъ.

Исторія и объявленіе, малаго свѣта зерцало, которое есть образъ Божіей твари, о человечествѣ тѣль. Текстъ заключаетъ въ себѣ отчасти анатомію, отчасти физиологію, и представляетъ переводъ сочиненія „магистра Ягана Лудвика Реммелина Улмензиса, изыскателя въ лѣчебномъ дѣлѣ“, какъ указывается въ находящемся при переводѣ посвященіи. Самое посвященіе „писано въ Тюбингѣ августа въ 12 д. 1631 году“. Оригиналъ разсматриваемаго перевода извѣстное *Satoptrop microcosmicon, Remmlin'a*, много разъ издававшееся. Переводъ имѣется въ единственной рукописи конца XVII в. (въ б-кѣ Флорищевой пустыни), и сдѣланъ съ изданія 1632 года, вышедшаго „въ городѣ Узбурхѣ“, какъ указывается на рукописи перевода. Текстъ состоитъ изъ 8 главъ. 1-я глава трактуетъ о томъ, „что человекъ и его внѣшній образъ“; 2-я—„о разнообразныхъ частяхъ, которыя все тѣло и вся его части одѣяютъ“ и т. д. Въ послѣдней, 8-й главѣ „написано про дѣла снастей или соединенныхъ частей и всего тѣла“... При переводѣ, въ слѣдующихъ за нимъ особыхъ приложеніяхъ, повидимому приложены были карты или „видѣнія“, какъ они здѣсь называются. Въ ряду названныхъ приложеній читаются также статьи:

- 1) *Ученіе о пульсѣ или движеніи жилы сердечныя;*
- 2) *О пуцаніи крове;*
- 3) *Изъ книги Иоанна Бевервикія, врачебныя науки доктора, гл. 14, о снѣ, въ 14-ти статьяхъ. Оригиналъ послѣдней—сочиненія голландскаго ученаго XVII в., Бевервика.*

Книга таинственная Альберта Великаго, „о таинствахъ женскихъ (о рожденіи, плодозачатіи во чревѣ матернемъ, о

зависимости рожденія отъ планетъ и т. д.), о силахъ травъ, каменій, звѣрей, птицъ и рыбъ“. Рукописи—XVIII в. Въ одномъ изъ списковъ точно указывается оригиналь: „Альбертъ славный... Въ Амстердамѣ, у Юдона Юншоніа (амстердамскій типографъ Юншоній—Янсоній), лѣта 1648. Переведенъ же слово отъ слова съ латинскаго на словенскій и написанъ лѣта господня 1670“... Оригиналь—Alberti Magni, De secretis mulierum, item de virtutibus herbarum, lapidum et animalium (Amstel., 1648). Языкъ перевода—„плохой церковно-славянскій, съ полонизмами“.

Книга Михаила Скотта о естествознаніи... Рѣчь идетъ преимущественно о тѣхъ же „тайнствахъ женскихъ“,—о зачатіи и дѣторожденіи, о различныхъ примѣтахъ, соединяемыхъ съ этимъ,—что и въ предыдущемъ сочиненіи, лишь гораздо больше указывается здѣсь различныхъ „знаменій“, по которымъ можно судить о характерѣ челоуѣка, и заключающихся или въ общимъ свойствахъ всего организма или въ особенностяхъ частей тѣла,—въ носѣ, устахъ, волосахъ между бровями, въ бородѣ, „ступаніи ногъ въ хожденіи“, въ голосѣ, „смѣяніи“ и т. д. и т. д. Книга Скотта въ нашихъ рукописяхъ обыкновенно слѣдуетъ за вышеназваннымъ сочиненіемъ Альберта Великаго,—какъ это мы видимъ и по отношенію къ оригиналамъ этихъ двухъ сочиненій, въ латинскихъ изданіяхъ XVII в. Языкъ перевода—„плохой церковно-славянскій, съ полонизмами...“

Вмѣстѣ съ произведеніями историческаго содержанія, уже съ конца XV вѣка, и особенно съ пол. XVI и въ XVII вв., чрезъ посредство Польши въ московскую Русь переходитъ множество произведеній собственно литературнаго, беллетристическаго характера, рядъ переводныхъ беллетристическихъ повѣстей и сказаній,—и отдѣльными произведеніями, и въ видѣ особыхъ, нерѣдко весьма обширныхъ сборниковъ.

Здѣсь, въ области произведеній собственно литературнаго характера, вліяніе польской литературы на нашу имѣло значеніе впрочемъ довольно относительное, условное. Вліяніе это сводилось—преимущественно, если не исключительно—къ роли посредника. Со стороны собственно польской литературы, литературы оригинальной, мы совсѣмъ не видимъ въ этой сферѣ особеннаго вліянія на московскую Русь ни въ XVI, ни въ XVII вв.; въ московской литературѣ вовсе нѣтъ напр. произведеній лучшаго, „золотого“ періода польской литературы,—или слѣды вліяній этого рода крайне единичны и ничтожны... Вообще, по замѣчанію одого изъ изслѣдователей,—въ русскую литературу изъ польской шли такіа произведенія, „которыя относятся не столько къ польской литературѣ, сколько къ средневѣковой европейской, и преимущественно нѣмецкой... За немногими исключеніями, польское вліяніе было передаточное“...

Останавливается лишь на нѣкоторыхъ памятникахъ нашей переводной беллетристики XVII вѣка.

Западно-европейскія переводныя произведенія, шедшія къ намъ черезъ Польшу, представляли главнымъ образомъ три группы: а) сборники духовно-нравоучительныхъ повѣстей и сказаній и отдѣльныя повѣсти подобнаго же характера, б) повѣсти „смѣхотворнаго“ содержанія и в) рыцарскіе романы. Впрочемъ, указанныя группы не были рѣзко разграничены,—нерѣдко смѣшивались между собой: то или другое изъ направленій являлось лишь преобладающимъ, рядомъ съ которымъ шли и другія, иногда противоположныя; среди духовно-нравственныхъ сказаній и повѣстей встрѣчаются повѣсти „смѣхотворныя“ или повѣсти съ рыцарской окраской,—съ другой стороны, „смѣхотворныя повѣсти“ нерѣдко ставятъ своей цѣлью морально нравоучительную, „обличенія злыхъ обыкловостей“, и т. д. Произведенія нравоучительнаго характера, повѣсти „душеспасительныя“ среди этой массы перево-

дившихся произведеній вовсякомъ случаѣ занимали, и по времени и по своей многочисленности, распространенности, одно изъ самыхъ первыхъ мѣстъ, и здѣсь, кажется,—одна изъ главныхъ причинъ, почему „польское вліяніе“ у насъ такъ незамѣтно и быстро укрѣпилось. Цѣлымъ рядомъ переводовъ вліяніе это въ сущности лишь усиливало прежнее духовно-правоучительное направленіе нашей литературы, и нерѣдко самымъ тѣснымъ образомъ примыкало къ нему...

Однимъ изъ важнѣйшихъ памятниковъ этого отдѣла нашей западной беллетристической переводной литературы XVII в. было *Великое Зерцало*.

Великое Зерцало уже рано стало сборникомъ весьма распространеннымъ въ западно-русской литературѣ XVI—XVII вв., служа здѣсь однимъ изъ главныхъ пособій для проповѣдниковъ. Въ западно-русской литературной средѣ, не смотря на вражду къ католикамъ, латинскія повѣсти, пользовались полнымъ уваженіемъ; „исторіи зъ разныхъ авторовъ“, упоминаемыя въ „Ключѣ Разумѣнія“ Голятовскаго, служили замѣчаетъ излѣдователь, для нашихъ юго-западныхъ проповѣдниковъ такимъ же авторитетомъ, какимъ они были для польскихъ, вообще для католическихъ,—такихъ легендъ можно встрѣтить въ южно-русскихъ сочиненіяхъ и сборникахъ очень много. Южно-русскіе писатели не только цитировали и переводили эти сборники, но и составляли въ подражаніе имъ свои“...

Въ предисловіи, читаемомъ при нѣкоторыхъ спискахъ „Великаго Зерцала“, замѣчается, что переводъ былъ совершенъ „по желанію и повелѣнію великаго государя Алексѣя Михайловича... въ лѣто 1677“... Сборникъ повидимому готовился къ печати, но почему-то не былъ изданъ,—тѣмъ не менѣе въ ряду нашихъ переводныхъ западныхъ сборниковъ XVII в. Великое Зерцало быстро стало однимъ изъ самыхъ популярныхъ. Повѣсти изъ него уже скоро стали списывать—

ся рядомъ съ повѣстями и сказаніями изъ Патериковъ, Прологовъ, — „внигъ самыхъ дорогихъ“ для древне-русскаго православнаго читателя, заносятся въ Синодидь и т. п. Нѣсколько позднѣе, въ XVIII в., Великое Зерцало, какъ извѣстно, переходитъ въ литературу старообрядческую, — и уже одинъ этотъ фактъ краснорѣчиво говоритъ объ основномъ характерѣ этого западно-европейскаго сборника... Популярность сборника вполне объясняется такъ сказать его „православнымъ“ характеромъ, общимъ характеромъ и колоритомъ его содержанія, — какъ нельзя лучше подходившими къ общему характеру и направленію всей нашей древней литературы. Въ Великомъ Зерцалѣ особенно выступаетъ напр. аскетическое отношеніе къ народнымъ пѣснямъ, играмъ, пляскамъ, и т. п... Повѣсти Великаго Зерцала явились въ русской литературѣ какъ бы наглядными примѣрами изъ западно-европейской жизни того аскетизма, и той морали, которые передавались до того времени у насъ, въ древне-русскихъ поученіяхъ, какъ простыя порицанія или наставленія“... Многочисленныя повѣсти напр. легендарнаго характера вполне соответствовали древне-русскимъ житіямъ и сказаніямъ о чудесахъ. Какъ въ древне-русской литературѣ встрѣчается много повѣстей и чудесъ, связанныхъ съ иконами Божіей Матери, съ иконами и мощами святыхъ, — такъ и въ Великомъ Зерцалѣ передъ читателемъ развертывался необозримый рядъ поэтическихъ повѣствованій и рассказовъ, передававшихъ чудеса отъ реликвій... Для своей популярности въ нашей литературѣ XVII — нач. XVIII в. Великое Зерцало заключало въ себѣ и еще одну какъ бы специальную черту. Какъ литературное произведеніе, сборникъ пропитанъ аскетизмомъ, преобладаніемъ въ разказахъ религиозной чудесности, стоитъ вполне на почвѣ стараго православнаго католичества, — со всей суровостью относясь къ „еретикамъ“, лютеранамъ и кельвинамъ, и вообще къ различнымъ „новшествамъ“ въ сферѣ религиозной... Именно эта сторона

едва ли не имѣла особаго значенія и для московской Руси: и ей, уже съ XVI вѣка, приходилось бороться также противъ различныхъ еретическихъ „новшествъ“.. Общность многихъ источниковъ, древне-христіанскихъ вообще и византійскихъ въ частности, общій характеръ разказовъ, аскетическаго, поучительнаго направленія—такъ сблизили Великое Зерцало съ нашей древней литературой, что сборникъ уже очень скоро какъ бы совершенно утратилъ характеръ переводнаго... Отсюда—не только близость его съ названными памятниками, но черезъ нихъ и сильное вліяніе на произведенія собственно народной словесности,—на духовные стихи, сказки, легенды и т. п.

Самое содержаніе сборника чрезвычайно обширно; въ нѣкоторыхъ рукописяхъ число разказовъ достигаетъ почти 900. Повѣсти и разказы болѣе или менѣе сходные по сюжетамъ, содержанію и своей конечной морально-наставительной цѣли—составляютъ „отдѣлы“, съ однимъ общимъ заглавіемъ, указывающимъ на ту добродѣтель или порокъ, около которыхъ группируется содержаніе разказовъ,—примѣрами, „прилогами“ которыхъ служатъ собранныя повѣсти. Таковы отдѣлы о „пьянствѣ“, о „лукавствѣ“, „терпѣніи“ и т. д.

Среди повѣстей исключительно духовнаго содержанія въ „Великомъ Зерцалѣ“ есть повѣсти свѣтскаго содержанія, даже „смѣхотворныя“. Такъ въ Зерцалѣ читается нѣсколько шуточныхъ разказовъ, заимствованныхъ изъ *Sermones* Готшалка, голландскаго проповѣдника XV в.,—между ними извѣстный разказъ объ упрямой женѣ, перешедшій и въ область нашихъ сказокъ...

Наиболѣе обширная повѣсть Великаго Зерцала, *О Удольнѣ епископъ Магдебурскомъ*—особенно часто встрѣчается въ нашихъ сборникахъ XVI—XVII вв. и отдѣльно, вообще была одной изъ самыхъ любимыхъ

Однимъ изъ популярнѣйшихъ средневѣковыхъ сборниковъ духовно-повѣствовательнаго характера были *Римскія Дѣянiя* (*Gesta Romanorum*). Сборникъ этотъ былъ едва-ли не самымъ богатымъ источникомъ средневѣковыхъ сказанiй отдѣла такъ наз. „странствующей“ литературы; здѣсь было собрано множество рассказовъ, принадлежавшихъ и классическому міру и восточной поэзіи и туземной, западноевропейской литературѣ среднихъ вѣковъ, и Византіи и т. п. Происхожденіе сборника объясняютъ различно; время появленія, его первоначальную, древнѣйшую редакцію относятъ приблизительно ко второй пол. XIII в. Памятникъ имѣлъ очень длинную генеалогію. Первоначальная редакція—XIII вѣка—впослѣдствіи чрезвычайно измѣнилась отъ вставокъ, сокращеній и интерполляцій; не только рукописи, но и печатныя изданія сборника значительно разнятся между собою и редакціями текста и подборомъ самыхъ статей...

Содержаніе сборника не вполне точно опредѣляется заглавіемъ; здѣсь есть много рассказовъ, которые не имѣютъ никакого отношенія къ „дѣянiямъ“ римлянъ. Какъ мы уже замѣтили, сборникъ представляетъ собою безконечный рядъ рассказовъ анекдотическаго характера, главная, конечная цѣль которыхъ—нравоученіе. Рассказъ подгонялся именно къ этой нравоучительной цѣли; нравоученію отводилось первое мѣсто... Самые рассказы по своимъ литературнымъ связямъ и вообще по своей литературной исторіи—нерѣдко очень древни; многіе изъ нихъ, уходятъ гораздо дальше греко-римской культуры,—ведутъ начало съ дальняго Востока, отъ арабовъ, евреевъ, изъ Византіи и т. п. „Всѣ эти рассказы, замѣчаетъ изслѣдователь, давно уже существовали на европейской почвѣ къ эпохѣ кодификаціи сборника. Въ него они вошли въ томъ видѣ, въ какомъ странствовали по всей Европѣ“... Компильативный характеръ сборника обнаруживается изъ цитатъ и ссылокъ, находящихся въ самомъ текстѣ; кромѣ римскихъ писателей, пи-тируются писатели средневѣковые, много вошло также восточ-

ныхъ сказокъ и апологовъ, изъ латинскихъ хроникъ и т. д. Разнообразіе анекдотическаго содержанія дѣлало сборникъ однимъ изъ самыхъ любимыхъ въ средневѣковой литературѣ... Помимо занимательности, анекдотичности,—популярность *Gesta Romanorum* увеличивалась упомянутымъ господствующимъ тономъ всего изложенія, обиліемъ въ немъ морализаціи: къ рассказамъ и анекдотамъ обыкновенно присоединяются моральныя наставленія. Этой чертой объясняется, почему къ сборнику такъ охотно прибѣгали средневѣковые католическіе проповѣдники: они находили здѣсь неисчерпаемый матеріалъ для своихъ поученій... Впрочемъ въ *Gesta*'хъ обильный матеріалъ для себя находили не только проповѣдники; въ немъ иногда мотивы и фабулы для своихъ произведеній почерпали и такіе писатели, какъ Боккаччо и Шекспиръ...

Позднѣйшій изслѣдователь литературную исторію *Gesta Romanorum*, какъ сборника, ставитъ въ тѣсную связь съ болѣе раннимъ средневѣковымъ подобнымъ же сборникомъ—*Disciplina Clericalis*, извѣстнымъ трудомъ Петра Альфонса (1062—1110), крещеннаго испанскаго еврея. Сборникъ Альфонса—по легкому изложенію и занимательности содержанія, состоящаго изъ повѣстей, анекдотовъ басенъ—до такой степени пришелся по вкусу наивной публикѣ среднихъ вѣковъ, что сталъ одной изъ самыхъ популярныхъ книгъ чтенія, оказавши въ то же время большое вліяніе на развитіе литературы этого рода... Въ сборникѣ Петра Альфонса позднѣйшіе изслѣдователи видятъ и „тотъ зародышъ, изъ котораго постепенно образовались и *Gesta*“. Одно время составленіе *Gesta* приписывалось то Эликандру († 1227), то Берхорію († 1362); позднѣйшій изслѣдователь справедливо указываетъ на тщетность и безосновательность подобныхъ приуроченій, — вполнѣ вѣрно характеризуя литературную исторію большинства подобныхъ средневѣковыхъ сборниковъ. „Разъ рукопись Петра Альфонса попала въ

руки монаховъ, замѣчаетъ С. Л. Пташицкій, они изъ нея выписывали, что казалось подходящимъ, а къ этому добавляли и изъ другихъ источниковъ другіе рассказы. Такихъ бродячихъ рассказовъ, невѣдающихъ отечества, въ то время была уже масса. Они прицѣплялись къ одному общему кому и, катаясь подобно лавинѣ, образовали тотъ безымянный трудъ, въ которомъ нельзя отыскать ни того, кто его натолкнулъ, ни того, кто направилъ его по извѣстному пути, ни того, кто содѣйствовалъ его дальнѣйшему и окончательному образованію. Въ такихъ произведеніяхъ дѣйствуетъ стихійная сила, она ими управляетъ и ихъ образуетъ. Такіе личности, какъ Гольцотъ, Vincentius Bellovacensis, авторъ *Dialogus Creaturarum*, Verchorgius—брали уже готовый матеріалъ и подчасъ уже систематизированный. Брали его съ полнымъ сознаниемъ права имъ пользоваться, какъ вещью, составляющую общее достояніе, а не чье-либо, частное. Поэтому-то въ такихъ произведеніяхъ, какъ *Gesta Romanorum*, нельзя даже доискиваться того, кто его составилъ, и слѣдуетъ ограничить изслѣдованіе вопросомъ, какъ онъ составился. Образование этого памятника не можетъ принадлежать инициативѣ одной какой нибудь личности, онъ составился постепенно и незамѣтно для составителей. Около небольшого сборника группировались подходящіе рассказы, въ которыхъ ни текстъ, ни даже заменутый цитль не стѣсняли каждаго новаго переписчика. Всѣ относились свободно къ переписываемому образцу, ихъ не стѣсняла фраза текста, ее видоизмѣняли сообразно личному вкусу, и пропускъ однихъ рассказовъ и вставка другихъ были на каждомъ шагѣ. Дошло дѣло до того, что изъ сотни полторы списковъ, мы не можемъ найти даже двухъ вполне сходныхъ между собою. Сколько рукописей, столько отдѣльныхъ произведеній“...

Не можемъ не остановиться на нѣкоторыхъ бібліографическихъ подробностяхъ, приводимыхъ изслѣдователемъ—

чтобы наглядно видѣть, до какого разнообразія иногда доходили въ своихъ рукописныхъ и печатныхъ редакціяхъ подобныя произведенія западно-европейской средневѣковой литературы.

Въ самыхъ первыхъ латинскихъ изданіяхъ, 70-хъ гг. XV вѣка, *Gesta* имѣютъ 150—151 главу. Въ третьемъ изданіи—Кельнъ, 1473 г.—этихъ главъ уже 181. Кельнское изданіе послужило прототипомъ всѣхъ позднѣйшихъ, а равно—оригиналомъ и для большинства средневѣковыхъ переводовъ: голландскаго, французскаго и нѣмецкаго. Во всѣхъ этихъ изданіяхъ сохранена опредѣленная, послѣдовательность рассказовъ; они начинаются статью *De dilectione* и оканчиваются главой *De adulterio*... Въ рукописныхъ сборникахъ не нашлось ни одного списка, который бы могъ служить оригиналомъ для изданія первопечатнаго. Болѣе всего къ нему подходит одна изъ рукописей Мюнхенской б-ки. Всѣ старопечатныя изданія содержатъ въ себѣ *Житіе св. Алексѣя* и *Повѣсть объ Аполлонѣ Тирскомѣ*,—чего не встрѣчаемъ въ рукописныхъ сборникахъ... Отдѣльную весьма обширную группу рукописныхъ сборниковъ, составляютъ рукописи англо-латинскія и латино-германскія. Рукописи эти „поражаютъ изслѣдователя своимъ необычнымъ разнообразіемъ, какъ по группировкѣ рассказовъ, такъ и по ихъ изложенію“. Въ 150 рукописяхъ этой группы—нѣтъ „даже двухъ рукописей, которыя бы представляли дословную копію. Переписчики не только не стѣснялись выборомъ статей, но даже и текстомъ рассказа или яравоученія“... Впрочемъ, при всемъ разнообразіи списковъ, изслѣдователи усматриваютъ въ нихъ нѣсколько группъ. Важнѣйшей группой здѣсь является та, представителемъ которой служитъ одна изъ рукописей Дрезденской б-ки. Группа заключаетъ въ себѣ самую древнюю редакцію. Здѣсь—строго выдержанная послѣдовательность рассказовъ, иногда только нарушаемая отдѣльными вставками и пропусками. Всѣ сборники этой разновидности начинаются статьей *De milite*,

qui ad peregrinandum profectus est, и ованчиваются разсказомъ: De filia regis et quinque militibus et cane. Во второй половинѣ сборника вставлены разсказы изъ „Исторіи семи мудрецовъ“. Самое большое число разсказовъ—112. Къ этой редакціи примыкають старинные нѣмецкіе переводы. Особенно она была распространена въ Германіи и оттуда перешла въ Польшу, гдѣ въ теченіе XV ст. многократно списывалась. Эта редакція послужила источникомъ для западнославянскихъ редакцій Gesta Romanorum... Совершенно особую редакцію представляетъ редакція польская,—рѣзко отличающаяся по составу отъ всѣхъ западно европейскихъ редакцій, не исключая и сейчасъ названныхъ англійскихъ. Рукописей польскаго перевода не дошло до насъ; имѣются лишь печатныя изданія, и даже довольно позднія, преимущественно XVIII в.; изъ дошедшихъ лишь одно, и то дефектное (безъ начальныхъ листовъ), можетъ быть отнесено къ XVII в. Есть свѣдѣнія о существованіи изданія половины XVI вѣка. Польская редакція заключаетъ 39 разсказовъ,—и является повидимому извлеченіемъ изъ первопечатныхъ латинскихъ изданій, именно изъ одного изъ болѣе позднихъ, заключающихъ въ себѣ 180—181 разсказовъ (а не 150—151, какъ въ самыхъ раннихъ). Въ польскомъ изданіи „мы имѣемъ дѣло съ выборомъ, сдѣланнымъ самостоятельно и исключительно для польскаго изданія. Составитель выбиралъ изъ латинскаго сборника разсказы по своему усмотрѣнію, не стѣсняясь никакими традиціями... Порядокъ статей совершенно произвольный“. По отношенію къ большинству статей, переводъ сдѣланъ былъ специально для этого сборника,—лишь для двухъ слѣдуетъ допустить возможность пользованія уже существовавшимъ переводомъ“... Эти двѣ статьи—*Житіе св. Алексѣя* и *Повѣсть объ Аполлонѣ Тирскомѣ*.

Русскіе списки Римскихъ Дѣяній довольно многочислен-

ны. По датамъ, находящимся на рукописяхъ, переводъ относится къ 1691 году,—при чемъ оригиналомъ указывается польское изданіе 1663 г., до сихъ поръ остающееся библиографамъ неизвѣстнымъ. Дошедшіе списки заключаютъ въ себѣ 35—39 главъ. Расположеніе главъ часто совершенно произвольное, не согласное съ польскимъ,—и въ различныхъ спискахъ различное. Изъ повѣстей, входящихъ въ составъ нашихъ „Римскихъ Дѣяній“, отмѣтимъ —

Исторію о Аполлонѣ, король Турскомъ и о Тарсъ королевнѣ; прикладъ, что печаль превъняется въ радость,—

О хитрости діавольствій; прикладъ, яко судьбы Божія неиспытаны и скрыты суть,—

Прикладъ, сиречь притча о гордомъ цесарѣ Еввинянѣ и о его ниспаденіи, и какъ Господь Богъ многажды гордымъ противитца, а смиренныхъ возноситъ и даетъ благодать,—

Прикладъ о хитрости женствій,—и рядъ дальнѣйшихъ на тему, „яко не подобаетъ вѣрнати женамъ, ниже тайнъ своихъ объявляти имъ“ и др. п.п.,—

Прикладъ о правдѣ и о любви, яко правда избавляетъ отъ смерти,—

Прикладъ, сиречь притча о двою лъкаряхъ,—

Прикладъ, чтобы мы блюлись отъ лести діаволсти, дабы насъ не прельстилъ,—

Прикладъ, чтобы мы чистоту и вѣру брака соблюдали,—

Прикладъ о житіи св. Алексѣя человека Божія, или Прикладный животъ св. Алексѣя, чтобы смыслости сего свѣта возненавидѣли и т. п.

Сравнивая разные списки „Дѣй“, изслѣдователи приходятъ къ заключенію, что переводъ былъ не одиѣнъ. Несмотря на весьма значительную популярность сборника въ средѣ нашихъ читателей,—въ переводѣ почти не замѣтно слѣдовъ русскаго вліянія.

Нѣкоторыя отдѣльныя повѣсти, читаемыя въ Gesta'хъ, извѣстны были у насъ повидимому и раньше общаго перевода „Дѣяній“, и вообще имѣли въ нашей письменности самостоятельный характеръ. Такой самостоятельный характеръ имѣла напр. *Повѣсть объ Аполлонѣ (Аполлоніи), король Тирскомъ*,— 153-я глава Gesta Romanorum. Повѣсть обращалась у насъ и въ общемъ переводѣ „Римскихъ Дѣй“ и отдѣльно. Редакція перевода, встрѣчающагося въ рукописяхъ отдѣльно, отлична отъ той, въ какой повѣсть читается въ „Дѣяхъ“,—и въ именахъ, и въ общемъ изложеніи, и въ языкѣ; послѣдній не страдаетъ полонизмами. Очевидно, двѣ редакціи были двумя различными переводами...

Къ двумъ разсмотрѣннымъ сборникамъ по общему характеру болѣе или менѣе подходятъ два другіе сборника, переведенные у насъ въ концѣ XVII в., и принадлежавшіе къ произведеніямъ восточныхъ литературъ,—упоминавшіеся выше произведенія персидскаго поэта XIII вѣка, Саади—*Гюлистанъ (Кривыи долъ)* и *Бостана (Деревной садъ)*, бывшіе помѣщенными при нѣмецкомъ изданіи „Путешествія“ Олеарія. Содержаніе произведеній—собранія рассказовъ и анекдотовъ съ нравоучительными выводами. Переводъ сдѣланъ съ нѣмецкаго.

Отмѣтимъ также сборникъ, переведенный съ нѣмецкаго въ 1674 году, переводчикомъ посольскаго приказа Андреемъ Виніусомъ.—*Зрѣлище житія человеческого*. Сборникъ представляетъ собраніе басней и апологовъ самаго разнообразнаго содержанія; басни и апологи разбиты не по рубрикамъ, какъ въ „В. Зерцалѣ“, а являются самостоятельными частями, при чемъ мораль выводится изъ каждой повѣсти отдѣльно...

Уже съ XVI вѣка въ московской Руси видимъ переводы западныхъ рыцарскихъ романовъ и повѣстей

„о витязяхъ добрыхъ“,—о славномъ рыцарь *Трычань (Тристанъ)*, о *Анцалотъ (Ланцелотъ)* и о *Бовъ и о иныхъ многихъ витезтьхъ добрыхъ*, какъ читается въ заглавіи цѣлаго ряда такихъ повѣстей въ такъ наз. Познанской рѣси XVI вѣка.

„Лучшимъ временемъ рыцарскаго романа, говоритъ акад. Пыпинъ, авторъ классическаго труда по исторіи нашей старой повѣсти,—былъ конецъ среднихъ вѣковъ, когда онъ принялъ свою окончательную форму, и вмѣстѣ съ другими преданіями и сагами среднихъ вѣковъ, получилъ обширное распространеніе: каждая замѣчательная исторія имѣла множество переводовъ и была знакома цѣлой массѣ читателей владѣлъ отъ первоначальной родины... Иные изъ романовъ переводимы были почти на всѣ европейскіе языки, первопечатныя изданія ихъ принадлежатъ къ числу древнѣйшихъ и рѣдчайшихъ инкунабуловъ. Въ заключеніе своихъ странствованій рыцарскіе романы, путемъ польскихъ переводовъ, заходили и въ нашу старинную письменность. Если къ понятіямъ нашихъ читателей не подходили картины любви, нѣжной и самоотверженной, то нравились богатырскія похожденія, описанныя въ этихъ исторіяхъ: физическая сила и храбрость рыцарей, непреодолимая охота совершать трудные подвиги, любовь къ странствіямъ, соединеннымъ съ чудесами и опасностями, сближали чужихъ паладиновъ съ богатырями нашего сказочнаго эпоса, такъ что иные переводные романы въ самомъ дѣлѣ стали рядомъ съ чисто народными произведеніями. Такимъ героемъ былъ напр. *Бова Королевичъ*... Въ одномъ спискѣ его исторіи, принадлежавшемъ XVIII вѣку, читатель или переписчикъ выразилъ свое мнѣніе объ этомъ героѣ такимъ образомъ, заканчивая повѣсть: „И почелъ Бова жить на старинѣ... лиха избывать, а добра наживать, а Бовѣ слава не минетца, отнынѣ и до вѣка“...

Исторія Бовы Королевича, какъ мы видимъ изъ упомя-

нутой Познанской рукописи—была однимъ изъ самыхъ первыхъ у насъ западныхъ романовъ. Имя героя указываетъ на рыцарскій романъ, относящійся къ циклу сказаній о Карлѣ В. и внесенный въ знаменитую поэму-хронику среднихъ вѣковъ *Reali di Francia*,—явившуюся ок. первой пол. XIV вѣка. Содержание *Reali di Francia* („Королевичи Франціи“) въ своемъ полномъ составѣ обнимаетъ всю исторію Карла В., съ его предками и потомками; хроника распадается на шесть книгъ,—изъ которыхъ четвертая посвящается прототипу русскаго „Бовы“, Буово д' Антону. Сполна хроника въ первый разъ была напечатана въ 1491 году, въ Моденѣ; послѣ того печаталась множество разъ,—и заключая въ себѣ обильный матеріалъ разнаго рода рассказовъ, повѣстей, преданій, сдѣлалась источникомъ для многихъ послѣдующихъ поэтовъ и романистовъ. Нашла своего передѣлывателя и исторія Буово д' Антона. Въ 1480 г. въ Болоньѣ явилась основанная на IV книгѣ хроники, *стихотворная поэма*, имѣвшая необыкновенный успѣхъ. Дѣйствующими лицами поэмы являются: Блондойя (*Blondioia*), молодая супруга герцога Гвидона,—послѣдній царитъ въ градѣ Антонѣ (*il duca Guidone d' Antona*); Ризардо (*Rizardo*), слуга Блондойи; Додонъ Майнцкій (*Dodon di Maganza*), сосѣдній герцогъ, котораго любитъ Блондойя; Бово (*Buovo d' Antona*), единственный сынъ Блондойи и Гвидона; Синибальда (*Sinibaldo*), дядька Бово; служанка Блондойи; Арминіонъ (*Erminione*), армянскій царь, въ которому въ конюхи попадаетъ Бово; Друзіана (*Drusiana*), дочь армянскаго царя; Маркабрунъ (*Masabruno*), сосѣдній король, одинъ изъ претендентовъ на руку Друзіаны; Султанъ Садонскій (*Soldan de Sadonia*), сосѣдній король, который нападаетъ на Арменію; его сынъ Лукаперъ (*Lucafer*), богатырь-великанъ, притязатель на руку Друзіаны; Уголинъ (*Udolino*), братъ Арминіона, дядя Друзіаны; Мальгарія (*Malgaria*), дочь

Султана Садонскаго, сестра Лукапера; Пуликанае (Pulicape), одинъ изъ свиты Маркабруна, полу-человѣкъ, полупесь, сильное чудовище, которому нѣтъ равнаго на бѣгу; Оріо, герцогъ, непокорный ленникъ короля Маркабруна; Синибальдо и Гвидонъ, дѣти Друзіаны и Бово; Терисъ, сынъ Синибальдо; Пипинъ, король Франціи, союзникъ Додона; Пассамонтъ, король, претязатель на руку Мальгаріи,—наконецъ, жители Антона, карабельщики, купцы и т. д.

Эта стихотворная поэма и послужила оригиналомъ для нашего романа-сказки. Какимъ образомъ итальянская поэма (или та или другая ея редація) сдѣлалась извѣстной у насъ, была ли она переведена непосредственно, или предварительно прошла сквозь какую нибудь славянскую передѣлку,—ислѣдователи не рѣшаются сказать положительно. По мнѣнію однихъ, поэма могла быть занесена жонглерами въ кабую-либо итальянско-славянскую среду, и отсюда перешла въ Россію; въ своихъ далекихъ странствованіяхъ жонглеры „могли заходить на рубежи итальянско-славянскаго міра и заносить туда рассказы о карловингахъ и рыцаряхъ Круглаго Стола, издавна популярныя въ Италіи“... Другіе думаютъ, что повѣсть могла быть занесена заѣзжими итальянцами, сопровождавшими царевну Софью Палеологъ; „на такой ранній переходъ ея къ намъ указываетъ между прочимъ и та родственная связь, которая давно уже установилась между нею и нашими былинами, въ пересказѣ однихъ и тѣхъ же подробностей, а также и заимствованіе изъ сказки о Бовѣ богатыря Пуликана, который закрѣпленъ въ нашихъ былинахъ“... На происхожденіе русской передѣлки непосредственно изъ итальянскаго источника указываютъ такіа данныя, какъ „Милитриса“—*Meretrice*, *meretrix*; Салтанъ—*Soldans*, *задонскій*—*di Sadonia* и т. п. Какъ бы то ни было, романъ рано приобрѣлъ у насъ

особую популярность, и явился тѣсно связаннымъ съ нашимъ народнымъ эпосомъ.

Безчисленные лубочныя изданія „Бовы“ представляютъ двѣ редакціи,—болѣе полную и сокращенную (на 32 листахъ и на 8 лл.). Первая носитъ заглавіе: „Сказка полная о славномъ сильномъ, храбромъ и непобѣдимомъ витязѣ Бовѣ Королевичѣ и о прекраснѣйшей супругѣ его королевнѣ Друженевнѣ“; вторая, сокращенная: „Гисторія о храбромъ и славномъ витязѣ Бовѣ Королевичѣ и о смерти отца его“. Полная редакція ведетъ свое начало отъ одной изъ двухъ группъ, на которыя распадаются русскіе списки. Представителемъ первой группы можетъ быть приблизительно названъ текстъ сказки, изданный въ „Памятникахъ древней письменности“, по рук. XVII в.: „Сказанія про храбраго витязя про Бову Королевича“ (Вып. I, Слб., 1879); представителемъ второй—текстъ, изданный акад. Веселовскимъ: „Слово о вѣкомъ храбромъ витязѣ и о славномъ богатырѣ о Бовѣ Королевичѣ“... Это распредѣленіе списковъ—лишь приблизительное, не рѣшающее. „Въ обоихъ редакціяхъ, замѣчаетъ изслѣдователь, Милитриса очутилась собственнымъ именемъ, имя Блондой исчезло, вмѣсто Бово—Бова; Пулканъ—Полканъ; Друженена—Друженена. Друженена; св. Семіонъ—Суминъ. Явились новыя имена: отецъ Милитрисы—Кирбичъ, Кирбитъ Верзауловичъ, царствующій въ Дементіанѣ градѣ и т. д.

Какъ уже было нами упомянуто, древнѣйшая русская редакція повѣсти о Бовѣ Королевичѣ дошла до насъ въ такъ наз. познанской рукописи XVI в. (хранится въ Познанской публичной библиотекѣ), на которую впервые еще въ 40-хъ гг. указалъ Бодянский и которая лишь въ самое послѣднее время подробно была обслѣдована, а отчасти и издана, акад. Веселовскимъ. Познанская рукопись, какъ мы уже замѣтили, заключаетъ въ себѣ цѣлый рядъ повѣстей,—подъ общимъ заглавіемъ: „Починается повѣсть о витезяхъ съ

книгъ сербскихъ, а зваца (именно) о славномъ рыцере Трычанѣ, о Анцалотѣ (Лонцелотѣ) и о Бовѣ и о иныхъ многихъ витезѣхъ добрыхъ“... Самый текстъ повѣсти о Бовѣ, находящійся дальше, носитъ въ рукописи заглавіе: „Исторія о княжати Кгвидонѣ“. Ближайшій литературный источникъ какъ для Бовы, такъ и для другихъ, помѣщенныхъ здѣсь, повѣстей, точно указывается въ приведенномъ заглавіи: „съ книгъ сербскихъ“... Эти исходные сербскіе тексты, „книги сербскія“—пока остаются неизвѣстными; но что бѣлорусскій текстъ рукописи былъ взятъ дѣйствительно „съ книгъ сербскихъ“, это отчасти доказывается нѣкоторыми, какъ бы застрявшими въ познанскомъ текстѣ, сербизмами... Оригианаломъ для „сербскихъ книгъ“ служилъ источникъ итальянскій,—что доказывается опять нѣкоторыми также случайно оставшимися въ познанскомъ текстѣ слѣдами итальянскаго языка...

„Исторія о Гвидонѣ“ познанской рукописи однако—не одно и то же, что „Сказаніе о Бовѣ“, читаемое въ нашихъ народныхъ пересказахъ повѣсти. „Сказаніе“ такъ часто переписывалось и пересказывалось, что приняло совершенно русскій стилистическій колоритъ,—между чѣмъ исторія о Гвидонѣ носитъ на себѣ еще замѣтные слѣды „сербскихъ книгъ“, съ которыхъ взятъ познанскій текстъ. Самые тексты русской повѣсти не одинаковы; въ нихъ изслѣдователь приблизительно намѣчаетъ двѣ редакціи,—обѣ эти редакціи въ извѣстныхъ пунктахъ одинаково приближаются къ познанскому тексту, и въ то же время одинаково далеко уходятъ отъ него въ другихъ...

Какъ мы уже замѣчали, на Руси „Бовѣ“ досталась особая популярность. Въ 1693 году, въ числѣ „потѣшныхъ книгъ“ царевича Алексѣя упоминается „книга въ лицахъ о Бовѣ Королевичѣ“,—но дошедшіе до насъ отъ XVII в. списки повѣсти своимъ языкомъ, совершенно народнымъ, наглядно показываютъ, что для этого вѣка повѣсть была далеко не новинкой...

„Нѣвкоемъ было царствѣ, въ великомъ государствѣ, въ славномъ градѣ во Антонѣ“ и т. д. (списокъ XVII в.); или: „Бысть нѣкій король именовъ Гвидонъ въ славномъ градѣ Антоновѣ, младъ весьма и храбръ, и збиралъ себѣ во градѣ храбрыхъ витязей во златыхъ поясѣхъ, и охочъ былъ въ чистомъ полѣ тѣшитца съ соколы и ястребы и съ выжлецы“ и т. д. (списокъ XVII—нач. XVIII в.)—этотъ языкъ повѣсти показываетъ, въ какой степени она уже обнародовѣла къ XVII—нач. XVIII в.в.

Рядомъ съ повѣстью о Бовѣ Королевичѣ изъ западноевропейскихъ рыцарскихъ романовъ и повѣстей, перешедшихъ къ намъ въ XVII вѣкѣ,—особенной популярностью пользовались у насъ романы: *О Мелюзинѣ и Повѣсть о благородномъ князѣ Петрѣ Златыхъ-Ключахъ и о благородной королевнѣ Мамленѣ*.

Основа романа *О Мелюзинѣ* связана съ весьма развитымъ цикломъ сказаній и повѣрій о феяхъ, женщинахъ-оборотняхъ. Превращеніе женщины въ змѣю—довольно обыкновенный мотивъ романтическаго эпоса; онъ повторяется и въ нашей извѣстной сказкѣ объ Иванѣ царевичѣ и Жарь-птицѣ, гдѣ герой, Иванушка, женится на женщинѣ-лягушкѣ, которая потомъ оказывается могущественной волшебницей... Первая редакція романа явилась во Франціи въ концѣ XIV столѣтія. Значительно передѣланное и измѣненное, произведеніе дало основу для французскаго романа, напечатаннаго въ 1478 году; нѣсколькими годами раньше вышелъ нѣмецкій переводъ... Въ русскую письменность исторія о Мелюзинѣ перешла изъ Польши. Въ дошедшемъ спискѣ XVII в. романъ не имѣетъ заглавія; въ началѣ, на первыхъ страницахъ указывается лишь содержаніе отдѣльныхъ его главъ. Въ концѣ послѣдней главы имѣется точная дата перевода: повѣсть „съ французскаго языка на латинскій переведена бысть лѣта отъ Р. Христова 1400, съ нѣмецкаго же на польскій пореведена лѣта Господня 1569,—

нынѣ же, прибавляетъ переводчикъ, съ польскаго на славено-россійскій языкъ переведена лѣта 7185 (=1677) генваря въ 12 день "... Языкъ перевода страдаетъ полонизмами.

Прототипомъ бывшей у насъ столь популярной *Исторіи о храбромъ князѣ Петрѣ Златыхъ-Ключахъ и о прекрасной королевнѣ Магиленѣ Неаполитанской* былъ французскій романъ, древнѣйшая редакція котораго относится ко второй половинѣ XV вѣка. Въ немъ разсказывается судьба нѣжно любившихъ другъ друга Петра, графа Прованскаго, и Магелоны, дочери короля Неаполитанскаго: разлученные несчастными обстоятельствами, они долго страдали, не имѣя другъ о другѣ никакой вѣсти, пока наконецъ, послѣ длинныхъ заключеній, не соединились снова... Исторія Петра Прованскаго помѣщена Сервантесомъ въ его *Донъ-Кихотѣ*. Предполагають, что романъ Магелоны заимствованъ изъ дѣйствительности: въ Провансѣ до сихъ поръ сохраняется гробница этой принцессы; подлѣ Марселя одинъ изъ острововъ носитъ даже ея имя, а въ Мадридскомъ арсеналѣ показываютъ ключъ, „которымъ Петръ Прованскій заводилъ своего коня“... Къ намъ повѣсть была занесена изъ Польши. Переводъ явился въ началѣ или половинѣ XVII вѣка; въ 1693 году, въ числѣ книгъ царевича Алексѣя Петровича, упоминается уже потѣшная книга въ лицахъ „Петръ Златые-Ключи“. Повѣсть скоро перешла въ дубочныя изданія, но въ сильно сокращенномъ видѣ, лишь въ извлеченіи. Въ Россіи имя героя укрѣпилось даже за однимъ урочищемъ: въ саратовской губерніи есть мѣстечко „Петръ Златые-Ключи“...

Повѣсть въ дошедшихъ рукописяхъ носить заглавіе: „Сказаніе о Петрѣ Кралевичѣ французскомъ, нарицаемаго Златыхъ Ключевъ, и прекрасной его супругѣ, неаполитанскаго краля дщери, имянемъ Магилены, о снитіи ихъ и житіи ихъ, зѣло умиительно слушающимъ“, или: „Исторія о славномъ рыцарѣ неаполитанскомъ князѣ Петрѣ Златыхъ

Ключей и о прекрасной королеви́ Магиленѣ дѣвицѣ, о жити́ и о походе́нии ихъ“. Тексты представляютъ мѣстами различіе, но „происходятъ отъ одного перевода“. Въ одномъ изъ списковъ находится предисловіе, предполагають, русскаго переводчика,—которое хорошо выражаетъ то необыкновенное уваженіе, съ которымъ относился къ книгѣ переводчикъ, и съ которымъ конечно относились къ роману и вообще современные русскіе читатели. Языкъ предисловія отчасти показываетъ и вообще точку зрѣнія тогдашняго русскаго читателя на переводную повѣсть... „Читателю любезный! начинаетъ свое предисловіе переводчикъ: Сладость медвеная улаждаетъ гортань, а слово душу; ни откуда бо, точию отъ вкуса познается сладость, а отъ повѣданія умныхъ мудрость... Мы же полезное являти будемъ инымъ на подвигъ усердный. Сего ради молю ти, внигнувъ въ сію святую (!..) книгу..., отъ нея же познаеши, вако во единомъ Бозѣ надежду житія же учить... Молю не просто прочитати сію книгу, но со усердіемъ... Сладко вамъ божественное писаніе, братіе, не точию почитающимъ... Яко и сія благородная княжата, о нихъ же повѣствованіе предлежитъ, глаголю, великопрестольнаго и славнаго королевича Петра, иже паче тлѣнной славы небесную возлюби... Молю убо умѣющихъ щедробливость и твердость, надежду во Господѣ, о таковыхъ благожелательнѣ послушати“... и т. д. Языкъ самаго разсказа совершенно напоминаетъ обычный старый стиль „житія“: „Въ лѣто отъ воплощенія Божія Слова осмосотное, индикта перваго, во дни Федерика царя Пятаго во Ишпаніи велицѣй, бысть чудо преславное“... и т. д. Впрочемъ, вообще языкъ перевода—русскій, лишь съ незначительной примѣсью полонизмовъ, которые „не составляютъ замѣтнаго недостатка въ изложеніи, доходящемъ нерѣдко до чисто народнаго склада“...

Однимъ изъ выдающихся фактовъ польскаго вліянія на русскую письменность XVII вѣка является переходъ къ намъ

изъ Польши *повѣстей смѣхотворныхъ*, польскихъ *фраш-ковъ, жартъ, фацецій* (*fraszka*—бездѣлица, малость, шутка). Элементъ назидательный, господствующій въ такихъ сборникахъ, какъ „Великое Зерцало“ „Римскія Дѣянiя“, и т. п.,— въ „повѣстяхъ смѣхотворныхъ“ окончательно уступаетъ направленiю чисто - повѣствовательному, анекдотическому. За интересностью разсказа, мораль совершенно упускается изъ виду. Читателя начинаетъ интересовать самый разсказъ, самое событiе, безъ всякаго отношенiя къ его нравоучительности; чтенiе съ цѣлями нравоучительными быстро стало уступать мѣсто чтенiю, гдѣ „дидактическiй интересъ смѣнялся простымъ историческимъ любопытствомъ“... Въ западной Европѣ появляется множество собранныхъ историческихъ разсказовъ, анекдотовъ о знаменитыхъ людяхъ, особенно изъ греческой и римской исторiи... Последняя и прежде нерѣдко выводилась на сцену въ сборникахъ дидактическаго характера, но—играла лишь служебную роль, была иллюстрацiею къ нравоученiю, морали; теперь она прiобрѣтаетъ самостоятельный интересъ для читателя. За историческимъ анекдотомъ въ сборники скоро входятъ новелла, шутка. Последнiй элементъ особенно быстро становится на первый планъ. Возникаетъ особый разрядъ сборниковъ—*шуточныхъ, facetiae* (*facetia*, — забавная вещь, смѣшной случай). Сборники этого рода рано явились въ западныхъ литературахъ, и находили себѣ массу читателей. Надъ составленiемъ такихъ сборниковъ трудились иногда люди очень ученые, извѣстные своими серьезными трудами; таковъ напр. былъ Поджіо Браччіоллини (+ 1459), котораго считаютъ даже основателемъ этого направленiя въ средневѣковой литературѣ. Во всякомъ случаѣ со времени выхода его *Фацецій* (*Poggii Florentini Facetiarum Liber*, — издано первоначально въ Римѣ и Венеціи въ 1470 году), направленiе это особенно усиливается. Изъ послѣдователей Поджіо наиболѣе извѣстны: Генрихъ Бебель, Фриш-

линъ, Меландръ. Первые сборники „Фацецій“ появились на латинскомъ языкѣ; послѣдній нисколько не мѣшалъ ихъ популярности, —этотъ языкъ въ то время былъ языкомъ всего образованнаго и вообще читавшаго общества. Но уже очень скоро Фацеціи начали появляться и на языкахъ народныхъ. Содержаніемъ „были по ббльшей части какія-нибудь смѣшныя приключенія, насмѣшки надъ легковѣріемъ и непостоянствомъ женщинъ, недогадливостью мужчинъ; но нерѣдко выставлялись здѣсь и комическія стороны общественной жизни, притязанія сословій,—съ этой стороны „фацеціи“ примыкали къ чисто-сатирической литературѣ. Наконецъ здѣсь же читатель находилъ остроумныя изреченія и фарсы“... Въ старинной польской литературѣ западныя фацеціи были довольно распространены; изъ Польши произведенія этого рода—въ цѣлыхъ сборникахъ и отдѣльными разказами, анекдотами переходили и къ намъ. Таковы *Фрашки сирѣчь издѣвки, факейи или жарты польски, издѣвки смѣхотворны московски*...—читаемыя въ одной рукъ XVII в. Въ рукописи указывается и время перевода: „добрѣ съ польскаго исправлены языка печатать поданы сто осмьдесятъ осьмого (1718—1780), ноембрія дня осмага“...

Въ ряду „стихотворныхъ повѣстей“ въ нашу письменность въ XVII в. перешло и нѣсколько *новеллъ* Боккаччо (1315—1374). фактъ, замѣчаетъ изслѣдователь „любопытный, по его неожиданности“... Новеллы эти большею частью по-видимому перешли также изъ польскихъ передѣлокъ.

Были впрочемъ—одновременно—вліянія на литературу Московской Руси, шедшія и помимо Польши или даже Запада: едва ли нѣкоторыя сказанія не переходили въ древнюю Русь непосредственно съ Востока... Относительно этого, изслѣдователями высказываются лишь предположенія,—основанія къ которымъ даютъ такіе памятники нашей старой пись-

менности, какъ *Слово о дѣтнадцати снахъ Шахашши*, *Повѣсть о Шемякиномъ судѣ*, *Сказка о Ерусланѣ Лазаревичѣ*, и нѣкоторыя другія под. Передъ нами группа повѣстей, въ которыхъ мотивы и сказанія западно-европейскихъ литературъ самымъ неотдѣлимымъ образомъ связываются съ преданіями и сказаніями литературъ Востока,—иногда, въ отношеніи къ нѣкоторымъ памятникамъ этой группы, съ самымъ рѣшительнымъ преобладаніемъ элементовъ туземныхъ, чисто русскихъ... Типичнымъ образчикомъ послѣдняго,—образчикомъ именно такой литературной передѣлки иноземныхъ сюжетовъ и сказаній въ произведеніе національное, народное—является упомянутая сейчасъ *Повѣсть о Шемякиномъ судѣ*.

Пересмотръ всего прежде сдѣланнаго и новое обслѣдованіе повѣсти представлено въ монографіи акад. М. И. Сухомятинова: *Повѣсть о судѣ Шемяки*. Приложение къ XXII т. Зап. И. Ак. Наукъ Спб., 1873. Вотъ результаты его изслѣдованій.

Дѣлая очеркъ предшествовавшего научнаго изученія повѣсти,—указывая на труды здѣсь Гейдеке (Heideke), фонъ-дѣръ-Гагена (v. d. Hagen), Дитриха (Dietrich) Бенфея (Benfey), Пыпина, Тихонравова, Буслая и Афанасьева, — Сухомятиновъ соглашается съ характеристикою памятника, сдѣланнаго Тихонравовымъ. По мнѣнію послѣдняго, „наша сатирическая повѣсть сложилась своеобразно подъ условіями нашего быта и воззрѣнія, но матеріалы ея (основная сага) принадлежатъ въ такой же степени и восточнымъ и западно-европейскимъ литературамъ. Истиннымъ героемъ нашей повѣсти остается убогій,—изворотливый умъ котораго торжествуетъ и надъ случайностями житейскими, и надъ матеріальною силою богача, исцовъ и самого судьи Шемяки“... Въ своей моногра-

фіи, путемъ самостоятельныхъ научныхъ исследованийъ и соображеній, авторъ приходитъ, въ общемъ, къ тому же взгляду на памятникъ.

Авторъ начинаетъ съ того, что представляетъ сводный текстъ повѣсти,—на сколько она сохранилась у насъ въ нашихъ народныхъ сказкахъ, старинныхъ рукописяхъ и лубочныхъ картинахъ (стр. 7—12). Переходя къ историко-литературному обследованію своднаго текста, авторъ замѣчаетъ: „Для вѣрной постановки вопроса о происхожденіи и составѣ русской повѣсти, необходимо имѣть въ виду слѣдующія обстоятельства: необычайность, затѣйливость рѣшеній судьи; подробности дѣйствій подсудимаго и произносимыхъ надъ нимъ приговоровъ—держать у себя лошадь пока выростетъ у ней хвостъ, прижить ребенка, упасть съ высоты на подсудимаго и т. п.; общій характеръ судьи и подсудимаго, и связь памятника, въ общемъ и частностяхъ, съ однородными ему произведеніями другихъ литературъ“... Авторъ начинаетъ съ послѣдняго тункта; онъ передаетъ содержаніе родственныхъ нашей повѣсти сказаній другихъ литературъ—тибетской сказки изъ Дзанглуна, индѣйской сказки о каирскомъ купцѣ и средневѣковой нѣмецкой пѣсни о судѣ Карла В. Сравнивая съ названными произведеніями нашу повѣсть, акад. Сухомлиновъ замѣчаетъ: „При сравненіи русскаго сказанія съ иностранными (во всемъ объемѣ перваго и послѣднихъ), бросается въ глаза отсутствіе въ немъ одного и весьма существеннаго обстоятельства, именно — условія и приговора о вырѣзаніи мяса у несостоятельнаго должника“... Затѣмъ, переводя къ частностямъ повѣсти, къ отдѣльнымъ чертамъ ея сюжета,—авторъ указываетъ родственныя имъ подобныя же черты въ литературахъ другихъ народовъ, кромѣ сказаній тибетскаго, индѣйскаго и средневѣковаго нѣмецкаго, въ юмористическихъ разсказахъ и народныхъ книгахъ польской

литературы и нѣмецкой. Указавши эти литературныя связи (въ общемъ и частностяхъ) нашей повѣсти съ подобными же сказаніями другихъ литературъ, авторъ замѣчаетъ: „Одна изъ важнѣйшихъ особенностей русской повѣсти заключается въ томъ, что судья является въ ней олицетвореніемъ кривды, между тѣмъ какъ въ подобныхъ сказаніяхъ другихъ народовъ судья дѣйствуетъ, какъ представитель правды. Шемяка поступаетъ своекорыстно, въ надеждѣ получить взятку, а между тѣмъ рѣшенія его въ сущности, по понятіямъ народа, вѣрны: они совпадаютъ съ рѣшеніями такихъ народныхъ идеаловъ справедливости, какъ Соломонъ и Карлъ V. Этотъ разладъ между стремленіями и дѣйствіями одного изъ главныхъ лицъ повѣсти наводитъ на мысль о различныхъ началахъ, изъ которыхъ она постепенно слагалась. Какъ самый составъ ея, такъ и возрѣніе на судей, лежащее въ ея основѣ, зъ значительной степени разъясняется при помощи семитическихъ легендъ. Въ нѣхъ же встрѣчается одна изъ выдающихся чертъ, которой еще не найдено аналогической—рѣшеніе судьи воротить лошадь только тогда, когда у ней снова выростетъ хвостъ. Камень также является здѣсь, какъ орудіе мести неправедному судѣѣ“... Обращаясь къ памятникамъ еврейской литературы, изслѣдователь приводитъ изъ *Вавилонскаго Талмуда* и *Книги Праведнаго* рассказы о несправедливостяхъ содомскихъ судей. Подобно тому, какъ въ еврейской легендѣ, заключаетъ Сухомлиновъ, серьезное, обличающее повѣствованіе о жестокихъ и неправедныхъ судьяхъ отдѣляется сатирою..., такъ и въ русской повѣсти серьезное перемѣшивается съ забавнымъ. Не отрицая сатирическаго характера русской повѣсти—продолжаетъ авторъ—должно замѣтить, что насмѣшка представляетъ въ ней позднѣйшимъ наслоеніемъ и не на одной только заимствованной, но и на чисто русской основѣ. Въ народной сказкѣ до самаго ея заключенія, совпадающаго съ текстомъ

лубочныхъ картинъ, нѣтъ и тѣни сатиры... Главное дѣйствующее лицо въ „Шемякиномъ Судѣ“—честный бѣднякъ, чрезвычайно ловко избѣжавшій опасности: убогій братъ также „переклюкалъ“ богатаго брата и всѣхъ своихъ вороговъ, какъ Ерема-дуракъ и Иванушка-дурачекъ перехитрили своихъ лукавыхъ и несправедливыхъ братьевъ“...

Въ нашей повѣсти Сухомлиновъ видитъ какъ бы нѣсколько наслоеній: „Въ составѣ русской повѣсти, говоритъ онъ, слышится нѣсколько мотивовъ; любимыя идеи народной словесности о побѣдѣ правды надъ кривдой, о спасеніи несчастнаго отъ злобы сильныхъ міра—сливаются съ чергами изъ сказанія о судахъ, распространеннаго у индоевропейскихъ и семитическихъ народовъ. Въ наиболѣе давнемъ словѣ повѣсти изображается судьба бѣдняка, въ погѣ лица работавшаго на богача-брата и сохранившаго жизнь его сына... При дальнѣйшемъ развитіи легенды, эпическій характеръ мало по малу сглаживается, уступая мѣсто чергамъ дѣйствительной жизни и неизбѣжному спутнику изображенія ея въ литературѣ—началу сатирическому. Съ появленіемъ этого начала послѣдовало измѣненіе мотива, и праведный судья изъ эпического представителя доброй силы, охраняющей несчастіе, превратился въ судью неправеднаго—кривосуда и взяточника“.. Въ сатиру повѣсть превратилась не вдругъ; въ повѣсти не все, что кажется сатирическимъ на нашъ взглядъ, казалось такимъ современнымъ читателямъ: „законъ возмездія въ буквальномъ смыслѣ слова, немного отличающійся отъ рѣшенія Шемяки о чужой женѣ и убійцѣ старика, былъ во всей силѣ своей въ русскомъ обществѣ XVII в“... Впрочемъ, въ концѣ XVII в. повѣсть превратилась уже въ сатиру. „Много времени прошло до той поры, пока разбираемая нами повѣсть изъ серьезной и назидательной легенды о праведномъ судѣ превратилась въ сатиру на взяточниковъ. Постепенное наслоеніе, видоизмѣнявшее древнюю основу, совершалось подъ вліаніемъ

различныхъ источниковъ, — какъ устныхъ, такъ и письменныхъ, какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ. Въ ряду послѣднихъ видное мѣсто должно быть удѣлено семитическимъ сагамъ и сказаніямъ, которыя разносились евреями повсюду, и безспорно извѣстны были и на Руси“... Что касается до чертъ собственно русскихъ, то таковыми является въ повѣсти масса подробностей, взятыхъ изъ русскаго быта, и има судьи, — „Шемяка“...

Общая масса переходившихъ къ намъ съ Запада въ XVI—XVII вв. свѣтскихъ переводныхъ произведеній не представляла собой ничего, кромѣ легкаго, пріятнаго чтенія, нерѣдко даже слишкомъ легкаго; но они находили большой и охотный кругъ читателей. Свѣтское содержаніе переводной беллетристики представляло особый интересъ для нашихъ читателей, — сравнительно съ строго духовнымъ, нерѣдко прямо аскетическимъ содержаніемъ почти безраздѣльно господствовавшимъ до того времени въ нашей литературѣ.

„Главное, чѣмъ рыцарскіе романы и другія переводныя исторіи приобрѣли значеніе въ то время, замѣчаетъ Пыпинъ, было то, что они возбуждали и поддерживали охоту къ легкому и пріятному чтенію, — отсюда названіе ихъ „потѣшныя книги“, — оттого они нерѣдко представлялись „въ лицахъ“ или „въ личныхъ фигурахъ“, съ которыми уцѣлѣли до сихъ въ любочныхъ изданіяхъ“... Отсюда — и ихъ общее литературное значеніе...

Переходившая къ намъ западно-европейская литература, свѣтскаго характера своимъ содержаніемъ замѣтно вліяетъ на измѣненіе характера и направленія. и нашей собственной, оригинальной литературы. Западные переводы быстро способствуютъ расширенію литературныхъ рамокъ, разнообразію

и обогащенію литературнаго содержанія,—общему развитію и росту нашей литературы. Вмѣстѣ съ тѣмъ,—переходившая къ намъ западно-европейская свѣтская литература своимъ содержаніемъ оказываетъ могущественное вліяніе на развитіе собственной, самостоятельной свѣтской повѣсти. За весь предшествовавшій періодъ русской литературы, интересы чтенія были исключительно моральные, религіозные. Окружающая дѣйствительность игнорировалась: литература траговала исключительно о вопросахъ духовнаго спасенія... Теперь, въ XVI—XVII вв., при наплывѣ въ нашу письменность свѣтскихъ иноземныхъ произведеній, шутиваго, а нерѣдко и скабрезнаго содержанія,—задачи и цѣли литературы упрощаются: она какъ-бы понижается въ глазахъ читателей, пріобрѣтаетъ болѣе обыденный, реальный характеръ, какъ бы болѣе земное направленіе. Переходъ отъ отвлеченныхъ, исключительно духовныхъ интересовъ къ реальнымъ вопросамъ жизни и дѣйствительности—теперь сталъ легче... Въ литературѣ возникаютъ первые опыты самостоятельной шутивой повѣсти, сатирическаго и юмористическаго разсказа, первыя попытки частью шутиваго, частью критическаго отношенія къ дѣйствительности... Для общества какъ-бы наступаетъ время разсужденія, критическаго наблюденія надъ тѣмъ, чѣмъ оно живетъ, что его окружаетъ; фантазія начинаетъ почерпать свои образы изъ живаго наблюденія надъ дѣйствительной жизнью. Подъ вліяніемъ переводныхъ образцовъ, въ московской литературѣ XVI—XVII вв.—уже довольно значительные размѣры пріобрѣтаетъ литература повѣствовательная оригинальная,—оригинальная свѣтская повѣсть, разсказъ...

Дѣлаемъ нѣсколько общихъ замѣчаній объ этомъ отдѣлѣ нашей литературы XVI—XVII вв.

Какъ и вся наша литература древняго періода, древне-

русская повѣсть очень долгое время сохраняла характеръ строго духовный, церковный. Это—скорѣе легенда, отчасти „житіе“... Съ областью житій повѣсть особенно долго сохраняетъ непосредственную связь. Нѣкоторыя повѣсти XV—XVI вв. трудно отличить отъ „житій“. Таковы напр. смоленская *Легенда о Меркуріи*,—*Повѣсть о Юліаніи Милостивой*,—*Повѣсть о Петрѣ царевичѣ и супругѣ его Февроніи*,—*Сказаніе о явленіи унженскаго креста* и др. пп. Такъ въ *Повѣсть объ Акирѣ Премудромъ* русскій читатель вноситъ свой колоритъ: мудрецъ алевитской и азорской земли и ближайшіе къ нему лица, герои „Тысячи и одной ночи“—получаютъ въ русскомъ пересказѣ характеръ „угодниковъ божіихъ“... Господствующій тонъ литературы такъ силенъ, что ему не можетъ не подчиниться и заносный, иностранный сюжетъ... „И призрѣвъ Господь Акира на смиреніе—излагаетъ русскій пересказчикъ—и сослалъ два ангела мирно глаголюща: Акирь, угодниче божій, не будетъ у тебя ни единого дѣтища“ и т. д. Повѣсть, слѣдуя общему литературному потоку, почти превращается въ легенду...

Русская повѣсть XVI—XVII вв. на первыхъ порахъ вращается въ области или чисто исторической или житійной. Вообще, наша повѣсть и въ XVII в. нерѣдко еще тѣсно связана съ старой полу-церковной, полу-легендарной повѣствовательной литературой, нерѣдко вращается или въ кругу тѣхъ же темъ и сюжетовъ или—если и затрогиваетъ новыя—обрабатываетъ ихъ по старому, въ прежнемъ церковномъ стилѣ,—сохраняетъ вообще самыя тѣсныя и непосредственныя связи съ содержаніемъ болѣе ранней легендарной литературы древней Руси, особенно апокрифической. Таковы напр. *Повѣсть о бѣсноватой жемъ Соломоніи*,—*Повѣсть о Саввѣ Грудцкынь*, *Сказаніе отъ книги, глаголемыя Пандокъ, о хранительномъ быліи, мерзкомъ зеліи, еже есть табаитъ*, написанная въ чисто апокалипсическомъ тонѣ,—сходная съ ней *Повѣсть о происхожденіи виннаго питія*, *Повѣсть о высокоумномъ хмтль*,

наконецъ, знаменитая *Повѣсть о Горь-Злочастіи*, какъ *Горь-Злочастіе* довело молодца во иноческій чинъ... Последняя не лишена широкой общечеловѣческой, философской основы. По мнѣнію изслѣдователя,—двѣ различныхъ струи сошлись, не помирившись, въ демоническомъ образѣ Горя. Съ одной стороны народныя фаталистическія представленія о лихой долѣ, прирожденной, навязанной человѣку, непокидающей его до могилы, неизбежной какъ рокъ. Онѣ дали народныя краски изображенію Горя... Эти народныя черты служатъ въ повѣсти въ характеристивѣ существенно другого образа,—демона христіанско-библейской легенды, древняго искусителя, нападающаго на человѣка, когда онъ, преступивъ заповѣдь, открывается вліянію грѣха"... Основной идеей и своими отдѣльными сторонами повѣсть сближается съ самыми различными произведеніями древне-русской письменности. Вѣшняя завязка повѣсти—наставленія родителей къ непокорному сыну—связываетъ повѣсть съ обширнымъ цикломъ древне-русскихъ „наставленій отъ отца къ сыну“; наставленія родителей напоминаютъ поученія Акиры и русскія передѣлки этого памятника; ближайшее слѣдствіе неповиновенія родителямъ—пьянство, разгулъ молодца—связываетъ повѣсть съ особымъ обширнымъ отдѣломъ древне-русской письменности, съ многочисленными „словами“ и „поученіями“ противъ „злого запойства“, отчасти—съ такими произведеніями, какъ *Домострой* и т. д. и т. д. Самый образъ Горя-злой доли вводитъ повѣсть въ циклъ чисто народныхъ пѣсенъ о злой долѣ, съ одной стороны, и въ область средне-вѣковой эсхатологіи и демонологіи, съ другой; повѣсть сближается здѣсь съ такими памятниками, какъ *Слово Палладія мниха о второмъ пришествіи Христовѣ*, *Мытарства Θεодоры*, *Слово Василія Великаго о прельщенномъ отроцѣ*, *Повѣсть о Тязіотѣ*, *воскресшемъ изъ мертвыхъ*, *Повѣсть о бодрости человѣческой пли Преніе живота съ смертью*,—наконецъ съ областью древне-русскихъ *Синодиковъ*, и т. д. и т. д.

Особый цикл древне-русских повѣстей вращается на почвѣ старой демонологіи,—при чемъ главное дѣйствующее лицо, „врагъ рода человѣческаго“, „бѣсъ“ къ XVII в. теряетъ свой прежній, страшный характеръ, — приобретаетъ черты бытовой, житейской обстановки, не столько устрашаетъ, „соблазняетъ“ и „строить козни“, сколько забавляетъ, попадаетъ самъ въ затруднительныя обстоятельства, дѣлается предметомъ насмѣшки. Съ такимъ характеромъ является отчасти уже кривой бѣсъ Палеи, обманутый при дѣлѣжѣ Соломономъ,—купый бѣсъ русскихъ и малорусскихъ разказовъ; окончательно съ такимъ характеромъ выступаетъ бѣсъ въ *житіи Иларіона Суздальскаго*, конца XVII в., и въ др. пп.

Скоро шутка, сатира переходить и на другія темы. Таковы *Повѣсть о бражникѣ*, *Сказаніе о роскошномъ житіи и веселіи* и др. пп. Для характеристики измѣнившихся воззрѣній, для характеристики нашего XIV—XV в. и XVII-го, особенно любопытно сравнить древнерусскія сказанія эсхатологическаго характера, группирующіяся напр. около Послания нов. арх. Василія „о раѣ“—съ названной сейчасъ „Повѣстью о бражникѣ“...

На почву стараго церковнаго повѣствованія довольно рано прокрадывается и пародія. Прежнія священныя темы, старые сюжеты дѣлаются предметомъ шутки, сатиры. Образцы этого рода имѣлись и въ переводной литературѣ; напр. *Сказаніе о блаженномъ Гроздіи и о осужденіи его*,—„пародія или на судопроизводство или на мученическое житіе“... Особенное значеніе въ этомъ отношеніи, нужно думать, имѣли различныя „смѣхотворныя“ повѣсти, „фацеціи“, переходившія къ намъ съ запада въ XVII в. „Эти разсказы могли приниматься охотно, потому что ихъ смѣхъ и сатира, не затрогивая глубокихъ вопросовъ, скользили на поверхности явленій, подлежащей практической жизненной оцѣнѣ, такимъ нехитрымъ опредѣленіемъ, какъ умѣлость или неудачливость, ловкость

или тупость и т. п. Эти рассказы отвѣчали потребностямъ народнаго юмора, нерѣдко находившаго въ нихъ вновь свои собственные сюжеты, и не перечили установившимся нравственнымъ воззрѣніямъ, только замѣняя ихъ серьезный тонъ—тономъ шутки“...

Ранѣе другихъ особенно быстро возникаетъ здѣсь группа повѣствованій о мудрыхъ женахъ, „мудрыхъ“, т. е. хитрыхъ, изворотливыхъ, — нерѣдко напоминавшія старыя темы „о женахъ злыхъ и злоязычныхъ и коварныхъ“... Таковы повѣсти о *женѣ, научившей медвѣдя грамотѣ*, — о *женѣ перелукавившей своего мужа*, — о *женѣ, обманувшей дьявола*, — о томъ, какъ жена мужа поминала, и т. п.

Къ области нашей свѣтской сатирической повѣсти XVI—XVII вѣковъ, отчасти еще связанной съ литературою переводной и областью литературы странствующихъ разказовъ, отчасти чисто русскаго происхожденія,—примыкаютъ далѣе такія произведенія нашей литературы этого времени, какъ—

Списокъ суднаго дѣла, какъ тягался лецъ съ ершомъ о Ростовскомъ озерѣ и о рѣкахъ, или Повѣсть сказуемаго Ерша Ершова, сына Щетинника и ябедника,—

Списокъ суднаго дѣла, какъ тягался волкъ съ лисицею,—

Челобитная монаховъ Калязина монастыря тверскому архіерею на архимандрита того монастыря [упоминаемый въ челобитной тверской архіепископъ Симеонъ былъ тверскимъ архіереемъ съ 1676 по 1682 гг.; около этого же времени управлялъ Калязинимъ монастыремъ и архимандритъ Гавріилъ],—

Списокъ съ челобитной (нач.: „Господину моему судѣ-свинѣ бьетъ челомъ и плачетца и за печь прячетца“...),—

Челобитная боярамъ,—

Роспись о приданномъ (нач.: „Въ началѣ восьми дворовъ крестьянскихъ, промежь лебеда, на старой Ревани, на доѣзжая Казани“ и т. д.),—

Повѣсть о попѣ Савѣ, о великой ево славі (нач.: „Послушайте, міряне и всѣ православныя христіане, что учинилось, великое чудо совершилось надъ глупымъ попомъ“...); за „повѣстью“ слѣдуютъ *Тропарь попа Савы гласъ 6*, далѣе *Сонъ попа Савы, большія славы, и Кондакъ попа Савы*,—

Сказаніе, какъ волка грамотъ учили (нач.: „Ты волку молвишь: азъ да буки; а волеъ: козы да бараны“...),—

Какъ баба діавола обманула (нач.: „Баба нѣкая вдова, въ горѣ жила“),—

Повѣсть о курѣ и о прекрасной лисицѣ (нач.: „Жиль человекъ нѣки, жилъ долги вѣки“...),—

Слово о бражникѣ, како внидоу въ рай,—

Повѣсть о Ермѣ съ Ѡмой и др. п.п.

Замѣчательное собраніе всѣхъ перечисленныхъ сейчасъ произведеній представляетъ одна изъ рукописей бывш. б-ки акад. Буслая, нынѣ И. Пуб. Б-ки, перв. четв. XVIII вѣка (№ 92).

Начавшая развиваться въ московской литературѣ XVI—XVII вѣковъ свѣтская оригинальная повѣсть въ своемъ содержаніи получаетъ около этого времени значительное подкрѣпленіе между прочимъ съ двухъ сторонъ,—со стороны старыхъ апокрифовъ, занимавшихъ такое выдающееся мѣсто во всей нашей древней письменности, и со стороны стояшей до сихъ поръ совершенно изолированно отъ книжной литературы устной безыскусственной народной поэзіи. Старые апокрифы въ московской литературѣ XVI—XVII вѣковъ, забывая о своемъ прежнемъ, строго церковномъ характерѣ, нерѣдко превращаются въ народный разказъ, шутиливую повѣсть, сказку... Таковы читаемыя въ рукописяхъ этого времени слѣдующія „сказанія“ и „повѣсти“:

Сказаніе о потопѣ и о Ноевѣ ковчегѣ и о столпотвореніи по потопѣ,—

Сказаніе скратиць о Давидь пророць, како царствова во Иерусалимь и отъ коего роду бысть, —

О премудрости Соломона и о прелюбодѣянїи жены его, како изведеса отъ Соломона къ Кипрскому царю, —

Повѣсть о царь Давидь и о сынъ его Соломонъ и о ихъ премудрости, —

Повѣсть царя Давида и сына его Соломона, —

Сказаніе о царь Агерь, —

Царя Соломона, о плазвивихъ женахъ и вѣкр. др.

Одновременно съ этимъ, какъ сейчасъ замѣчено, фактическое содержаніе возникающей повѣсти обогащается притовомъ произведеній устной безыскусственной поэзіи. Въ XVII в. мы видимъ уже довольно замѣтное взаимное вліяніе и взаимодѣйствіе между произведеніями книжной литературы и областью устнаго народнаго творчества. Книжная литература и теперь, какъ прежде, даетъ главную, преобладающую пищу народному творчеству; но теперь—и послѣднее начинаетъ, въ свою очередь, вліять на первую.... Въ повѣствовательную книжную литературу входитъ струя устной народной поэзіи, — произведенія устнаго народнаго творчества начинаютъ проникать въ книжную литературу, сюжеты народной поэзіи дѣлаются сюжетами книжныхъ произведеній, перелагаются въ повѣствовательную форму, варьируются и записываются или цѣликомъ или передѣлываются, даютъ сюжеты для силлабическихъ виршей, въ книжную литературу входитъ масса народныхъ пословиць, поговорокъ, различныхъ полу-книжныхъ, полу-народныхъ притчъ и т. д. и т. д. Нѣсколько драгоценныхъ подобныхъ произведеній нашей книжной литературы XVI, XVII—нач. XVIII вв., отчасти еще неизданныхъ, имѣется въ упомянутомъ собраніи Буслаева, поступившемъ въ И. Пуб. Б-ку; отмѣтимъ *Былину о Ставрѣ Годиновичѣ, Повѣсть о Ильѣ Муромцѣ и о Соловьѣ Разбойникѣ, Сказаніе о семи русскихъ богатыряхъ* и др. пп.

IV.

14 мая 1649 года „указалъ государь царь и в. кн. Алексѣй Михайловичъ всея Руси послати свою государеву грамоту въ Кіевъ къ митрополиту Сильвестру Коссову, чтобъ онъ, митрополитъ, ему, великому государю, послужилъ и его царскаго жалованья себѣ искалъ, и учителей, божественнаго писанія вѣдущихъ и эллинскому языку навичныхъ, священника Арсенія да Дамаскина Птицкаго, прислалъ къ нему, великому государю, къ Москвѣ, для справки Библии греческіе на словенскую рѣчь, на время. И по тому государеву указу, его государева грамота къ кіевскому митрополиту къ Сильвестру Коссову о томъ послана, и іюня въ 20 день писалъ къ государю царю и в. кн. Алексѣю Михайловичу кіев. митр. Сильвестръ Коссовъ—и прислалъ съ кіевскимъ старцемъ Θεодосіемъ учителей кіевскихъ, старцевъ Арсенія да Епифанія“... Присланные старцы были Арсеній Сатановскій и Епифаній Славинецкій. Приведенная грамота отърываетъ передъ нами рядъ ближайшихъ, непосредственныхъ сношеній и вліяній юго-западной Руси на Московское Государство къ концу первой пол. XVII в.—въ сферѣ литературы и образованія.

Прежде чѣмъ перейти къ характеристикѣ этихъ сношеній и вліяній, мы должны сдѣлать значительное отступленіе и остановиться на предварительной исторіи образованія и литературы въ юго-западной Руси въ концѣ XVI—пол. XVII вв.

28 іюня 1569 года, въ Люблинѣ, на общемъ сеймѣ, въ присутствіи польскихъ сенаторовъ и короля Сигизмунда Августа, могущественнѣйшій представитель Литвы, Юрій Ходкевичъ, староста жмудскій, во главѣ другихъ литовско-рус-

скихъ депутатовъ, прибывшихъ на сеймъ, отъ имени всего литовско-русскаго народа говорилъ польскому государю: „Свѣтлѣйшій, милостивѣишій король! Мы пришли сюда къ вашему величеству, чтобы покончить это дѣло (дѣло политическаго объединенія Великаго Княжества Литовскаго съ Польшей). Мы соглашаемся на него, но съ великою болью и стѣсненіемъ сердца,—по приказу вашей королевской милости, повинаясь волѣ вашей. Какъ все это намъ больно, невозможно выразить того словами... Вѣдь мы обязаны нашему отечеству, какъ вѣрные сыны его, заботиться о его благѣ, на сколько есть у насъ силъ... Призываемъ во свидѣтели ваше королевское величество и все настоящее собраніе: отечество свое мы защищали здѣсь столько, сколько могли! Мы не въ силахъ довершить этой защиты, и пусть это будетъ приписано препятствіямъ, судьбѣ, временамъ... Мы должны уступить, и мы уступаемъ, вѣряя наше дѣло милости вашего величества, какъ исполнителю законовъ и общему нашему государю... Благоволите, ваша королевская милость, такъ привести къ концу это дѣло, чтобы оно не было соединено съ нашею неволею или посрамленіемъ нашимъ или нашихъ потомковъ... Не допустите, ваше величество, посрамить насъ. Пусть этотъ актъ совершится такъ, чтобы на насъ не было ни одного пятна! Будьте сами, ваше величество, стражемъ и умирителемъ совершаемаго дѣла!.. Было бы очень больно намъ или внукамъ нашимъ, если бы пришлось вспоминать о сегодняшнихъ событіяхъ съ сожалѣніемъ, вмѣсто радости, или обвинять насъ, что мы не видѣли своей неволи... Мы уже доведены до того, что должны броситься съ униженной просьбой къ ногамъ вашей королевской милости („тутъ, замѣчаетъ современный актъ, всѣ съ плачемъ пали на колѣни“)!.. Умоляемъ васъ, ради самого Бога, благоволите припомнить нашу службу, нашу вѣрность, кровь нашу, которую мы для твоей царской славы проливали! Благоволи такъ устроить насъ, чтобы это было для всѣхъ съ честію, а не съ униженіемъ,—съ со-

храненіемъ добраго имени нашего и твоей царской совѣсти“!!.. Недаромъ литовскіе депутаты на колѣняхъ взывали о милости въ польскому королю, не даромъ они соглашались на унію „съ великою болью и стѣсненіемъ сердца“: совершившееся черезъ два дня послѣ этого событіе—люблинская унія 1569 года — надолго самымъ рѣшительнымъ образомъ измѣнила судьбы литовско-русскаго края. Юго-западная Русь, составлявшая дотолѣ самостоятельное Великое Княжество Литовское—съ этого момента была непосредственно присоединена къ Польшѣ.

Находясь подъ литовскими князьями, край этотъ по крайней мѣрѣ не утрачивалъ своей народности. Его языкъ былъ языкомъ государственнымъ, языкомъ княжескаго дома, языкомъ законодательства и управленія. Почти все государственные акты и грамоты Великаго Княжества Литовскаго писались по русски; на русскомъ же языкѣ изданы были *Судебникъ* Казимира и *Литовскій Статутъ*. Въ „Статутѣ“, даже прямо узаконялось: „Писарь земскій маеть по русски, литерами и словы русскими, вси листы, выписы и позвы писати, а не инымъ языкомъ и словы“... Но что еще важнѣе, уже съ XIV вѣка, русскій языкъ въ самой Литвѣ начиналъ дѣлаться языкомъ простонароднымъ, языкомъ всего литовскаго народонаселенія, какъ православнаго, такъ и католическаго. Андрей Василло, первый католическій епископъ въ Вильнѣ, вынужденъ былъ сознаться, что въ Литвѣ, и по введеніи въ ней католичества, продолжаетъ господствовать русскій языкъ и русская грамота; въ своемъ латинскомъ завѣщаніи онъ и самъ приводитъ нѣсколько русскихъ словъ, замѣчая, что это слова простонародныя... Литовско-русскій край продолжалъ оставаться политически независимымъ отъ Польши: онъ имѣлъ отдѣльную территорію, особые органы законодательной, судебной и административной власти. Унія 1386 года имѣла значеніе лишь политическаго союза, какъ и понималась въ официальныхъ актахъ XIV—XV вв. Русское населеніе,

представляя болѣе девяти десятыхъ всего количества народонаселенія, оставалось—и могло оставаться—православнымъ. Мало того; православное населеніе, какъ господствоваше по численности, начинало уже оказывать замѣтное вліяніе на населеніе литовское, въ собственной Литвѣ. Помимо языка, вліяніе это начинало сказываться и съ сферѣ религіозной. Въ литовской столицѣ, въ Вильнѣ, уже въ XV вѣкѣ половина жителей были православными. Православіе начинали исповѣдывать здѣсь не только въ низшей массѣ, гдѣ оно больше всего распространялось, но и въ высшихъ слояхъ, въ средѣ литовскихъ вельможъ и князей. Въ XIV—XV вв. сами литовскіе великіе князья нерѣдко переходили въ православіе. Вмѣстѣ съ этимъ, вліяніе проникало и другими путями. Весь общественный бытъ Литвы постепенно все болѣе и болѣе складывался подъ вліяніемъ русскимъ. Особенно этому способствовали весьма нерѣдкіе случаи родства литовскихъ князей съ русскимъ великокняжескимъ домомъ: этимъ путемъ русскіе вносили въ литовское общество свои общественныя понятія, нравы, обычаи. Литовцы учились у русскихъ военному искусству, умѣнью строить и защищать крѣпости, русскіе часто занимали у нихъ высшія общественныя должности, нерѣдко были правителями цѣлыхъ областей, и т. д. и т. д.

Уже Ягелло, актомъ соединенія Литвы и Польши, въ 1386 году, нанесъ сильный ударъ распространенію и упроченію русской народности въ Литвѣ; теперь, съ момента люблинской уніи 1569 года,—началось окончательное поработеніе русскаго, православнаго, населенія польскимъ, католическимъ.

Господствуя официально, Польша начинаетъ теперь открыто стремиться къ подавленію и уничтоженію въ присоединенномъ краѣ національной и религіозной самостоятельности. Поляки наводнили теперь Литву „явь чорна хмара“,—по выраженію одной малорусской пѣсни; они чувствовали себя полными хозяевами, и дѣйствительно были ими. Литовскія долж-

ности быстро очутились въ рукахъ поляковъ. Въ силу договора, поляки могли имѣть теперь въ Литвѣ поземельную собственность, и не замедлили воспользоваться своимъ правомъ, явившись вскорѣ владѣтелями цѣлыхъ литовско-русскихъ областей. Имъ даже могло принадлежать право „патронатства“ надъ мѣстными православными храмами и монастырями. Юго-западная Русь и Литва должны были теперь составлять съ Польшей одно государство,—имѣть одинъ сенатъ, одни финансы, одно войско. Сеймы стали смѣшанными, и чаще стали бывать въ Польшѣ. Представители Литвы смѣшались съ представителями Польши. Два различныхъ народа, различныхъ по языку, вѣрѣ общественному строю, обычаямъ и симпатіямъ,—теперь, въ силу искусственно придуманныхъ обязательствъ, должны были превратиться въ одинъ народъ, нераздѣльный и единый. При этомъ само собою подразумевалось, что юридическая равноправность обоихъ государствъ должна быть фактической гегемоніей Польши...

Перевѣсь, впрочемъ, долженъ былъ склониться и самъ собою на сторону болѣе культурную. Болѣе образованная, болѣе близкая въ западной Европѣ Польша не могла не охватить Литовскую Русь своимъ вліяніемъ. Последнее шло преимущественно черезъ высшіе слои, а за ними тянулось и среднее дворянство, быстро начавшее превращаться въ польскую шляхту. Превращеніе часто дѣлалось само собой: мелкое западно-русское дворянство, въ силу договора, уравнивалось съ польской шляхтой,—у этой шляхты ему приходилось теперь учиться своимъ новымъ правамъ, и тѣмъ самымъ незамѣтно для себя сближаться и сродняться съ новыми, польско-католическими, обычаями и нравами. Рядомъ съ всемогущей силою культуры, образованія, шло и подкупающее вліяніе простой внѣшности. „Русское дворянство изъ потребности просвѣщенія всѣми силами стало стараться быть похожимъ на польское. „Ляхъ“ для русскаго сталъ существомъ высшимъ. Богатые паны, литовскіе и русскіе, завели у себя при дворахъ

цѣлые притоны для поляковъ - цивилизаторовъ... Въ домашней жизни, въ приемахъ обращенія, въ нравахъ.—все, составлявшее признаки русской старины, стало по теперешнимъ понятіямъ признакомъ грубости и невѣжества; все польское и западное—служило вѣвѣской образованности и хорошаго тона“... Вліяніе сказывалось, говоря характернымъ языкомъ Іоанна Вышенскаго,—„во многихъ мисахъ, полмискахъ, приставкахъ черныхъ и шарыхъ, чирвонныхъ и бѣлыхъ юхахъ и многихъ селяницахъ и белишковъ и винахъ мушкетеляхъ, малмазияхъ, алякантахъ, ревулахъ, медахъ и пивахъ розмантихъ,—въ барилахъ зъ медами, барилкахъ зъ винами, шватулахъ зъ фляшамп, наполненными виномъ, малмазыею, зъ горѣлкою горкою дорогою, въ гордыхъ бадавѣяхъ, валахахъ, дрыгантахъ, ступакахъ, едвоходнивахъ,—колыскахъ, лектыкахъ, брожкахъ, варытахъ...—въ обилии слугъ“... Старинныя русскія однорядки казались теперь безобразными, и быстро замѣнялись вычурными польскими нарядами, старинныя помѣщенія русскихъ пановъ также сдѣлались неудобными—ихъ стали замѣнять пышные палаццы, построенныя и убранныя во всевозможныхъ вкусахъ Польши и западной Европы“...

Вмѣстѣ съ вліяніемъ бытовымъ, шло вліяніе въ сферахъ нравственной и умственной. Половина и конецъ XVI вѣва было временемъ перелома въ умственной жизни Польши. Это было время,—когда „всѣ реформаторы, всѣ новаторы, преслѣдуемые за вольнодумство, религіозное или политическое, бѣжали въ Польшу и находили здѣсь себѣ спокойное пристанище и послѣдователей. Въ ничтожнѣйшихъ селеніяхъ и деревушкахъ основывались типографіи, которыя печатавали и пускали въ обращеніе несмѣтное количество книгъ и брошюръ, политическихъ, богословскихъ, научныхъ, полемическихъ“... Польша тянула къ западу и стремилась впитать въ себя и переработать по своему образованность романскихъ и нѣмецкихъ народовъ. Связанная политически съ Польшу

шей въ одно неразрывное цѣлое, Русь, въ лицѣ своего высшего класса, должна была идти невольно за Польшей“. Вліяніе польской образованности на литовско-русскую аристократію особенно облегчалось развившимся къ этому времени обычаемъ поѣздокъ молодыхъ людей въ западно-европейскія страны и долгаго пребыванія ихъ въ западно-европейскихъ университетахъ. Вліяніе было тѣмъ сильнѣе, что и дома, за отсутствіемъ собственныхъ средствъ къ образованію, приходилось или отдавать дѣтей въ іезуитскія польскія училища или держать домашнихъ учителей, также въ большинствѣ случаевъ поляковъ или іезуитовъ. вмѣстѣ съ польскимъ и вообще иностраннымъ воспитаніемъ невольно являлась привязанность ко всему польскому, иностранному, и отчужденіе отъ своего роднаго, русскаго. Молодые литовско-русскіе аристократы, воспитанные поляками и іезуитами, долго странствовавшіе потомъ по западнымъ университетамъ, невольно разучивались въ своемъ родномъ языкѣ, дѣлались равнодушными къ родной вѣрѣ,—на все начинали глядѣть глазами своихъ воспитателей, во всемъ, что являлось особенностями русской жизни, начинали видѣть противоположность просвѣщенію, нѣчто такое, чего нужно не только избѣгать, но и стыдиться... „Очистите церкви отъ всякихъ прелестей и забобоновъ еретическихъ,—безъ цестроты, въ простотѣ сердца, Бога хвалѣте; латинскій смрадъ пѣсней изъ церкви ижденѣте, простою нашею пѣснію русскою поюще Бога благодарѣте... Еретичество и невѣріе всякое отъ себе отвержѣте. Иконное поклоненіе съ учтивостію почитайте, и въ домѣхъ, идѣже пребываете, образъ Матере Божія съ предвѣчнымъ ея Младенцемъ на стѣнахъ въ конци трапезы вашае пригвоздѣте. Крестомъ Христовымъ, до церкви пришедши, креститись,—не соромѣте. Або вѣмъ, нынѣ христіане Малыя Россіи всѣ поеретичѣли, яко креста Христова, славы своея соромѣются. И не толко въ церкви, але

и на трапезу сѣдаючи крестомъ знаменайте. Если бы и латина или еретики были съ тобою ся прилучили, не соромѣйтесь... Иноческаго чину не поругуйте...; нынѣ вы помудрѣли, Бога отгнали и благочестіе стратили, и зъ иноческаго чина ся смѣете, и духомъ проклятаго дьявола хулите“—укоряетъ современниковъ Вышенскій. „Поеретичѣхомъ вси обитальници Малой Россіи, жалуются онъ,—отъ Бога устранихомся далече, къ невѣрію и зложитіе припрягше... Русине! бывший благочестивый христіанинъ прежде и цѣломудрець—съ ляхи живущій нынѣ одѣтинѣлъ еси, раздѣлился на папешника, евангелиста, нововыкрещенца... Отъ главы и до ногъ оступѣли есте,—отъ начальникъ, отъ священникъ и до простыхъ овечистѣли есте, осмрадиѣли есте гноемъ міролюбія, образъ Божій огноили есте, нѣсть мѣста цѣлаго отъ грѣховнаго недуга,—все струпъ, все рана, все пухлина, все гнильство, все огнь пекельный, все болѣзнь, все грѣхъ, все неправда, все лукавство, все хитрость, все коварство“... Правда, Іоаннъ Вышенскій былъ слишкомъ суровый обличитель; но самая крайность обличеній, рѣзкость ихъ тона, не можетъ не свидѣтельствовать о силѣ новыхъ иноземныхъ вліяній въ средѣ западно-русскаго православнаго общества.

Всеохватившее вліяніе польской культуры особенно скоро связалось на языкѣ. Русскій языкъ сталъ или замѣняться польскимъ или ощущалъ на себѣ со стороны послѣдняго столь сильное вліяніе, что дѣлался неузнаваемымъ. Въ концѣ XVI вѣка многіе русскіе Литовскаго Княжества по польски говорили и писали больше и охотнѣе, чѣмъ по русски. Въ частной перепискѣ чаще всего употребляли польскій языкъ, хотя нерѣдко польскія слова писали русской азбукой. Присланную отъ Курбскаго въ славянскомъ переводѣ бесѣду Іоанна Златоуста вк. Острожскій считаетъ—„лѣпшаго ради выразумѣнія“—необходимымъ перевести на польскій языкъ. Во

времена Курбскаго въ Литовской Руси повидному легче можно было найти человѣка, знающаго греческій или латинскій языкъ, чѣмъ знающаго языкъ славянскій; по крайней мѣрѣ, такое мнѣніе выражаетъ самъ Курбскій. Въ одномъ памятникѣ конца XVI в. читаемъ: „Ученіе святыхъ писавій зѣло оскудѣ, паче же словенскаго россійскаго языка,—вси человѣцы приложишася простому несъвершенному людскому писанію, сего ради въ различныя ереси впадоша, не вѣдуще въ богословіи силы совершеннаго грамматическаго словенскаго языка“. На то же жалуется Іоаннъ Вышенскій. „Славянскій языкъ, пишетъ онъ въ одномъ изъ посланій, омерзѣлъ многимъ, его не любятъ и хулятъ... Славяно-русскій языкъ казался ничтожнымъ, бѣднымъ, въ сравненіи съ языкомъ польскимъ, и особенно латинскимъ, на которомъ писалась тогда вся научная литература. О литературѣ на славянскомъ языкѣ никто не говорилъ, да ее мало и знали... Писатели-католики указывали на бѣдность литературы на славянскомъ языкѣ, на плохое знаніе языка самими западно-русскими православными, и послѣдній упрекъ былъ не совсѣмъ не справедливъ. „Еще не было, писалъ въ своемъ сочиненіи *O jedności kościoła Bożego* Петръ Скарга,—на свѣтѣ академіи, гдѣ бы философія, богословіе, логика и другія свободныя науки преподавались по славянски. Съ такимъ языкомъ нельзя сдѣлаться ученымъ. Да и что это за языкъ, когда теперь никто не понимаетъ писаннаго на немъ? На этомъ языкѣ нѣтъ ни грамматики, ни риторики, да и быть не можетъ. Сами священники православные не понимаютъ теперь этого языка, и спрашиваютъ объясненій по польски. Благодаря славянскому языку, у православныхъ нѣтъ другихъ школъ, кромѣ самыхъ элементарныхъ, для обученія чтенію. Этимъ и ограничивается вся ихъ наука. Отсюда—общее невѣжество и заблужденія. Да и естественно: съ славянскимъ языкомъ выходитъ—слѣ-

пецъ слѣнца водить“... Въ виду этихъ нападокъ, вопросъ о славянскомъ языкѣ волновалъ многихъ и былъ предметомъ оживленной полемики. Западно-русскимъ православнымъ приходилось серьезно говорить о правѣ и славянскаго языка на существованіе, о его важности и необходимости. „Книги церковныя всѣ и уставы словенскимъ языкомъ друкуйте“, пишетъ Іоаннъ Вышенскій. „Што нѣкоторые наши на словенскій языкъ хулятъ и не любятъ,—да знаешь заповно, яко того майстра (дьявола) дѣйствомъ и рычаніемъ, духа его поднявши, то творять. А то для того дьяволъ на словенскій языкъ борьбу тую маеть, зажеже есть плодоносѣйшій отъ всѣхъ языковъ и Богу любимійшій: понеже безъ поганскихъ хистростей и руководствъ, се же есть граматикъ, риторикъ, діалектикъ и прочіихъ ихъ коварствъ тщеславныхъ.., простымъ прилежнымъ чтаніемъ, безъ всякаго ухищренія, къ Богу приводитъ“... „Суть нѣцыи глаголюще, чесо ради словенская письменна,—читаемъ въ *Сказаніи како состави св. Кирилль Философъ азбуку славенску*, приложенномъ къ виленской грамматикѣ 1621 года—ни бо тѣхъ Богъ сътвори, ни ангель, ни суть законни, яко жидовская и елинская, иже отъ закона суть и пріятны Богомъ. И мнять таковіи, яко единомъ имъ сътвори Богъ письменна, и не вѣдятъ, чтó глаголютъ окаяннии, яко трети языи токмо Богъ повелѣ книгамъ быти, рѣша, яко же и въ евангеліи глаголется, иже бѣ титла написана на крестѣ Господни—еврейски и гречески и латински, а славенски нѣсть ту; и того ради глаголютъ, не суть славенскіи книги отъ Бога. Но что възглаголемъ о тацѣмъ безумнымъ? обаче да речемъ къ нимъ отъ святого писанія, якоже научихомся, яко вся возможна суть отъ Бога, а не отъ инаго и ино, якоже и псалмистъ глаголетъ: Хвалѣте Господа вси языци, и похвалите его вси людіе, а не едиными трети письмены и языки, якоже они баснословять. Не сотвори Богъ жи-

довска языка прежде, ни еллинска, ни римска, но сирѣ-
скій, имъ же Адамъ глагола“... Другой современникъ, посвя-
щая князю изданную имъ книгу и обращаясь къ нему, до-
казываетъ съ еще бѣльшей подробностью силу и важность сла-
вянскаго языка: „Есть заправды и то межи иными, непос-
политая, ижъ ваша княж. милость прирочонный свой славен-
скій діалектъ або языкъ любишь и выславуешь, и силу его
разумѣючи, радъ книги того діалекту читаешь, и многихъ до
читаня и вожанья ся въ немъ побужати рачишь. И слушне:
маеть бо вѣмъ языкъ славенскій таковую въ собѣ силу и зац-
ность, же языку грецкому якобы природне
съгласуетъ, и власности его съчиняется: и
въ перекладъ свой приличне, и не яко природне онъ беретъ
и пріймуетъ, въ подобныи спадки склоненій и съчиненія па-
даючи; венць, и вайзвизнѣйшее сложное грецкое слово, по-
добнымъ такъже звязнымъ и сложнымъ по славенску выло-
жити есть можно, чого инымъ жаднымъ, а нѣ латинскимъ
недоказати языкомъ: чого доводомъ есть, же латинскіи пере-
водники таковыи слова, обширне зъ околичностями на свой
прикладаютъ языкъ, многими околичностями ширити мусятъ.
Отколь безпечнѣйшая есть рѣчь и увѣреннѣйшая—филосо-
фію и ееологию славенскимъ языкомъ писа-
ти и зъ грецкого переводити, нежли латинскимъ:
который оскудный есть, же такъ реку до трудныхъ, высокихъ
и богословныхъ рѣчій недовольный: для того жъ въ книгахъ
латинскихъ барзо много словъ ся грецкихъ находятъ, и
гдыбсмо зъ книгъ языка затынскаго хотѣли всѣ грецкіи
выбрати слова, сталъ бы ся якъ единъ отъ иныхъ. И не дар-
мо славный и мудрый вѣковъ нашихъ политикъ и историкъ
глубокій, въ князѣ подъ именемъ Мачузскаго выданой,
языкъ латинскій до ученой конскои едноходы, а грецкій до
прироченой ровнаеть. Зъ вѣку заисте той славенскій языкъ
есть знаменитъ, которого Іафеть и его поколѣнье уживало:
широко и далеко ся растягалъ и славный былъ: для чого

отъ славы славенскимъ названій есть: зажь бо вѣмъ не славный есть, гды отъ заходу Бѣлого моря и венецкихъ и рымскихъ ся тыкаетъ границъ, а отъ полудня з Грецію въ сусѣдствѣ и въ братерствѣ живеть; на всходъ зась солнца надъ Чорнымъ моремъ до Персіи притягаеть, а у Ледоватого моря ся опираеть на полночь з нѣмцами, и которыи учасноцтво зъ ними мають, отпирается. Не погоржали тымъ языкомъ славенскимъ и царскіи и кролевскіи дворы, мѣль заисте у нихъ свою знаменитую повагу. Припомню домовыи приклады. Меховита, историкъ польскихъ дѣевъ, пишеть, ижь кролевая Ядвига читовала Библию славенскую, и до вырозумѣнья ей мѣла выклады отцевъ святыхъ славенскимъ языкомъ, который зъ Библию читала. Другій прикладъ: за Казимира кроля въ Кракѡвѣ друковано по славенску книги вѣры и набоженства таково, явовое мы по сіи дни ведлугъ чину церкве Входней заховуемо“ [„Посвят. предмова“ Захарія Копыстепскаго, къ Бесѣдамъ І. Златоуста, Кіевъ, 1623]...

Самымъ роковымъ образомъ вліяніе люблинской уніи сказалось въ сферѣ религіозной. Политическая уніа въ Люблинѣ привела въ религіозной уніа въ Брестѣ (1596). Съ внѣшней, фактической стороны актъ люблинскаго „единенія“ поставилъ православную церковь въ ново-объединенномъ государствѣ въ крайне ложное положеніе: актъ этотъ, окончателно передавая польско-литовскимъ королямъ-католикакъ право патронатства надъ западно-русскою церквью, тѣмъ самымъ давалъ имъ въ руки могущественнѣйшее средство для быстрого внутренняго ея обезсиленія; съ другой стороны—и это самое главное—уніа открыла въ Литву широкую дорогу іезуитамъ, которыхъ польское правительство пригласило сюда въ томъ же 1569 году, спустя лишь нѣскольео мѣсяцевъ послѣ люблинскаго акта, и борьба съ которыми для мѣстной православной церкви была тѣмъ труднѣе, что ова

какъ разъ передъ этимъ понесла сильныя потери отъ нахлынувшего протестантства..

Уже со времени объединенія въ 1386 году, а теперь, послѣ 1569 года, несравненно въ еще болѣе степенѣ,— литовско-русское православіе, господствующее *de jure, de facto* являлось вѣроисповѣданіемъ лишь терпимымъ. Польское правительство продолжало и теперь, какъ прежде, дѣйствовать въ отношеніи къ нему крайне двулично. И послѣ люблинской уніи польскіе короли очень хорошо видѣли, что ихъ Великое Княжество Литовское не столько собственно литовское, сколько русское, что русское населеніе въ немъ господствующее, что населеніе это предано своей исконной вѣрѣ, православію, что языкъ княжества въ массѣ—языкъ русскій, что и въ высшихъ слояхъ общества—при всѣхъ успѣхахъ здѣсь колонизаціи—есть еще много знатныхъ русскихъ фамилій, владѣющихъ громадными поземельными имуществами, еще свѣжо чувствующіе свою кровную связь съ Москвой, и представители которыхъ, въ случаѣ чего, легко могутъ со всѣми своими владѣніями отойти къ великому князю Московскому, который, конечно, не откажетъ своимъ единовѣрцамъ въ покровительствѣ и защитѣ.. Эти и подобныя соображенія заставляли польскихъ королей иногда относиться съ наружнымъ расположеніемъ къ православному населенію края. При вступленіи на престолъ, каждый король обыкновенно давалъ торжественныя клятвы сохранять всѣ „права и привилегіи“ православныхъ; нерѣдко издавались подобныя постановленія и послѣ, во время правленія.. Но то, что дѣлалось въ этомъ отношеніи одной рукой, тутъ же разрушалось другой. И личныя католическія симпатіи и болѣе отдаленныя политическія соображенія заставляли польско-литовскихъ правителей въ душѣ сочувствовать иному, и на дѣлѣ стараться проводить другую политику. Православіе въ Литовской Руси являлось если не единственнымъ, то самымъ главнымъ препятствіемъ въ осуществленію исконной цѣли Польши

въ отношеніи къ литовско-русскому краю—„ополченію его посредствомъ католицизма“... Отсюда, рядомъ съ постоянными на бумагѣ заявленіями о совершенной полноправности православныхъ, шло систематическое подавленіе западно-рускаго православія на дѣлѣ. Рядомъ съ грамотами, благоприятными для православныхъ, тутъ же издавались постановленія, совершенно имъ враждебныя: то православные лишались права занимать высшія должности въ государствѣ, то имъ запрещали строить и даже возобновлять свои церкви, или же церкви эти прямо отнимались у нихъ и передались католикамъ, то ихъ лишали исконнаго права отправлять торжественно свои церковныя службы и праздники, то вдругъ самое вѣроисповѣданіе православное въ официальныхъ бумагахъ являлось „схизмою“, а православныя церкви „синагогами“, или, наконецъ, православные подвергались прямымъ полицейскимъ преслѣдованіямъ и насиліямъ...

Практиковать въ отношеніи къ мѣстному православію свою двучинную политику польско-литовскимъ королямъ особенно легко было благодаря принадлежавшему имъ праву патронатства надъ западно-русскою церковью,—праву короля раздавать по своему усмотрѣнію мѣстныя православныя епископіи, монастыри и церкви.

Въ западно-русскихъ областяхъ прихожане издавна принимали значительное участіе въ дѣлахъ своего прихода. Избраніе, напр., епископа здѣсь издавна совершалось не такъ, какъ въ Москвѣ, не соборомъ окружныхъ епископовъ, при согласіи великаго князя, а королемъ съ духовенствомъ, дворянствомъ и всѣмъ „людствомъ“ той епархіи, куда назначался епископъ. Мало по малу участіе мірянъ и духовенства стало ступшеываться, и назначеніе епархіальнаго архіерея исключительно сосредоточилось въ рукахъ короля. Понятно, какъ должны были пользоваться такимъ важнымъ правомъ короли-католики. Духовныя мѣста стали считаться наградами за гражданскія или военныя заслуги. Интересы самой церкви

была для королей совершенно чужды; напротивъ, заднія политическія соображенія должны были заставлять ихъ поступать въ такомъ случаѣ прямо во вредъ этимъ интересамъ. Злоупотребленія явились вопіющія. „Въ епископы и настоятели монастырей избираемы были большею частію лица свѣтскія изъ дворянскихъ фамилій, не приготовленныя въ исполненію высшихъ іерархическихъ обязанностей. Ихъ привлекали богатныя церковныя имѣнія, пожалованныя епископіямъ и монастырямъ древними князьями русскими, великими князьями литовскими и другими лицами, для благоустройства церквей, для устройства школъ и богадѣленъ... Еще при жизни престарѣлыхъ епископовъ, шляхтичи знатныхъ фамилій, желавшіе захватить въ свои руки церковныя имѣнья, отправлялись къ королю, упрашивали сенаторовъ, платили деньги—и получали право вступить въ управленіе епархіею по смерти престарѣлаго епископа. До посвященія въ епископскій санъ, они назывались „нареченными епископами“... Также точно и богатые монастыри, по волѣ короля и по ходатайству сенаторовъ, раздавались въ управленіе свѣтскимъ лицамъ шляхетскаго сословія. Шляхтичъ, получившій отъ короля жалованную грамоту на епископію, могъ передать свое право другому лицу, получивъ за то достаточное вознагражденіе. Иногда право на епископію король предоставлялъ двумъ лицамъ въ одно и то же время. Въ такомъ случаѣ споръ между „нареченными епископами“ обращался въ открытую войну. Они набирали толпу вооруженныхъ людей и силою овладѣвали епископскою резиденціею и церковными имѣніями, употребляя при этомъ пушки, гаковницы и другое огнестрѣльное оружіе... Нареченные епископы по нѣскольку лѣтъ управляли епархіями, оставаясь въ свѣтскомъ званіи; но и посвятившись въ епископскій санъ, продолжали вести безпорядочную, буйную жизнь, которою отличалась тогда большая часть польской шляхты. Имѣя въ услуженіи отряды гайдуковъ и другихъ ратныхъ людей, они позволяли себѣ самоуп-

равство и лично участвовали въ разбояхъ, грабежахъ и наѣздахъ, нарушая законъ и пренебрегая королевскими повелѣніями“... Подобно этому игуменами въ монастыряхъ часто бывали не монахи, а міряне, которые брали монастырь въ арендное пользованіе, управляли всѣми монастырскими вотчинами, совсѣмъ не думая принимать монашество, да и по закону это было для нихъ не обязательно... Такъ безцеремонно пользовались правомъ патронатства польскіе короли, а примѣру короля слѣдовали и другіе болѣе мелкіе патронаты-католики, князья и паны, также имѣвшіе въ своихъ помѣстьяхъ православные монастыри и церкви. Такой порядокъ вещей въ корнѣ подтачивалъ православную западно-русскую церковь, уничтожая въ ней самое главное—церковную іерархію...

Къ концу XVI вѣка передъ нами—дѣйствительно со всѣхъ сторонъ жалобы, отъ лица самихъ западно-русскихъ православныхъ, на ихъ современную церковную іерархію. Въ 1580 году, въ *предисловіи* въ Библии, кн. К. К. Острожскій пишетъ: „Видѣхъ церковь Христову, честною кровію Его искупленную, отовсюду враги противящимися попираему и нещадными волки, пришедшими въ міръ, безъ милосердія пожираему... Кто бо есть отъ благодарныхъ и благоразумныхъ, его же не подвиже жалость, зряще ветхость церкви Христовы, на паденіе клонящуся, или кто не смирится и не смутится, види виноградъ, Богомъ насажденный, его же обнимаютъ все мимоходящія путемъ, разоренія ради оплотовъ его?.. Различныя супостаты и многообразныя лукавства обстоятъ ны“... Какъ относились къ нуждамъ мѣстной православной церкви ея „оплоты“, можно видѣть изъ *посланія галицко-русскихъ дворянъ* къ кіевскому митрополиту Онисифору Дѣвочкѣ въ 1585 году. Упомянувъ о насиліяхъ и притѣсненіяхъ право-

славнымъ въ Львовѣ отъ католиковъ, дворяне продолжаютъ: „А что сказать о поруганіи св. крестовъ, объ отобраніи колоколовъ въ замокъ и отдачѣ ихъ жидамъ? И ты еще самъ даешь открытые листы на помощь жидамъ противъ церкви Божіей, къ потѣхѣ ихъ и къ большому поруганію нашего св. закона... Какія при томъ совершаются опустошенія церквей! Изъ церквей дѣлаются іезуитскіе костелы...; въ честныхъ монастыряхъ, вмѣсто игуменовъ и братій, живутъ игумены съ женами и дѣтьми. Изъ того, что отдано въ честь и хвалу Богу, совершаютъ святобродства, дѣлаютъ себѣ пояса, ложки, злочестивые сосуды для своихъ похотей, изъ ризъ дѣлаютъ саяны, изъ епитрахилей брамы... Въ великій епископскій санъ возводятся люди негодные, которые, къ поруганію св. закона, на епископскомъ сѣдалищѣ живутъ безъ всякаго стыда, съ женами и дѣтей рожаютъ. И множество иныхъ и иныхъ великихъ бѣдъ и нестроений, о чемъ мы къ сожалѣнію теперь писать не можемъ. Епископовъ наставилось много, по два на каждую каедру, оттого и порядокъ сгибъ... Бога ради осмотришь, вспомни святыхъ твоихъ предмѣстниковъ, митрополитовъ кievскихъ, и возревнуй ихъ благочестію... Намъ жаль души твоей... Даемъ знать твоей милости—прибавляютъ въ заключеніе дворяне: архіепископія кievская (Кіево-софійскій соборъ), сущая нынѣ подъ твою властью, отдана нѣкому еретикъ жолнеру, а архимандритія уневская обѣщана такому же“... Или вотъ что писали, спустя семь лѣтъ, въ 1592 году, лѣвовскіе братчики константинопольскому патріарху Іереміи: жалуются на притѣсненія отъ мѣстнаго епископа Гедеопа [...„непрестанными бѣдами томить насъ, между всякими чиновными людьми обдеветаль насъ,—мы не можемъ соорудить ни церкви, ни школы, какъ бы слѣдовало, и отпустили нашихъ дидаскаловъ, К и р и л л а въ Вильну, Л а в р е н т і я въ Брестъ, а д р у г і е разошлись по другимъ мѣстамъ и только Стефанъ остался здѣсь“...], указывая далѣе на недостойную

жизнь других православных епископов [... епископ холмский и пинский живут съ женами, еще и перемышльскій епископъ съ женою на епископство возведенъ "...],—братчики пишутъ: „Церковь сильно смущается; люди сановитые, впавшіе въ разныя ереси и хотѣвшіе возвратиться въ своему правосвѣрію, нынѣ отказываются отъ того, порицая церковное безчиніе, а всѣ люди единогласно говорятъ: „если не исправится въ церкви беззаконіе, то въ конецъ разойдемся, отступимъ подъ римское послушаніе и будемъ жить въ безмятежномъ покоѣ“... „Да вѣдаетъ твоя святыня, продолжаютъ взывать братчики во второмъ своемъ посланіи къ патріарху, отправленномъ вслѣдъ за первымъ, въ томъ же 1592 году,—что у насъ такъ называемые святители поистинѣ сквернителі, обѣщавшись иночествовать, живутъ невозбранно съ женами..., другіе прижили дѣтей съ блудницами. Если таковы святители, то какимъ же быть священникамъ?... Епископы расхитили себѣ архимандритства и игуменства, ввели въ монастыри своихъ родственниковъ и мірскихъ урядниковъ, истожили всѣ церковныя имѣнія и испразднили иночество... Церковь наша православная является исполненною всякаго зловѣрія, и люди смущаются недоумѣніемъ, не настаетъ ли время погибели. Многіе утвердили совѣтъ предаться римскому единоначальному архірейству и пребывать подъ папою римскимъ... Власть мірская потрясла всѣ наши города, и готовятся совершить по своему хотѣнію. Народъ же разсуждаетъ, что вѣра Христова можетъ правосвѣрно исповѣдываться и подъ римскою властью, какъ было изначала: потому что въ многоначаліи нашемъ—безначаліе обрѣтается, отеческіе законы попраны и ложь лицемѣрствующихъ православіемъ учителей покрыла церковь“... „Не стало у насъ учителей, не стало проповѣди слова Божія, не стало науки“, пишетъ кн. К. К. Острожскій въ Ип. Поцѣю въ 1593 году, наканунѣ брестской

уни: „пришло наконецъ на насъ то, что у насъ не остается ничего, чѣмъ бы мы могли утѣшиться въ нашемъ законѣ. Слѣдуетъ намъ сказать словами пророка: кто дастъ главѣ нашей воду и очесамъ нашимъ источникъ слезъ—чтобы мы могли оплакивать день и ночь обнищаніе и упадокъ нашей вѣры и закона? Все испроверглось и упало, со всѣхъ сторонъ скорбь, сѣтованіе и бѣда, и если не будемъ заботиться, Богъ вѣсть, что съ нами будетъ“... Припомнимъ также свидѣтельство *Перестроги*, западно-русскаго памятника 1600—1605 г.: „Наступовали на столицѣ митрополитове и епискове неискусные, не такіе, якіе исперва бывали..., лѣнныя и недобрые настали, и зъ ними порядки церковныя у забвеніе припли. Книги тые, що еще ихъ повостало, порохоми припали и все набоженство пришло ко взгордѣ, такъ ижъ не тылько шляхецкого, але и простого люде стану у иновѣрство и отщепенство приходили, отъ духовныхъ соблазнени будучи“... „Чтожь за чудо, говоритъ другой современникъ, ижъ и нынѣ отъ православныя вѣры [міролюбцы и роскошники свѣта сего] до матере прелести [самолюбія и тѣлоугодія] отпадають и отступають. Не дивуйся тому и не соблажняйся, возлюбленный брате, было то прежде, есть и будетъ; а до того правду хотячи почтити, а похлебству мѣсце не дати, нѣсть у наше русскимъ и въ дружествѣ стояти, и нѣсть отъ кого пользовати, и не чудо что и вси не отступятъ. А то яко, и для чего?—для того: словесныхъ пастыревъ никакоже обрѣсти нѣсть, точію по бруху и самолюбію“... Извѣстно, что во время брестской уни (1596) только два епископа остались вѣрными православію: львовскій, Гедеонъ Балабанъ, и перемышльскій, Михайль Копыстенскій... Западно-русская православная іерархія и въ XVII в. чаще всего дѣйствовала въ видахъ уни. „Слышу отъ благочестивыхъ духовныхъ и мірскихъ, писалъ въ Москву изъ Львова московскій посоль Тяпкинъ въ 1675 г.,—что ихъ владыки здѣсь только ман-

тій благочестивой вѣры восточной украшаются, внутри же тяжки св. церкви, какъ волки, и больше римскому костелу похлебствуютъ, чѣмъ церкви Божіи защищаютъ“...

Какъ разъ около этого времени западно-русское православіе стало нести большія потери въ борьбѣ съ протестантствомъ, а съ момента люблинской уніи, еще съ другимъ, несравненно болѣе хитрымъ и могущественнымъ врагомъ—іезуитами.

Въ Польшѣ и Литвѣ протестантство сдѣлалось извѣстнымъ очень рано, въ самое первое время его появленія въ западной Европѣ. И географическая близость къ протестантскимъ странамъ и международныя сношенія и политическія условія—все способствовало здѣсь успѣху протестантства. Особенно „открытымъ и почти беззащитнымъ полемъ“ для дѣйствія протестантства была юго-западная Русь. У Польши и Литвы издавна были частыя и разнообразныя сношенія съ западной Европой. Кромѣ того, въ XV—XVI вв. польская и литовско-русская аристократическая молодежь свои молодые годы обыкновенно проводила въ западныхъ университетахъ, и, конечно, не могла здѣсь не знакомиться съ новыми протестантскими идеями. Въ періодъ этой продолжительной жизни въ молодости за границей, чаще всего, вѣроятно, и полагались зародыши будущаго религіознаго индифферентизма, который такъ скоро сталъ обнаруживаться въ литовско-русской аристократіи, дѣлая для нее вопросомъ весьма нетруднымъ, легко рѣшаемымъ, и переходъ въ протестанство и переходъ въ католичество и самый вопросъ объ уніи... Протестанство, впрочемъ, шло въ Литву и юго-западную Русь и другимъ путемъ: въ польскихъ и литовско-русскихъ городахъ издавна было очень много нѣмцевъ-колонистовъ; въ XIV—XV вв. ихъ

можно было встрѣтить во всѣхъ важнѣйшихъ городахъ Польши и западной Руси. Между этими нѣмцами-переселенцами, кажется, раньше всего и стало распространяться протестантство. Какъ бы то ни было, сдѣлавшись рано извѣстнымъ, протестантство быстро стало приобрѣтать себѣ послѣдователей въ польскомъ и литовско-русскомъ обществѣ. Сочиненія Лютера, Меланхтона, Кальвина и въ польскихъ и литовско-русскихъ областяхъ расходились во множествѣ. Уже въ 1520 году и свѣтская и духовная власти въ Польшѣ начинаютъ запрещать эти сочиненія; запрещенія повторяются въ 1523, 1530 и 1532 гг. Въ королевскихъ указахъ, полакаемъ—подъ страхомъ конфискаціи имущества и вѣчнаго изгнанія изъ отечества—запрещалось „ввозить, продавать и употреблять книги Лютера“. Въ 1541 году вышло даже болѣе рѣшительное постановленіе: польскимъ молодымъ людямъ запрещалось ѣздить для образованія въ Германію, а равно и приглашать изъ Германіи учителей въ Польшу; вмѣстѣ съ этимъ—всѣхъ, кто заразился какою-либо ересью, предписывалось „лишать дворянства и наказывать, какъ виновниковъ въ оскорбленіи величества и измѣнѣ отечеству“...

Очень скоро указы, изданные сначала только для Польши, пришлось распространить и на Литовскую Русь. Въ литовско-русскомъ обществѣ, протестанство распространялось кажется, еще быстрѣе, чѣмъ въ Польшѣ. Распространенію здѣсь протестантскихъ идей больше всего помогъ самъ Сигизмундъ Августъ, съ 1544 года избранный литовскимъ великимъ княземъ. Воспитанный въ идеяхъ протестантства, новый князь, переселившись въ Вильну, не скрывалъ своихъ симпатій къ этимъ идеямъ. Онъ окружилъ себя здѣсь лицами свободнаго образа мыслей; изъ его собственной библиотеки раздавались публикѣ для чтенія сочиненія Лютера, Кальвина и другихъ реформаторовъ; его придворные проповѣдники открыто проповѣдывали реформатскія идеи, несмотря

на угрозы и противодействія со стороны вѣрныхъ католиковъ. Ставши позднѣе (съ 1548 года) польскимъ королемъ, Сигизмундъ, по политическимъ соображеніямъ, долженъ былъ переимѣнить значительно свое отношеніе въ религиознымъ вопросамъ въ самой Польшѣ, но въ юго-западной Руси онъ по-прежнему продолжалъ покровительствовать протестантству. Очень много способствовали распространенію въ Литвѣ протестантства также нѣкоторые богатые представители литовско-русской аристократіи, какъ вн. Николай Радзивиллъ Черный, вн. Николай Радзивиллъ Рыжій и богатый магнатъ Янъ Кишка. Это были представители самыхъ богатыхъ литовскихъ фамилій, пользовавшихся огромнымъ вліяніемъ и въ обществѣ и при дворѣ,—и всё свое громадныя матеріальныя средства, все свое общественное вліяніе они отдали на распространеніе принятыхъ ими идей... Радзивиллы были послѣдователями протестантства въ формѣ кальвинизма, Янъ Кишка—въ формѣ крайнихъ сектъ социніанства. Въ своихъ многочисленныхъ помѣстьяхъ названныя лица основывали школы, заводили типографіи, строили протестантскія церкви, собирали ученыхъ для перевода протестантскихъ книгъ на литовскій и русскій языки—словомъ, принимали всё мѣры для усиленія и развитія протестантской пропаганды среди литовско-русскаго православнаго населенія... Результаты этихъ усилій были огромны. На первыхъ порахъ протестантство особенно распространялось въ средѣ католиковъ. Почти все католическое дворянство края измѣнило своей родной вѣрѣ. Католическіе священники остались безъ паствѣ, цѣлыя католическіе приходы переходили въ протестанство... Скоро, вслѣдъ за католиками, пришла очередь и православныхъ. Новыя идеи распространялись преимущественно въ высшихъ классахъ православнаго населенія, приобрѣтая себѣ послѣдователей здѣсь цѣлыми массами. Къ 1596 году въ одномъ новгородскомъ воеводствѣ (въ епархіи, которую непосредственно завѣдывалъ

самъ митрополитъ), протестантами отнято было до 650 православныхъ церквей, и изъ 600 дворянскихъ домовъ, считавшихся раньше православными—только 16 домовъ остались вѣрными православію! Остальные перешли въ протестанство, именно въ крайнія секты соцініанства,—последователями которыхъ православные являлись преимущественно передъ другими формами протестанскихъ идей... „Мало не вся заражена язвой аріанскаго ученія“—замѣчаетъ между прочимъ Курбскій о Волынѣ, гдѣ онъ проживалъ съ 1564 по 1586 гг...

Несмотря однако на весь вредъ, сдѣланный западно-русскому православію протестанствомъ, вредъ этотъ былъ ничтоженъ въ сравненіи съ тѣмъ, что было сдѣлано въ этомъ отношеніи вслѣдъ явившимися сюда іезуитами.

Въ Вильну, какъ мы замѣтили, іезуиты были призваны въ томъ же 1569 году, спустя нѣсколько мѣсяцевъ послѣ люблинской уніи.

Сильнѣйшимъ средствомъ пропаганды въ рукахъ іезуитовъ всегда было воспитаніе. Вездѣ первымъ ихъ дѣломъ было заведеніе училищъ, коллегіумовъ, академій, съ цѣлью воспитанія въ нихъ молодого поколѣнія въ духѣ католичества... „Устройство іезуитскихъ школъ—говорить о ихъ внутреннемъ строѣ Спасовичъ—представляло примѣръ неслыханной нигдѣ до тѣхъ поръ централизаціи. Онѣ были устроены однообразно, малѣйшее отступленіе отъ общаго плана требовало особаго разрѣшенія пребывающаго въ Римѣ и облеченнаго диктаторскою властью генерала ордена. Преподаваніе было въ полномъ смыслѣ слова космополитическое, внѣ всѣхъ условій мѣста и времени, вполне подчиненное одной только идеѣ всемірнаго господства римско-католической церкви,—одно и то же въ Италіи, Испаніи, Австріи и Польшѣ; какимъ оно было задумано основателемъ іезуитской педагогики и сподвизжникомъ Лойолы, Петромъ Канизі-

емъ. такимъ почти и оставалось до паденія ордена. Оно пренебрегало народною мѣстною литературою и новѣйшею исторію, науками общественными и естествознаніемъ. Главнымъ предметомъ его заботы былъ языкъ римско-католической церкви, языкъ латинскій, и римская литература, тщательно очищенная отъ всякихъ идей, несогласныхъ съ церковной ортодоксіей.— всѣ классики изучаемы были по такъ называемымъ *editiones castigatae*. Ученикъ изучалъ въ двухъ низшихъ классахъ [*infima* и *grammatica*] основанія латинскаго языка по знаменитому учебнику іезуита Альвара; въ 3-мъ классѣ [*syntaxis*] оканчивалъ грамматику, въ 4-мъ [*poësis*] выучивался свободно читать и понимать труднѣйшихъ прозаиковъ [въ особенности Цицерона] и поэтовъ латинскихъ; въ 5-мъ классѣ [*rhetorica*] былъ занятъ теоріей краснорѣчія, вспомогательными науками и упражненіями въ стилистикѣ. Сверхъ этихъ пяти классовъ, при нѣкоторыхъ важнѣйшихъ коллегіяхъ состояли еще два высшіе курса: философскій [философія преподавалась преимущественно по Аристотелю] и богословскій, въ которомъ господствовалъ авторитетъ св. Тома Аквината“...

На другой же годъ своего прибытія въ Литву, іезуиты открыли въ Вильнѣ коллегіумъ и при немъ низшую школу. Наставники-іезуиты сумѣли очень скоро привлечь къ себѣ мѣстное населеніе. Ихъ школа быстро стала наполняться учениками, всѣ видѣли блестящіе успѣхи ихъ учениковъ, особенно въ латинскомъ языкѣ; въ тому же дѣтей бѣдныхъ родителей іезуиты принимали въ себѣ даромъ. Скоро въ ихъ школу стали присылать своихъ дѣтей и православные, чего, разумѣется, особенно и добивались іезуиты. Театральныя представленія, публично даваемые учениками въ іезуитской школѣ, различныя религіозныя процессіи, въ которыхъ ученики, одѣтые въ соответственные костюмы, изображали апостоловъ, пророковъ, ангеловъ и т. д., одинаково восхищали и учениковъ и ихъ родителей, и быстро распространяли популярность

новыхъ преподавателей... Вотъ напр. программа одного религиознаго праздника, устроеннаго іезуитами въ Вильнѣ: Торжественная процессія съ хоругвью св. Казимира шла черезъ городъ, останавливаясь на всѣхъ главнѣйшихъ пунктахъ. У Рудницкихъ воротъ, устроенныхъ въ видѣ исполинской птицы, явилась женщина въ глубокомъ траурѣ, изображавшая городъ Вильно [который страдалъ отъ частой заразы]; женщина утѣшаетъ себя тѣмъ, что послѣ канонизаціи св. Казимира она получитъ въ небѣ надежнаго ходатая и защитника. Два ангела съ лиліями въ рукахъ возвѣщаютъ ей, что надежды ея исполнились и что канонизація совершилась. Тогда женщина-Вильно мгновенно преображается въ царя съ багрянницей, короною и скипетромъ, садится въ колесницу и направляется въ городъ, предшествуемая Славой, держащею въ рукахъ золотую трубу. Близъ ратуши путь ея загорается огромнымъ картоннымъ замкомъ съ высокими башнями. Четыре ангела и четыре добродѣтели: Мужество, Умѣренность, Расторопность и Справедливость, ведутъ между собою передъ замкомъ разговоръ, послѣ котораго замокъ загорается и исчезаетъ среди пламени, шума и ружейныхъ выстрѣловъ. Предъ академическою церковью св. Яна, предшествующая кортежу Слава зоветъ академію, чтобы она приняла участіе въ празднествѣ. Является академія, сопровождаемая богословіею, филологіею, грамматикою, наконецъ девятью музами, покинувшими Олимпъ и поселившимися на берегахъ Вилии. Послѣднюю часть праздника составлялъ діалогъ, въ которомъ участвовало семь юношей, олицетворявшихъ семь главныхъ виленскихъ церквей, и т. д... Рядомъ съ школою, шли своей очередь другія средства пропаганды,—въ видѣ церковныхъ братствъ, публичныхъ диспутовъ, богослуженія, проповѣди. Проповѣдь была непрерывна. Каждый день, утромъ и вечеромъ; она раздавалась въ іезуит-

скомъ костелѣ на четырехъ языкахъ: польскомъ, латинскомъ, вѣмецкомъ и итальянскомъ, при чемъ проповѣдниками являлись такіе блестящіе ораторы, какъ Станиславъ Варшевицкій, первый ректоръ виленскаго іезуитскаго коллегіума, Петръ Скарга, вскорѣ прибывшій въ Вильну и быстро пріобрѣвшій извѣстность своимъ необыкновеннымъ краснорѣчіемъ, и др. Вліяніе іезуитскихъ проповѣдей было иногда до того сильно, что весь народъ въ церкви рыдалъ.

Свою дѣятельность іезуиты скоро перенесли и въ другіе пункты юго-западной Руси. Покровительство новаго польскаго короля, Стефана Баторія, особенно помогло имъ въ этомъ. Въ 1578 году, королевскою грамотой виленскій іезуитскій коллегіумъ былъ преобразованъ въ академію, а въ 1579 г. новая академія вполнѣ была уравнена въ правахъ съ академіей краковской. Въ томъ же году, взявши Полоцкъ, Баторіи, въ благодарность іезуитамъ, сопровождавшимъ его въ походѣ, основалъ здѣсь для нихъ новую коллегію и костелъ, и отдалъ въ полное ихъ распоряженіе всѣ мѣстныя православныя церкви и монастыри, а также принадлежавшія послѣднимъ владѣнія,—отдалъ затѣмъ, чтобы іезуиты устроили семинарію для воспитанія юношества, распространяли въ „схизматическихъ странахъ“ католическую вѣру, основывали приходы... И іезуиты тотчасъ же открыли въ Полоцкѣ семинарію, которая быстро наполнилась учениками, въ томъ числѣ и православными. Въ 1582 году такая же семинарія была открыта Стефаномъ Баторіемъ для іезуитовъ въ Ригѣ, и при ней низшая школа. Въ 1585 г. новая іезуитская семинарія основана была въ Несвижѣ, на средства малолѣтняго наслѣдника князей Радзивилловъ, кн. Николая Христофора Радзивилла, обращеннаго изъ протестантства въ католичество. Кромѣ того, уже съ 1571 года существовала еще одна іезуитская коллегія въ Ярославѣ, въ Галиціи—въ мѣстности съ сплошнымъ русскимъ населеніемъ...

Въ противовѣсъ существовавшимъ изавна въ краѣ православнымъ церковнымъ братствамъ, іезуиты основывали таковыя же собственныя. Такъ въ 1573 году въ Вильнѣ, по мысли Петра Скарги, было учреждено католическое братство св. тѣла Господня; своими блестящими театральными торжествами и процессіями братство это сильно привлекало къ себѣ окружающее населеніе.

Одновременно со всѣмъ этимъ, іезуиты обратились еще къ одному средству пропаганды, оказавшемуся особенно могущественнымъ—къ литературной полемикѣ.

Энергичная пропаганда іезуитовъ очень скоро начала приносить плоды. Прежде всего іезуиты поколебали протестантизмъ, которое быстро стало падать въ странѣ. Наиболѣе могущественные поборники протестантскихъ идей перешли въ католичество. Такъ Варшевицкимъ былъ обращенъ въ католичество заклятый врагъ его, кальвинистъ Ходкевичъ; Петръ Скарга привелъ обратно „къ послушанію римскому престолу“ малолѣтнихъ дѣтей Николая Радзивилла Чернаго, наследниковъ громаднхъ владѣній. Оба случая были блестящими побѣдами іезуитовъ. Скоро возвращены были „въ лоно вселенской римской церкви“ и многіе другіе пропагандисты протестантизма—Сапѣги, Сангушки, Часловскіе и пр. „Чего не могла сдѣлать пропаганда, то довершалось насиліемъ: во многихъ городахъ „зборы“ (протестантскія церкви) были разрушены народомъ по наущенію іезуитовъ, школы были разгоняемы учениками іезуитами, и на это насиліе нельзя было нигдѣ найти ни суда, ни расправы“...

Быстро стала сказываться дѣятельность іезуитовъ и въ средѣ православныхъ. Больше всего помогало этому воспитаніе юношества; воспитаніе это іезуиты теперь окончателно взяли въ свои руки. Іезуитскія школы были переполнены дѣтьми православныхъ; правда, родители скоро стали раскаиваться въ этомъ, когда увидѣли, что іезуиты изъ своихъ право-

славныхъ учениковъ „мало не всѣхъ“, пользуясь ихъ малолѣтствомъ, „намовя ихъ хитролестнѣ“, отвратили „отъ родной вѣры и перекрестили въ свое полувѣріе“,—но это было позднѣе: на первыхъ порахъ опасность невыполнѣ сознавалась. Успѣхи іезуитовъ сосредоточивались преимущественно въ высшихъ классахъ, и были здѣсь самые блестящіе: въ какіе-нибудь 40—50 лѣтъ, послѣ своего появленія въ Вильнѣ, іезуиты оторвали отъ западно-русской православной церкви почти всю мѣстную аристократію. Въ 1610 году западно-русская православная церковь такъ перечисляла свои потери, понесенныя ею отъ іезуитовъ: „Гдѣ тотъ безцѣнный камень, который я, вмѣстѣ съ другими перлами, какъ солнце между звѣздами, носила въ коронѣ на головѣ своей,—гдѣ домъ зн. Острожскихъ, сіявшій болѣе всѣхъ другихъ блескомъ своей старожитной вѣры? Гдѣ и другіе драгоценныя камни моей короны, роды князей Слуцкихъ, Заславскихъ, Збаражскихъ, Вишневецкихъ, Сангушекъ, Чарторыжскихъ, Пронскихъ, Рожинскихъ, Головчинскихъ, Кршинскихъ, Масальскихъ, Горскихъ, Соколинскихъ, Лукомскихъ, Пузышовъ и другихъ,—которыхъ перечислять было-бы очень долго? Гдѣ прочія мои драгоценности, гдѣ древніе, родовитые, сильные, во всемъ свѣтѣ славные своимъ мужествомъ и доблестью,—Глѣбовичи, Ходкевичи, Кишви, Сапѣги, Дорогостайскіе, Войны, Воловичи, Зѣновичи, Папы, Халецкіе, Тышкевичи, Корсаки, Хрептовичи, Тризны, Горностаи, Мышки, Гойскіе, Сѣмашки, Гулевичи, Ярмолинскіе, Калиновскіе, Кирдеи, Загоровскіе, Мелешки, Боговитуны, Павловичи, Сосновскіе, Скумины, Поцѣи?...“

И протестантство и католичество съ іезуитами во главѣ были крайне губительны для западно-русскаго православія потому, что они нашли западно-русскую православную церковь въ крайней степени внутренняго разстройства. По выраженію патр. Іоакима въ его грамотѣ, западно-русскіе православные въ этому времени „оскудѣли всѣми благами“. „Оскудѣніе“

дѣйствительно было полное, и заключалось какъ въ крайней деморализаціи высшей мѣстной іерархіи, о чемъ уже было замѣчено, такъ—и это главное—въ совершенномъ отсутствіи у западно-русскихъ православныхъ, до самой второй половины XVI вѣка, всякаго образованія..

Въ то время, когда социніане и іезуиты покрывали сѣтью своихъ школъ юго-западную и западную Русь, у православныхъ ея обитателей не было никакихъ собственныхъ средствъ къ образованію. Православныхъ школъ, кромѣ развѣ самыхъ элементарныхъ, долгое время воесе не существовало; до 70 гг. XVI ст. во всей литовско-русской митрополіи не встрѣчается ни одного училища для православныхъ дѣтей. Поступавшіе въ духовное званіе ограничивались одного начальною грамотностью, и учились ей, вѣроятно, у различныхъ „отцовъ и мастеровъ“, на дому, какъ это въ то время было и въ Московской Руси. Общественныхъ православныхъ школъ не существовало не только для дѣтей низшаго православнаго населенія, но и для дѣтей высшихъ классовъ общества. Поневолѣ приходилось отдавать дѣтей въ іезуитскія школы и коллегіи. Въ отсутствіи у православныхъ школъ современники видѣли главную причину внутренняго церковнаго разстройства и отпаденія къ католицизму высшихъ слоевъ общества. „То велими зашквдило паньству русскому, читаемъ въ памятникѣ первыхъ годовъ XVII вѣка,—же не могли школь и науки посполитыхъ (общенародныхъ) розширати и оныхъ не фундовано: бо коли бѣ были науки мѣли, не пришли бѣ до таковой погибели. Читаючи кроники польскія, знайдешь о томъ достаточнѣ, якъ поляци рускія паньства пообсѣдали, поприятелѣвшися зъ ними и цурки своя (своихъ дочерей) за русиновъ давши, чрезъ нихъ свои обычаи оздобные и науку ую-

ренили, — Русь, посполитовавшись (сдружившись) зъ ними, позавидѣла ихъ обычаямъ, ихъ мовѣ и наукамъ, и не маючи своихъ наукъ, въ науки римскія дѣти давати почали, которые зъ науками и вѣрѣ ихъ навѣкли, такъ по малу малу науками своими все паньство руськое до вѣрѣ римской привели, потомьове князатъ русскихъ зъ вѣры православной на римскую выкрестились и назвиска и имена себѣ поотмѣняли, якобы николи не знали быти потомками благочестивыхъ прародителей своихъ... [*„Черестрога“*, 1600—1605 г.]. Говоря предъ этимъ о первомъ распространеніи на Руси христіанства, авторъ замѣчаетъ: „Были на Руси великіе ревнители, язь много зъ великимъ коштомъ церквей и монастырей намуровали и маетностями опатрили [надѣлили], золотомъ, серебромъ, перлами и дорогими каменьями церкви приоздобили [приуьрасили], внигъ языкомъ словенскимъ великое множество нанесли,—лечъ того, чтѣ было наипотребнѣйшее, шкѣоль посполитыхъ. не фундовали“... „Здѣсь, писалъ М. С м о т р и ц ѣ и ѣ константин. патр. Кириллу Лукарису, не съ кѣмъ посовѣтываться,—ученаго челоуѣка и со свѣчей не найдешъ“...

У западно-русскихъ православныхъ было мало самыхъ книгъ на славянскомъ языкѣ. Правда, по нѣкоторымъ монастырямъ существовали библіотеки, и иногда даже довольно обширныя; но такія библіотеки были вообще большой рѣдкостью, а главное—случайностью. По крайней мѣрѣ, библіотеки даже въ Кіево-печерскомъ монастырѣ до 70 гг. XVI ст. не было. Недостача перѣдко чувствовалалась даже въ богослужетныхъ книгахъ; напр. даже въ той же Кіево-печерской лаврѣ въ концѣ XVI в. не находилось полнаго круга богослужетныхъ книгъ. Въ самомъ обществѣ ощущался крайній недостатокъ въ книгахъ для чтенія, особенно въ переводахъ важнѣйшихъ твореній отцовъ церкви. Въ существовавшей письменности Курбскій не могъ найти „и десятой части книгъ

учителей нашихъ старыхъ“... Славянскихъ книгъ было мало въ западно-русскомъ обществѣ нерѣдко по причинамъ, чисто мѣстнымъ: католики всячески старались уничтожить ихъ. Именно на это и указываетъ авторъ *Апокрисиса*, какъ на причину, почему онъ посвящаетъ свою книгу Яну Замойскому: имя могущественнаго магната должно было сохранить ее отъ истребленія. О томъ же говоритъ и авторъ *Перестроги*: „Въ самомъ Краковѣ корунномъ, замѣчаетъ онъ, и въ костелахъ римскихъ книгъ словенскихъ великими склепами знайдешь замкнутыхъ, которыхъ въ свѣтъ не выпускаютъ, также есть и во Львовѣ у мниховъ-доминиковъ склепъ великій книгъ нашихъ словенскихъ учительныхъ до купы възнесенныхъ“...

Таково было положеніе западно-русскаго православія къ концу XVI в. Чѣмъ ближе къ 1596 году, тѣмъ ярче и безотраднѣе возникаетъ передъ нами картина бѣдственнаго состоянія западно-русской церкви. Высшіе классы измѣнили православію, представители іерархіи — на крайней степени нравственнаго безсилія; „оплоты“ церкви рушились, — нѣтъ учителей, нѣтъ проповѣди, нѣтъ науки!... Все сильнѣе и сильнѣе развивается религіозный индифферентизмъ, многіе открыто заявляютъ о своемъ желаніи отдаться Риму, о готовности принять унію..

Но нѣтъ худа безъ добра... То, что способствовало крайнему обезсилію западно-русской церкви, косвенно въ тоже время было причиной и ея внутренняго нравственнаго возрожденія. Быстрыя побѣды надъ западно-русскимъ православіемъ, сначала со стороны протестантства, потомъ католичества, и въ частности іезуитовъ, — тѣмъ самымъ вызвали на защиту родной вѣры новыя силы. Овладевъ безъ большого труда высшимъ слоємъ общества, найдя прямую поддержку своимъ цѣ-

877

Тригоровичъ и русская литература 40-хъ гг. Казань, 1894.

Памяти Н. С. Тихонравова. Ученые труды Тихонравова въ связи съ болѣе ранними изученіями въ области исторіи русской литературы. Казань, 1894.

Русскій театръ въ XVIII в. (изъ «Рус. Обзор.»).

Zur Geschichte des deutschen Lucidarius.
Zeitschrift für deutsches Altertum und deutsche Litteratur, herausgegeben von E. Schroeder und G. Roethe. Sonder-Abdruck. Berlin, 1897.

Изъ исторіи нѣмецкаго и чешскаго Луцидаріусовъ. Казань, 1897.

Отчетъ о научныхъ занятіяхъ во время заграничной командировки. Казань, 1897.

Болгарскій Иѣокивецъ 1337 года (изъ «Извѣстій II Отд. И. А. Н.»).

Исторія литературы, какъ наука. Варшава, 1897.

Программа лекцій по исторіи русской литературы, съ указаніемъ источниковъ и пособій. Казань, 1898.

Новый трудъ по исторіи русской литературы. По поводу книги А. Н. Пынина, Ист. рус. лит., т. I, Спб., 1898 (изъ «Ж. М. Н. Пр.»).

Пушкинъ въ Казани. Казань, 1899.

Ф. И. Вуслаевъ и его «Воспоминанія». Казань, 1899.

А. С. Пушкинъ, какъ народный поэтъ. Казань, 1899.

Два слова о сл. «былина». Спб., 1898 (изъ Извѣстій II Отд. И. Ак. Н.).

Изъ исторіи древнерусскаго Луцидаріуса. Казань, 1899.

Изъ исторіи южно-славянской алфавитической литературы. Спб., 1899 (изъ Извѣстій II Отд. И. Ак. Н.).

Академическое изданіе сочиненій Пушкина. Варшава, 1900.

Складъ имѣющихся въ продажѣ изданій—въ книжныхъ магазинахъ Бр. Башмановыхъ и Дубровина, въ Казани.

Того же автора:

Изъ Сорокиѣ и Васолазъ Патрикѣвъ, ихъ литературные труды и идеи въ древней Руск. Изданіе Императорскаго Общества Любителей Древней Письменности. Спб., 1882.

В. А. Жуковскій. Первые годы его жизни и поэтической дѣятельности. Казань, 1883.

Древне-славянское Евангеліе, принадлежащее Обществу археологій, исторіи и этнографіи при Имп. Кав. университетѣ. Воронежъ, 1883.

Театръ до-Петровской Руск. Историко-литературный очеркъ. Казань, 1884.

XVII вѣкъ въ исторіи русской литературы. Историко-литературный очеркъ. Спб., 1884.

Любопытный памятникъ русской письменности XV вѣка. Изданіе Императорскаго Общества Любителей Древней Письменности. Спб., 1884.

Св. Кириллъ и Меодій и совершенный ими переводъ св. Писанія. Казань, 1885.

Первые труды по изученію начальной русской летописи (до изд. «Полн. Собр. Рус. Лѣт.»). Библиографическія замѣтки. Казань, 1885.

Приложеніе къ брошюрѣ: «Св. Кириллъ и Меодій» и пр. Библиографическія замѣтки. Казань, 1885.

Цвѣтущій періодъ древне-болгарской письменности и одинъ изъ его предшественниковъ. Воронежъ, 1886.

Ворьба съ католичествомъ и умственное пробужденіе Южной Руск въ концѣ XVI в. Историческій очеркъ. Кіевъ, 1886.

Думки изъ его произведеніяхъ и писемъ. Казань, 1887.

Очерки изъ исторіи западно-русской литературы XVI—XVII вв. Москва, 1888.

Новый трудъ о Жуковскомъ (изъ «Ж. М. Н. Пр.»).

Творенія отцовъ церкви въ древне-русской письменности. Обзорніе рукописнаго матеріала. Спб., 1888.

Творенія отцовъ церкви въ древнерусской письменности. Извлеченія изъ рукописей и опыты историко-литературныхъ изученій. I—IV. Казань, 1889—1891.

О Т. Аксаковѣ. Дѣтство и студенчество (изъ «Рус. Обзор.»).

Изъ лекцій по исторіи русской литературы. Первые опыты миеологическихъ изученій. Казань, 1893.

Изъ лекцій по исторіи русской литературы. Первые труды по изученію языка. Казань, 1894.